

Д 2016

3093 к

Г.Е. Отепова

**ИСТОРИЯ
КАЗАХСТАНА
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ
ИСТОЧНИКАХ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Павлодарский государственный педагогический институт

Г.Е. Отепова

**История Казахстана
в законодательных источниках
Российской империи**

Монография

Павлодар, 2015

УДК 94(574+075)
ББК 63.3 (5к)
О 82 -

Рекомендовано к изданию ученым советом
Павлодарского государственного педагогического института

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **Т.С. Садыков**
доктор исторических наук, профессор **З.О. Дукенбаева**
доктор исторических наук, профессор **С.Н. Мамытгова**

О 82 **Отелова Г.Е.**

История Казахстана в законодательных источниках Российской империи.
Монография. – Павлодар: ПГПИ, 2015. – 260 с.

ISBN 978–601–267–367–8

Монография посвящена малонисследованной проблеме в современной исторической науке Казахстана – анализу законодательных актов Российской империи как исторического источника по истории колонизации Казахстана XVIII - начала XX века. В работе освещены как теоретические вопросы изучения законодательных источников, так и их практическое влияние на внедрение российской административно-территориальной, судебной, налоговой и т.д. систем на территории Казахстана.

Сборник предназначен для преподавателей, студентов, магистрантов, научных работников и всех интересующихся проблемами истории Казахстана в составе Российской империи.

Работа выполнена в рамках грантового финансирования МОН РК научного исследования по проекту №1726/ГФ2: «Законодательные акты Российской империи как исторический источник по истории Казахстана: научные исследования и критический анализ» (2012-2014 гг.).

© Г.Е. Отелова, 2015.

© Павлодарский государственный педагогический институт, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
I часть. Теоретико-методологические аспекты изучения законодательных источников	
Глава 1. Степень научной разработанности вопросов изучения законодательных источников	8
Глава 2. Источники по изучению законодательных документов	18
Глава 3. Понятие «закон», его критерии и особенности в период абсолютной монархии	35
Глава 4. Этапы прохождения и утверждения законодательных документов ...	56
Глава 5. Основные методы исследования законодательных актов	75
Глава 6. Классификация и систематизация законодательных актов Российской империи по истории Казахстана	92
II часть. Правовые основы колонизации Казахстана	
Глава 1. Объективность происхождения законодательных актов Российской империи по истории Казахстана	116
Глава 2. Законодательные основы внедрения и изменения административно-территориальной системы Казахстана	133
Глава 3. Законодательные акты империи по вопросам изменения правовой системы Казахстана	158
Глава 4. Законодательные акты о внедрении и распространении российской налоговой системы Казахстана	185
Глава 5. Законодательная база империи, регулирующая земельные отношения и вопросы переселенческой политики на территории Казахстана	203
Глава 6. Законодательные акты царского правительства по вопросам образования и религии в Казахстане	227
Заключение	244
Список использованной литературы	246
Обозначения и сокращения	259

Введение

Коренные преобразования, происходящие в политической, культурной и социально-экономической жизни современного казахстанского общества, создают принципиально новую ситуацию и открывают новые возможности для развития исторической науки. Как отметил Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев: «К пониманию исторических связей и закономерностей, к постижению прошлого своей страны и своего народа каждый человек приходит по-своему. Здесь нет, да и быть не может какой-то универсальной, одинаково годной для всех методологии. Ибо пути познания столь же многообразны, сколь богата и многообразна сама история» [1, с. 3].

Переосмыслить, понять и осознать историю с позиций сегодняшнего дня можно, только опираясь на исторические источники, т.к. именно они являются связующим звеном между прошлым и настоящим. Недостаточность, а порой и отсутствие ряда документальных источников приводит к ряду погрешностей в трудах исследователей, искажению исторических фактов, разногласиям в процессе толкования исторических событий. В связи с этим, несомненно, усиливается важность изучения и использования исторических источников в идейном воспитании общества, его гуманизации и консолидации. Если до недавнего времени исследования источников носили непоследовательный, отрывистый характер, то теперь сама действительность диктует необходимость их системного и комплексного использования. «В настоящее время формирование новых теоретико-концептуальных подходов в исторической науке, их применение к новой истории Казахстана являет новые грани в освещении и определении важных вопросов взаимоотношений Казахстана и России в XVIII – начале XX века. Обращение к научным историческим исследованиям по данной проблеме с позиции переосмысления научных взглядов авторов является необходимым и своевременным. Воссоздание правдивой картины прошлого с использованием и анализом всего круга источников – одно из неперемennых условий развития исторической науки» [2, с. 3].

В современном обществе публикация и изучение исторических источников оказывают все большее влияние не только на профессионалов-историков, на их исследования, но и непосредственно воздействуют на умы и сердца читателей, формируют общественное сознание, помогают самоопределиваться в многообразном и противоречивом мире. Только читая и изучая исторические источники, человек может научиться мыслить самостоятельно, анализировать, делать свои выводы. Через знание и изучение источников человек использует

накопленный опыт истории для решения собственных жизненных проблем. Особенно это относится к законодательным источникам, так как именно они помогают на основе полученного опыта из истории прошлого проанализировать и понять правовую ситуацию современности, объективно оценить возможности и основные направления деятельности государства, выработать свою гражданскую позицию, активно участвовать в общественно-политической жизни общества, способствовать развитию и укреплению гражданского общества.

Большую роль в восстановлении объективной действительности играют законодательные источники, потому что именно они раскрывают суть проводимой тем или иным государством официальной политики на определенной территории. На большую роль законодательства в изучении истории того или иного государства в свое время обращал внимание известный русский правовед XIX века М. Сперанский. Он писал: «Известно, что законы изображают, так сказать, внутреннюю жизнь государства. В них видно, как нравственные и политические его силы слагались, образовались, возрастали и изменялись. Следовательно, история государства без познания законов не может иметь ни ясности, ни достоверности, так как, с другой стороны, законы без истории часто бывают невразумительны. Посему, чем благовременные законы приводятся в известность, тем источники истории для современников становятся удобнее, для потомства достовернее. Здесь не излишне будет припомнить, если издание наших законов в настоящее время представляло уже немаловажные затруднения, то по истечении нескольких лет, оно было бы еще многосложнее, а наконец, может быть сделаться почти неприступным» [3, с. 156]. Таким образом, уже в XIX веке учеными ставилась задача о необходимости сбора, изучения, публикации, сохранения законодательных документов для передачи его будущим поколениям, чтобы они из первых источников могли сами изучать историю и политику государства, основные направления развития общества.

Вопросы истории Казахстана в составе Российской империи вызывают много споров, дискуссий, разногласий на протяжении длительного времени. Дать ответы на многие вопросы, волнующие до сих пор не одно поколение историков, ученых, общественности, помогут именно законодательные документы царского правительства. Законодательная база Российской империи позволяет отбросить всякие эмоции при изучении истории Казахстана в ее составе и даст возможность объективно проанализировать многие исторические аспекты и факты. Основываясь на документы царского правительства можно раскрыть суть официальной политики, проводимой империей

на территории Казахстана, и все связанные с ней последствия для политической, социально-экономической жизни казахского общества, выработать общий концептуальный подход к изучению этого сложного и неоднозначного периода в жизни нашего государства.

Данная монография является результатом научно-исследовательской работы автора, которая была начата в 2005 году. В ходе работы были использованы материалы законодательных актов, опубликованные в различных официальных периодических изданиях царского правительства, документы, огложившиеся в исторических архивах России и Казахстана, источники, использованные в трудах и монографиях российских и казахстанских ученых, работавших над данной проблематикой. В монографии автор на основе многочисленных выявленных законодательных источников Российской империи (многие из которых впервые введены были в научный оборот), показывает, как осуществлялся процесс присоединения, вхождения и завоевания территории Казахстана, как на юридической основе внедрялись и закреплялись различные реформы, которые, в конечном счете, привели к коренным изменениям существующей общественно-политической и социально-экономической жизни казахского края. На основе большой источниковой базы раскрыта колонизаторская сущность политики, проводимой царским правительством на территории Казахстана, показаны роль и значение законодательных документов для изучения истории нашего государства в составе Российской империи.

I часть

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Глава 1.

СТЕПЕНЬ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ ВОПРОСОВ ИЗУЧЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Вопросам развития казахско-русских отношений, присоединения Казахстана к России, проведения колонизаторской политики в крае посвящены многочисленные научные монографии, работы, публицистические статьи, очерки и т.д. Только их перечисление займет несколько страниц. Однако наша задача заключается в том, чтобы выявить и охарактеризовать те исследования, которые изучали законодательные материалы как исторический источник, раскрывали их суть, особенности и значение.

Основные законодательные акты изучаемого периода были опубликованы в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ РИ), Собрании узаконений и распоряжений правительства, Своде законов Российской империи. При изучении данных источников первостепенную и большую роль играют работы М. Сперанского «Руководство к познанию законов» [4], П. Майкова «О своде законов Российской империи» [5], сборник «Пособия и правила изучения российских законов» [3], Н. Рождественского «Руководство к российским законам» [6], М. Виновера «К вопросу об источниках X тома Свода законов» [7]. В данных работах авторы обращают внимание на необходимость изучения законодательных материалов, дают характеристику официально опубликованным изданиям царизма, показывают источники российского законодательства, его особенности. Видный общественный деятель России, правовед XIX века М. Сперанский пояснял, как необходимо изучать законодательные документы: «Порядок законодательства включает в себе разрешение на следующие вопросы: 1) как законы составляются, поясняются и дополняются, 2) в какой форме они издаются, 3) как обнародываются, 4) с какого срока они признаются действующими, 5) как они могут быть отменяемы» [4, с. 83]. Однако во всех этих работах Полное собрание законов рассматривалось как объект изучения истории России, вопросы же истории Казахстана ни в одном из данных трудов не рассматривались. Такая постановка вопроса характерна и для всех дальнейших исследований.

Характеристика, оценка основных положений административно-политических реформ, проводимых на территории Казахстана царским самодержавием, содержится в трудах ученых, исследователей, путешественников, современников и царских чиновников, которые непосредственно были участниками тех далеких событий. К ним следует отнести таких авторов, как А.И. Левшин [8], Ф.И. Лобысевич

[9], Л. Мейер [10], М. Красовский [11], Л. Костенко [12], И.Г. Андреев [13] и др. Труды данных исследователей имеют огромное значение для раскрытия подлинных устремлений самодержавия на территории Казахстана, так как содержат огромный фактологический материал. Однако вопросы законодательства как исторического источника, их анализ в данных трудах не рассматриваются.

Наиболее существенные заслуги в изучении законодательства, как источника права, принадлежат русским историкам права XIX - начала XX в. Значительный интерес среди трудов по истории права России представляют работы В.Н. Латкина [14], Н.П. Загоскина [15], М.Ф. Владимирского-Буданова [16], И.Д. Беляева [17], Н.М. Коркунова [18], С.А. Котляревского [19] и др. В ряде работ интересующий нас период рассматривается частично, но все эти работы представляют огромный интерес с точки зрения теории и метода историко-правоведческого исследования. В своей работе В.Н. Латкин пишет о значении изучения законодательных памятников: «Об истории отдельных постановлений памятников, само собой разумеется, нельзя говорить без предварительного ознакомления с самими памятниками. Таким образом, внешняя история права, рассматривая закон как памятник известной эпохи, исследуя списки его, критически доказывая достоверность, подлинность или подложность его, разлагая его на составные элементы и прочее, этим самым работает, так сказать, для очистки материала, оперирование над которым составляет функцию внутренней истории» [14, с. 1-2].

Работы И.И. Крафта занимают особое место в данном ряду русских исследователей. Он около десяти лет жил и работал в Казахстане, и поэтому не понаслышке знал обо всех переменах, происходящих в крае. Некоторое время он редактировал «Тургайскую газету», изучал быт местного населения. За короткий срок он выучил казахский язык, сделался «своим человеком» среди казахов. Именно работая редактором, он приобщился к азам журналистики, а затем и вовсе научился мастерски владеть словом. Затем И.И. Крафт был назначен советником Тургайского областного правления по инородческим вопросам. Здесь он особое внимание уделял проблемам народного образования, вникал во все нужды степеняков и отразил эти вопросы в сборнике изданных им статей. Его работы для исследователя интересны тем, что они написаны непосредственным очевидцем событий и фактов, происходивших на территории казахского края, в них можно найти законодательные материалы, которые до сих пор не были использованы и опубликованы. Конечно, И.И. Крафт был чиновником своего времени, и это, естественно, отразилось на его работах. Тем не

менее, он внес определенный вклад в изучение законодательной базы Казахстана, составил одним из первых перечень законов, изданных царским самодержавием по управлению казахского края. В целом, им было написано большое количество статей, заметок, посвященных изучению присоединенных территорий Казахстана.

Одной из работ И.И. Крафта, посвященных непосредственно истории Казахстана, является «Сборник узаконений о киргизах Степных областей» [20]. Определяя цель своего исследования, И.И. Крафт писал: «Изложить в кратком историческом очерке постепенное водворение на этой обширной окраине суда и расправы и высказать свой взгляд на значение судебной реформы в связи с недостатками существующего в крае сословного, так называемого народного суда» [20, с. 21]. Данный труд содержит в себе краткий исторический очерк «Принятия киргизами русского подданства», положение «Об управлении Степных областей» с разъяснениями и дополнениями, положение «Об управлении Туркестанского края».

Другая работа И.И. Крафта «Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях» [21], изданная в 1898 году, раскрывает вопросы внедрения российского судопроизводства на территории Казахстана. На основе многочисленных законодательных актов он дает описание судебной части в казахском крае и показывает, как менялось судопроизводство на протяжении длительного времени. Автор подробно рассматривает статьи положений по управлению Степными областями и Туркестанским краем, которые касаются судопроизводства. В своей работе он дает анализ временных правил от 2 июня 1898 г. «Об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях».

В 1898 году в типографии П. Журинова И.И. Крафтом было отпечатано отдельным изданием положение «Об управлении Степных областей» [22]. Кроме Степного положения в состав книги вошли: штаты учреждений и управлений, некоторые статьи Туркестанского положения о судебном устройстве с разъяснениями Правительствующего сената, историко-статистические данные о городах казахского края, с относящимися к ним узаконениями, правила о составлении и исполнении земских смет и указатель узаконений и распоряжений, вошедших в состав издания.

Другой русский исследователь А.Е. Алекторов в работе «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах» [23] также указывает на необходимость изучения казахских рукописей. Данный труд, включающий в себя около 1000 страниц, содержит огромное количество библиографических названий, поэтому трудно переоценить

значение этой работы для историографии и источниковедения Казахстана. Автор дает характеристику письму Абулхайра, показывает интерес царизма к прошению, дает характеристику процессу присоединения Казахстана в начальный период. Эта работа помогает исследователям ориентироваться в огромном потоке информации, которая была опубликована по истории казахов.

В целом анализу законодательных памятников, как и других источников, русские историки права уделяли мало внимания, используя источники, прежде всего в выборочных целях, что особенно заметно при описании права XVIII-XIX вв. За рамками исследования остался огромный массив законодательных актов, касающихся национальных окраин, в частности истории Казахстана.

Законодательство изучаемого периода рассматривалось русскими исследователями и в советский период, правда, опять в основном юристами. Появилось несколько работ коллективного творчества, в которых были опубликованы основные законодательные источники исследуемого периода. Здесь можно назвать работу коллектива авторов «Российское законодательство в X-XX вв.» [24]. Данный труд содержит материал по законодательству России соответствующего периода о крестьянах, о государственном механизме управления, крупнейший уголовный закон – уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Однако материала относительно истории Казахстана данный труд не содержит.

С отдельными документами по истории XVIII в. можно ознакомиться в сборнике «Материалы по истории СССР» [25]. Законодательные акты России первой четверти XVIII века рассматриваются в работе «Памятники русского права. Законодательные акты Петра I» [26]. Однако источники, опубликованные в данных работах, относятся только к истории России, в данных сборниках нет законодательных источников по истории Казахстана.

В трудах по истории права, написанных в советский и постсоветский период, анализу источников, в том числе и законодательных, внимание почти не уделялось. В этих исследованиях упоминались основные разновидности законодательных актов, давался очерк истории кодификации права или истории государственных учреждений России. К ним можно отнести работы И.А. Исаева [27], Н.П. Ерошкина [28], И.А. Мироновой [29], Л.М. Дамешек [30], С.И. Антоновой [31].

О невозможности раскрыть суть царской политики без изучения законодательных материалов отмечал Б.М. Кочаков в своей работе «Русский законодательный документ XIX-XX вв.» [32]. Автор пишет о необходимости изучать и анализировать законодательные документы:

«Законодательные акты непосредственно выражают деятельность чиновников государственного аппарата как представителей господствующего класса и исполнителей его воли. Поэтому изучать историю правительственной политики без привлечения, прежде всего законодательного материала как непосредственного остатка политики господствующего класса – невозможно» [32, с. 320]. При написании данной работы он использовал материалы департамента юстиции, различных министерств, комиссий, переписку чиновников и т.д. На основе этих материалов автор показывает особенности происхождения законодательных актов. Другая его работа «Законодательные материалы как исторический источник» [33] посвящена анализу законов из Полного собрания законов Российской империи, относящихся к истории России. Эта работа имеет большое практическое значение для теоретического изучения законодательных актов исследуемого периода.

В целом исследования и выводы, сделанные при изучении истории права России, весьма ценны для изучения законодательных актов как исторического источника и для истории Казахстана. Однако ученые, обращаясь к законодательным актам, как к одному из источников права, использовали законодательство XVIII - начала XX вв. лишь в незначительной степени, рассматривая только отдельные законодательные акты Российского государства.

Большой интерес для исследователя имеют дореволюционные периодические издания исследуемого периода, так как именно в них нашли отражение мнения различных социальных кругов по вопросам внедрения, распространения и значения российского законодательства на присоединенных территориях. На страницах журналов и газет, таких как «Тургайские областные ведомости», «Военный сборник», «Русская старина», «Туркестанские ведомости», «Русский архив», «Сибирская жизнь» и др. можно найти отклики на те или иные законодательные документы. В частности, в сборнике «Казахстан на страницах Туркестанского сборника» [34] составителями указаны многочисленные статьи, которые раскрывали суть российского законодательства на территории Казахстана. Среди них, например, статьи А. Иванова «Одна из наших окраин», «Русская колонизация в Туркестанском крае», в которых описывается русское законодательство периода правления Кауфмана; статья Н.И. Шамшева «40-летие Туркестанского генерал-губернаторства» – посвящена проекту административного устройства Туркестанского генерал-губернаторства; статьи А. Баллюзеска «Новое административное деление Тургайской области»; М. Герентьева «Туркестан и туркестанцы» – рассматривают проект положения по управлению краем; корреспонденции из

Оренбурга – посвящены состоянию дел в Киргизской степи в связи с выходом «Положения о киргизах» и т.д. [34]. В газете «Семиреченские областные ведомости» после принятия Степного положения также появилось много статей, в которых рассматривались вопросы относительно нового управления краем. Так, например, В. Недзведский в статье «Несколько слов о значении преобразований, вводимых Степным положением» писал: «Событие это, имеющее большое значение для всех названных областей, особенно важно для нашей области, стоявшей в последнее время, по характеру существовавшего порядка управления, особняком от своих северных и западных соседок. Новый закон приравнивает Семиречье, в порядке управления к другим областям наших Среднеазиатских владений. Учрежден отдельный гражданский суд, во многом изменен порядок судопроизводства и сделаны возможные дополнения к существовавшему порядку административного управления... Заботы правительства, направленные к успокоению покоренного края, к развитию в нем оседлости и гражданственности, увенчались блестящим успехом» [35]. Колонизаторскую направленность царского законодательства и проводимых мероприятий подтверждает и Г. Витиевский в биографическо-историческом очерке «Неплюев и Оренбург» [36]. В нем он открыто пишет: «Особенно была плодотворна колонизационная деятельность Неплюева в Башкирском крае и при Урале, ныне губерниях Оренбургской, Уфимской, Самарской и отчасти Пермской. Управление Неплюева этим краем принесло великие результаты: он окончательно утвердил русское владычество в этом крае; ему нужно приписать и честь торгово-промышленного развития края». Даже небольшой обзор прессы позволяет сделать вывод, что вопросы внедрения новых законодательных положений на территории казахского края постоянно находились в центре внимания общества. Во всех этих материалах, хотя они были в основном написаны русскими авторами, открыто говорится о колониальной направленности деятельности русских чиновников и проводимом законодательстве на территории Казахстана.

Одним из тех авторов, который считал необходимым публиковать исторические источники по истории Казахстана, является известный казахский ученый С.Д. Асфендияров. В результате большой исследовательской работы совместно с профессором П.А. Кунте вышла в свет работа «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» [37]. В данной работе были опубликованы материалы, раскрывающие быт и историю казахского народа, его взаимосвязь с соседними государствами, история первых десятилетий русской колонизации. С.Д. Асфендияров подчеркивает важность сбора и изучения исторических источников:

«Необходимо в первую очередь приступить к сбору первоисточников, их обработке и печатанию. Источников очень много, однако они до сих пор не только не систематизированы, но порой даже не выявлены. Наряду с этой научно-исследовательской работой назрела необходимость издания источников по истории казахов для более широкого круга читателей [37, с. 4]». В данной работе в основном имеются отрывки из греческих, арабских, китайских и т.д. источников, скомпонованные по различным тематическим признакам.

В «Материалах по истории КазССР (1785-1828)» [38] имеются отдельные законодательные акты, введенные в действие на территории Казахстана в исследуемый период. Например, выписка из указа Коллегии иностранных дел «О пограничной барымте и о мероприятиях против казахов, отложившихся от своих султанов» от 8 апреля 1787 г.; указ императора Александра I «О поселении обедневших казахов в пределы России» от 23 мая 1808 г. и т.д. Но отдельные законодательные акты, приведенные в данной работе, не дают общего представления о масштабах колониальной политики, проводимой царизмом на территории Казахстана. В основном в сборнике даются материалы по переписке официальных лиц, чиновников царской администрации, воспоминания непосредственных участников тех событий и т.д.

В советское время в Казахстане были опубликованы сборники документов и материалов «Казахско-русские отношения в XVI - XVIII вв.» [39] и «Казахско-русские отношения в XVIII - XX вв.» [40]. Эти сборники содержат материалы, которые описывают процесс присоединения Казахстана к России, показывают, как развивался данный процесс в дальнейшем, характеризуют деятельность посольства М. Тевкелева, раскрывают экономические и другие стороны взаимоотношений казахов с Россией. В данный сборник вошли некоторые высочайшие указы, грамоты, рескрипты, инструкции, которые регулировали и контролировали жизнь казахского общества.

Выход в 1960 г. сборника «Материалы по истории политического строя Казахстана» [41] расширил источниковую базу исследуемой темы. Данный сборник охватывает документы со времени присоединения Казахстана к России до Октябрьской революции из исторических архивов Казахстана, Узбекистана, России. В нем опубликованы и некоторые основные указы царского правительства по вопросам государственного устройства Казахстана: временные положения «Об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями» 1867 г., «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г., положения 1886 и 1891 гг., а также документы, характеризующие систему государственного управления и судебного устройства Казахстана в конце XIX – начала XX в.

В Казахстане в советский период появились работы, которые рассматривали и изучали отдельные законодательные акты, регламентировавшие жизнь казахского общества в составе Российской империи. Некоторые проблемы проведения административных реформ в Казахстане, их причин и последствий, а также отзывы общественности на проведение реформ рассмотрены в работах М.П. Вяткина [42], Е. Бекмаханова [43], Б.С. Сулейменова, В.Я. Басина [44], С.З. Зиманова [45], Г.С. Сапаргаиева [46], Т.М. Культегеева [47], С.Е. Тольбекова [48], Ф.М. Оразаева [49] и других. Для изучения и анализа законодательных актов, которые Россия принимала относительно введения нового управления в Казахстане, данный материал имеет огромное значение. Все эти исследования дают дополнительные сведения о законах и помогают понять, как проводились в жизнь реформы по административно-территориальному управлению краем.

В последнее время появилось много новых научных исследований казахстанских ученых, посвященных вопросам колонизации Казахстана. Работы Б.М. Абдрахмановой [50], З.Т. Садвокасовой [51], К.Ж. Нурбаева [52], А. Борсукбаевой [53], К.К. Кенжебекова [54], Г.К. Ерменбаевой [55], А.Ж. Косымбаева [56] и др. посвящены изучению вопросов присоединения Казахстана к России, внедрению российской системы управления и изучению отдельных законодательных актов по истории Казахстана XVIII - начала XX вв. Исследователь Б.Н. Абдрахманов впервые в своей научной работе обратил внимание на необходимость изучения материалов Полного собрания законов Российской империи по истории Казахстана. В частности, он пишет: «Материалы ПСЗ РИ действительно содержат в себе богатую и разноплановую информацию, заслуживающую большого внимания (в сравнении с прежним) в фундаментальных изданиях, посвященных истории Республики Казахстан» [57, с. 117].

Усилиями коллектива казахстанских авторов в период становления независимости Казахстана вышли в свет многотомные труды «История Казахстана в русских источниках XVI - XX вв.» [58] и «История Казахстана в западных источниках XII - XX вв.» [59]. В первой работе опубликованы исторические источники XVIII - XIX вв., которые представлены трудами видных ученых и путешественников того времени. Эти работы дают общее представление о быте, обычаях, этническом составе казахского общества. В частности, опубликованы служебные материалы, дневники видного дипломата XVIII века М. Тевкелева. Архивные материалы, используемые в данной работе, содержат сведения о представителях казахской элиты (послужные списки, семейное положение, образование и т.д.), которые находились

на службе в царской колониальной администрации. В работе «История Казахстана в западных источниках XII - XX вв.» собраны труды зарубежных исследователей, посвященных изучению казахского края, его географии, экономики, этнического состава. Данные материалы дают возможность объективно и непредвзято оценить жизнь казахского общества исследуемого периода. Однако материалы российского законодательства империи в данных изданиях не были отражены.

В годы независимости появился ряд работ, посвященных изучению исторических источников. Некоторые законодательные акты по колониальной истории Казахстана опубликованы в работах С.К. Жакылбека [60], С.М. Машимбаева [61], М.Ж. Абдирова [62], К.А. Жиренчина [63], которые дополнили источниковую базу изучения законодательных актов. Ряд важнейших аспектов исследуемой проблемы нашли отражение в монографии К. Кусайынулы «Читая документы о казахско-русских отношениях в XVIII - XIX вв.» [64]. Автор в своей работе дает подробный анализ земельной политике царизма в Казахстане во второй половине XVIII в., раскрывает последствия, проводимых царизмом административных реформ 1822-1824 гг. В работе дан полный текст некоторых указов царского правительства, однако, их тексты ранее были уже опубликованы. Автор справедливо подчеркивает о необходимости изучения законодательных и официальных документов по истории Казахстана, в которых отражена колониальная сущность царского самодержавия. В сборнике документов, составленных учеными С. Ешмухамбетовым и С. Жакаевым «Из истории казахов» [65], также включены некоторые указы царского правительства, имеется хронологический перечень указов с кратким изложением их содержания с 1731 по 1896 г. Однако в данном издании публикация указов осуществлена выборочно.

О методах исследования исторических источников, каковы особенности работы над ними, вопросы их систематизации, квалификации и анализа можно узнать из работ российских ученых В.П. Данилова, С.И. Якубовской [66], А.П. Пронштейна [67], В.И. Стрельского [68], И.Д. Ковальченко [69], О.М. Медушевской [70] и др.

В период становления независимого Казахстана сложилась и казахстанская школа источниковедения, которую возглавил доктор исторических наук, профессор К.М. Атабаев, который в своих работах показывал необходимость, роль и значение изучения исторических источников [71]. Для проведения источниковедческого анализа законодательных актов Российской империи как исторического источника его работы имеют большое теоретическое значение.

Таким образом, анализ публикаций по изучаемой проблеме позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, законодательные

акты Российской империи как исторический источник по истории Казахстана не стали предметом специального научного исследования, нет ни одного исследования, посвященного именно данной проблеме. Во-вторых, в русской, казахстанской, советской историографии в свете изучения законодательных актов как исторического источника по истории Казахстана рассматривались и анализировались лишь отдельные законодательные акты, в особенности уставы 1822-1824 гг. и положения 1860-1891 гг. В-третьих, до сих пор не был разработан комплексный подход к изучению законодательных актов как исторического источника; их использование было отрывочным, бессистемным. В-четвертых, нет достаточной их характеристики, систематизации и классификации, анализа и синтеза.

Глава 2. ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Основным блоком источников в ходе исследования законодательных актов Российской империи являются, конечно же, документальные материалы, отложившиеся в различных фондах архивов Российской Федерации и Республики Казахстан. В ходе написания работы автором были использованы различные фонды ЦГА РК, РГВИА, РГИА, ГАОО (ныне ИАОО).

В Центральном государственном архиве Республики Казахстан были использованы следующие фонды: №4 – Областное правление оренбургскими киргизами, №6 – Канцелярия оренбургского генерал-губернатора, №345 – Областное правление сибирскими киргизами, №338 – Омское областное управление, №374 – Пограничное управление сибирскими киргизами, №64 – Канцелярия Степного генерал-губернаторства, №369 – Акмолинское областное правление, №370 – Уральское областное правление, №44 – Семиреченское областное правление, №85 – Управление Мангышлакского приставства, №25 – Тургайское областное правление, №370 – Уральское областное правление, №374 – Пограничное управление сибирскими киргизами, №15. – Семипалатинское областное правление. В данных фондах содержится огромный материал по устройству управления в различных областях Казахстана, указы царского правительства различных периодов, проекты и материалы положений, протоколы заседаний комиссий, инструкции, переписки и отчеты государственных чиновников, проекты создания уездов, нотариальных контор, земских смет и т.д. Из данных фондов были извлечены указы царского правительства за 1824-1825 гг., 1829-1831 гг., 1854-1856 гг., 1857 г., 1858 г., 1861-1864 гг., 1865 г., 1866 г., 1867 г., 1868 г., 1870 г., 1883-84 гг., 1905-1909 гг., 1911-1916 гг.

В Российском государственном военно-историческом архиве были проработаны фонды: №1433 – Управление командующего Сырдарьинской линии, №1435 – Штаб войск Сыр-Дарьинской области, №1436 – Штаб войск Семиреченской области, №1441 – Отдельный оренбургский корпус, №1449 – Штаб войск Западной Сибири, №16 – Иностранские экспедиции канцелярии Военной коллегии, №1396 – Штаб Туркестанского военного округа. В данном архиве хранится большой необработанный материал по военной колонизации Казахского государства, который в основном носил секретный характер. В частности, это документы о строительстве военных укреплений на территории Казахстана, переписка с военным министром и ведомством по вопросу строительства

крепостей и освоения новых территорий, различная переписка с азиатским департаментом, с департаментом военных поселений и войсковым правлением Сибирского казачьего линейного войска, с военными губернаторами. В данных фондах также хранятся приказы по войскам, рапорты и донесения, предложения и записки, сводки и донесения, проекты положений о военном устройстве Киргизской степи, Сырдарьинской, Семиреченской линий, указы Правительствующего сената и т.д. В частности, в этом архиве были выявлены проект положения о военном устройстве Киргизской степи и Сыр-Дарьинской области, положение об управлении Отдельным оренбургским корпусом. Эти архивные материалы представляют огромную ценность для изучения и дальнейшего исследования вопросов военной колонизации Казахстана.

Большое количество материала по истории Казахстана хранится в фондах Российского государственного исторического архива, которые позволяют проследить и понять процедуру принятия того или иного законодательного документа. В работе были использованы следующие фонды этого архива: №1265 – 1-й Сибирский комитет, №1265 – 2-й Сибирский комитет, №1291 – Министерство внутренних дел, №1374 – Генерал-прокурор Сената, №1263 – Комитет министров, №1152, 1153, 1149 – Дела Государственного совета, №1341 – 1-й департамент Сената, №1405 – Министерство юстиции, №1281 – Совет министров. В данных фондах имеются законодательные акты царского правительства и их проекты, журналы Комитета министров, Совета министров, Сибирского комитета по различным вопросам исследуемого периода. В частности: материалы землеустройства и отнятия земли у казахов, взаимоотношения казахов с калмыками и другими народами, документы, касающиеся принятия российского подданства, отправки воинских команд на усмирение казахов, внедрения и увеличения налогов и податей, открытия внешних округов, дела о волнениях среди казахов, о распространении русского языка и православия среди местного населения, проекты открытия школ, церквей, а также различные записки, циркуляры, рапорты, отчеты царских чиновников в многочисленные инстанции царской администрации. Данные документы являются ярким примером того, что законодательный акт, прежде чем принять силу закона, проходил долгий и сложный путь.

В Государственном архиве Омской области в фондах №9 – Омское общее Окружное управление, №3 – Главное управление Западной Сибири содержатся различные указы царского правительства, касающиеся истории Казахстана. Из данного архива использованы указы Правительствующего сената за 1821-1824 гг., 1827-1828 гг., 1830-1831 гг., 1835 г., 1838 г., 1841 г., 1847-1849 гг., 1851-853 гг., 1862-1866 гг.

Многие законодательные акты Российской империи, особенно те, которые имели секретный характер, были найдены именно в архивах. В общей сложности из перечисленных архивных фондов было извлечено 146 законодательных документов по исследуемой теме.

Следующим блоком источников стали официально опубликованные царским правительством законодательные материалы. Основные законодательные акты Российской империи изучаемого периода были напечатаны в специальных официальных и неофициальных публикациях и в периодической печати. К опубликованным изданиям законодательных актов исследуемого периода относятся: Полное собрание законов Российской империи, Собрание узаконений и распоряжений правительства, Свод законов Российской империи. Эти публикации сохранились до настоящего времени. Обращение к опубликованным источникам важно тем, что именно по опубликованному тексту тот или иной закон практически осуществлялся в жизни.

Одним из основных официальных источников царского законодательства является Полное собрание законов Российской империи, которое охватывает законодательный материал с 1649 г. по 1916 гг. Законы, опубликованные в ПСЗ РИ, находятся в хронологическом порядке, каждый законодательный документ имеет свой порядковый номер и заглавие, которое помогает понять его суть. Данная структура позволяет легко находить необходимый документ в многотомном издании. Нумерация законов, начатая с первого тома, идет в непрерывном порядке по всем томам первого издания. В первом издании находятся документы с №1 по №30600 [72]. Первое издание содержит документы с 1649 г. по декабрь 1825 г. и состоит из 45 томов (48 книг), казенная цена 153 рубля. Законы, изданные после 1825 года, вошли в состав второго Полного собрания законов и периодически пополнялись новыми томами. Данное издание было усовершенствованным, так как каждому тому соответствовали законы, изданные в течение одного года. В отличие от первого издания, во втором собрании имеются гербы, рисунки, планы городов, штаты, помещенные в конце каждого тома. В конце каждого тома второго издания также имеются указатели хронологический и алфавитный, что также облегчает работу по поиску того или иного документа. Новая нумерация законов начиналась с первого тома и продолжалась в порядке последовательности до 55 тома (125 книг). Кроме того, порядковый номер указывается наверху каждой страницы, что тоже облегчает поиск документа. Во второе издание вошло 61928 документов [73], за период с 12 декабря 1825 г. по 25 февраля 1881 г.

В 1851 году был издан дополнительно к первому изданию ПСЗ РИ общий хронологический указатель, состоящий из двух томов. Ряд

узаконений, пропущенных редакцией, были затем напечатаны в особых дополнениях под номерами с буквенными обозначениями. Дополнения за 1825-1850 гг. были изданы в 1855 году под названием «Дополнение ко второму Полному собранию законов» (две части). В дальнейшем такие узаконения помещались в приложениях к очередным томам.

С 1 марта 1881 года, т.е. со дня восшествия на престол Александра III, начинается издание третьего Полного собрания законов. В его составе насчитывается 40846 законодательных актов [74]. Третье издание включает документы с 1881 г. по 1916 г. и состоит из 34 томов. В третье издание также были внесены некоторые изменения. Согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 11 июня 1885 года «О дальнейшем издании Полного собрания законов»: «1) В полное собрание законов вносятся обнародованные, установленным порядком, узаконения и высочайшие повеления, издаваемые как по гражданскому, так равно по военно-сухопутному и военно-морскому ведомствам. 2) Узаконения и высочайшие повеления, установленным порядком необнародованные, могут быть вносимы в полное собрание только тогда, когда это по особой важности, признано будет необходимым. 3) Узаконения и высочайшие повеления помещаются в полном собрании в порядке хронологическом, соответствующим времени их утверждения, с указанием нумерации Правительствующим сенатом собрания узаконений и распоряжений правительства, под которым каждое из сих узаконений и повелений обнародовано. 5) В полное собрание законов могут быть помещаемы соображения, послужившие основанием вошедших в него узаконений» [75, с. 305]. Таким образом, начиная с третьего издания, на каждый документ делались ссылки на номер Собрания узаконений и распоряжений правительства, в котором данный документ был опубликован.

Полное собрание законов Российской империи – это огромный коллективный труд, насчитывающий более 150 объемных томов, в каждом томе от 800 до 1400 страниц. В первом издании ПСЗ РИ каждый том охватывает узаконения нескольких лет, в следующих изданиях каждый из томов содержит законодательные акты одного года. Кроме того, чтобы книги имели примерно одинаковый объем, они делились на две или три части. Вместе с тем, как отмечали еще современники, Полное собрание законов в действительности не было достаточно полным. По подсчетам исследователей, только в первое ПСЗ РИ не вошло несколько тысяч документов. Значительная часть законов, носящих временный и частный характер, без учета важности, не были включены в издание. «Одни законодательные акты были

неизвестны Сперанскому и его сотрудникам, другие представлялись им второстепенными, третьи не были включены по политическим соображениям» [69, с. 186]. В то же время самого критерия отбора для определения того, что считать временной и частной мерой, не было выработано. Поэтому в ПСЗ РИ вошло много материалов, не имеющих законодательного характера. При издании второго ПСЗ РИ редакцией было сделано распоряжение присылать только те узаконения, которые имеют общую силу. Однако в этом вопросе ведомства сами определяли, какой закон отправлять, и поэтому в собрание законов одни частные акты помещались, а другие нет. В третьем издании ПСЗ РИ не были включены постановления, изданные министрами и главноуправляющими департаментов, сенатские указы, за исключением тех, которые подлежали публикации в Своде законов. Конечно, отсутствие этих документов обедняло данное издание, но делало его более однородным. Только закон 11 июня 1885 года установил единый формальный критерий отбора актов для ПСЗ РИ: обнародование их Сенатом. Поэтому в третьем издании отсутствуют совершенно незначительные документы, например, о больничных койках или о выдаче стипендий и т.д.

Многие законодательные акты не помещены были в ПСЗ РИ по политическим соображениям, поэтому все секретные и не обнародованные обычным порядком законы были исключены из его состава. Например, в данном издании нет ни одного указа относительно решения вопросов, связанных с народно-освободительным движением, усилением военной мощи России на территории Казахстана. Эти материалы можно найти только в архивах. На этот недостаток ПСЗ РИ обращает внимание в своей работе «Законодательные материалы как исторический источник» Б.М. Кочаков. Он пишет: «Пропуски ПСЗ РИ в большей мере вызваны соображениями политического порядка: все секретные и вообще необнародованные обычным порядком законы исключались из состава ПСЗ... Большое количество секретных узаконений не вошло во второе ПСЗ, что можно объяснить особенно настороженным отношением к текущему законодательству. Второе отделение требовало от ведомств присылки только тех указов, которые «не подлежали тайне» и «могут без неудобства быть напечатаны». Особыми высочайшими повелениями даже запрещалось помещать в ПСЗ РИ те законы, текст которых содержал приписку: «сообщить куда следует письменно». Таким образом, все секретное законодательство до второго отделения даже не доходило» [33, с. 23]. Несмотря на определенные недостатки и погрешности, Полное собрание законов Российской империи и сейчас остается наиболее полной публикацией законодательных актов того времени, снабженных именным и хронологическим указателями.

Законодательных актов, регулирующих общественно-политические, административные и социально-экономические отношения на территории Казахстана и отражающих суть колонизаторской политики самодержавия, в Полном собрании законов находится достаточное количество. Первый документ, в котором встречается упоминание о Казахстане, находится в пятом томе первого издания ПСЗ РИ и датируется 1714 годом. Это именной указ, данный полковнику Бухгольцу «О завладении городом Еркетом, об отыскании золотого песка на реке Дарье» [76, с. 67]. Всего в первом издании ПСЗ РИ имеется более 140 документов, которые так или иначе освещают события внутренней и внешней истории Казахстана XVIII - начала XIX вв. Вот некоторые из них: «О распространении торговли России с киргиз-кайсаками; об определении в Оренбург двух киргизских старшин, для прекращения ссор между приезжающими туда купцами и о принятии в российское подданство хана Большой киргиз-кайсацкой орды Юлборуса»; «О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телеутского озера, о построении там в удобных местах крепостей и о заселении той страны по рекам: Уде, Ульба, Березовка, Глубокой и по прочим речкам, впадающим в оные и в Иртыш реку, русскими людьми до 2000 человек»; «О запрещении добывать руду за р. Янком без дозволения оренбургского губернатора»; «Об обрядах выбора и утверждения киргиз-кайсацких ханов в их достоинстве»; «Об учреждении при Коллегии иностранных дел особого департамента для отправления дел, касающихся до азиатских народов»; «О правах кочевых киргизов» [76] и многие другие.

Из названия законодательных актов видно, как постепенно менялось их содержание по мере усиления продвижения России в глубь страны и закрепления своих позиций на территории Казахстана. Если в первой половине XVIII века видим, что царское правительство только начинает географическое, экономическое и хозяйственное изучение и освоение края, то к началу XIX века позиции России в Казахстане усиливаются. Это подтверждают такие документы: «Об отводе земель для кочевий киргизам»; «О позволении промышленникам ломать соль в Киргизской степи» [76] и т.д. Эти законодательные документы подтверждают факт, что Россия в течение XVIII - начала XIX века постепенно, проводя так называемую гибкую политику «кнута и пряника», укрепляла свои позиции и готовила условия для полной ликвидации политической самостоятельности и внедрения своей системы управления в казахском крае.

Второе издание Полного собрания законов содержит законодательный материал по истории XIX века. На основе анализа этих документов

можно четко и ясно проследить планомерное проведение и усиление колонизаторской политики самодержавия в отношении Казахстана. Постепенно не только управление Средним и Младшим жузами полностью осуществляется по общероссийским законам, но и все стороны жизни казахского общества регламентируются и контролируются до мельчайших подробностей со стороны царских чиновников. Эти факты подтверждают указы: «Об определении в округе Омской области по одной повивальной бабке», «О ввозе вина к инородцам кочевым и бродячим»; «О форме одежды всех имеющих офицерские чины киргизских султанов и почетных киргизов Средней и Большой орды» [76] и т.д.

Усилению позиций России в Казахстане способствовало внедрение и развитие товарно-рыночных отношений. Казахстан стал богатым источником сырья для российской промышленности. Постепенно осваиваются и переходят в частные руки месторождения полезных ископаемых казахского края. Об этом свидетельствуют следующие царские указы, помещенные во втором издании ПСЗ РИ: «О частной золотопрмышленности на казенных землях в Сибири»; «О дозволении вывозить серебряную монету в Киргизскую степь Оренбургского ведомства»; «О порядке выдачи билетов солепромышленникам на продажу соли»; «О возобновлении частного золотого и рудного промысла в тех местах Киргизской степи, на которых прежде производилась разработка россыпей китайцами»; «О правилах для производства золотого промысла в Киргизской степи Оренбургской губернии» [76] и т.д.

По законодательным актам можно проследить, как царское правительство внедряло российскую административную систему управления Казахстаном, меняло судебную, налоговую, земельную политику. После принятия законодательных актов второй половины XIX века Казахстан юридически был признан колонией Российской империи, дальнейшее ограбление и закабаление края осуществлялось на вполне законных основаниях. Законодательные акты второй половины XIX века окончательно закрепили колониальный статус Казахстана и отличались усилением военно-полицейских функций царского аппарата. Управление казахским краем было передано из Министерства иностранных дел в ведение Министерства внутренних дел. Этот факт показывает, что Казахстан перестал быть субъектом международных отношений.

Третье издание ПСЗ РИ характеризует положение Казахстана уже как неотъемлемую часть Российской империи. В основном, это материалы о переименовании населенных пунктов, об изменении военного

управления в отдельных областях, о штатах, денежных вознаграждениях должностным лицам, о льготах и гербах городов, о сметах и раскладках и прочие документы. Например, «Об изменении военного управления в областях Акмолинской и Семипалатинской»; «О служебных правах чиновников»; «Об учреждении при генерал-губернаторстве Туркестанского края временной должности чиновника особых поручений по ирригационной части»; «Об утверждении штатов некоторых частей войск и управлении в Туркестанском военном округе»; «О выдаче прогонных и суточных денег мировым судьям Уральской и Степных областей»; «Высочайше утвержденные гербы городов Сыр-Дарьинской области» [76] и другие.

Одним из источников для данной работы стал Свод законов Российской империи (изд. 1906 г.), электронный вариант которого был предоставлен сотрудниками Павлодарской областной библиотеки им. С. Торайгырова. Работа над печатным изданием Свода законов затруднена тем, что ни в одной библиотеке нет полного комплекта этого собрания, есть только отдельные тома, да и то различных изданий. Из 16 томов Свода материал о Казахстане сдержится в десяти томах, т.е. это около 60 документов, регламентирующих жизнь казахского общества от административного управления до развития пчеловодства, устройства водопроводных сооружений, о пресечении конокрадства и т.д. В Центре научно-технической информации по документоведению и архивному делу при ЦГА РК были найдены и использованы в работе неофициальные издания Свода законов Российской империи под редакцией А.А. Добровольского, 1913 года издания и под редакцией И.Д. Мордухай-Болтовской, издания 1912 года. В Омской государственной областной научной библиотеке им. А.С. Пушкина было найдено неофициальное издание Свода законов Российской империи под редакцией Г. Савичева, 1892 года издания.

Свод законов Российской империи в отличие от Полного собрания законов был действующим законодательством и именно он позволяет проследить, когда был изменен, дополнен или вообще отменен тот или иной закон. Вместе с тем его изучение должно быть связано с ПСЗ РИ, так как иногда значительная часть или почти весь текст законодательного документа не печатались в Своде.

В Своде законов также содержится значительный материал по истории Казахстана, который помогает понять, проанализировать и изучить царскую политику, проводимую в крае. Кроме того, в Своде имеются ряд дополнений и изменений, в частности, принятых к основным положениям по управлению Казахстаном, приведены ссылки на существующее законодательство. В связи с этим данное

издание имеет большее практическое значение, так как оно позволяет проследить эволюцию законодательных материалов. Весь материал в Своде законов расположен по особой системе, разработанной М. Сперанским. В отличие от ПСЗ РИ весь материал Свода построен не по хронологическому, а по отраслевому принципу и разделен на отдельные книги. Разделение законов в Своде законов на книги было основано М. Сперанским на принятой им классификации законов. Он считал, что «вопрос о правильном разделении законов принадлежит к высшей теории или так называемой философии права, то есть к такой части законоведения, в коей разум восходит к первоначальным понятиям нравственности деяний, к понятиям долга, правды и справедливости» [77, с. 451].

В данной работе был использован Свод законов под редакцией А. Добровольского, изданный в 1913 г. [78]. Издание состоит из 16 томов: т. 1 Свод основных законов; т. 2 Свод губернских учреждений; т. 3 Свод уставов о службе гражданской; т. 4 Свод уставов о повинностях; т. 5 Свод уставов о пошлинах; т. 6 Устав таможенный; т. 7 Устав монетный, Свод уставов горных; т. 8 Устав лесной, Свод уставов счежных; т. 9 Свод законов о состоянии, Положение о сельском состоянии; т. 10 Свод законов гражданских, Свод законов межевых; т. 11 Уставы духовных дел иностранных исповеданий, Свод уставов учебных, Уставы кредитный, торговый; т. 12 Свод уставов путей сообщения, Устав строительный; т. 13 Уставы об общественном презрении, врачебный; т. 14 Устав о паспортах, Устав о цензуре и печати; т. 15 Положение о наказаниях; т. 16 Уставы судопроизводства.

Во втором томе данного издания в «Правилах о правах и обязанностях комендантов крепостей» есть 2 глава, которая посвящена управлению туземным населением, она так и называется «Местное управление туземным населением». Также имеется положение «Об управлении Туркестанским краем», издание 1892 г., которое дополнено новыми официальными приложениями: «Временные правила о порядке заведывания государственным имуществом в Туркестане», «Положение об уездных присутствиях в областях Самаркандской, Ферганской и Сыр-Дарьинской», «О городских архитекторах в Туркестанском крае», «Правила об устройстве полицейских команд в городах Туркестанского края», «Правила производства дознаний по преступлениям в Туркестанском генерал-губернаторстве», «О должности судебного пристава при Сыр-Дарьинской области», «Правила о введении поземельно-податного устройства в Туркестанском крае», «Правила исчисления поземельного налога в местностях Туркестанского края». В данном томе можно ознакомиться так же с положением «Об управлении областями

Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» (изд. 1892 г.) и положением «Об инородцах» (изд. 1892 г.), которое определяет управление инородцев Сибири, Архангельска, кочующих в губерниях Астраханской и Ставропольской, и киргизов, кочующих в степях между Каспийским морем, Уральской областью и губернией Астраханской.

Третий том содержит информацию о правилах принятия на гражданскую службу, о производстве в чины, о правах и обязанностях на гражданской службе, об увольнении, о наградах и поощрениях, Свод правил о ношении форменной одежды, правила о содержании чиновников, списки наград и т.д. В данный том внесены дополнения к положению «Об управлении областями Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской», а также положение «Об инородцах».

В четвертом томе опубликованы устав «О воинской повинности» и устав «О земских повинностях», в котором, соответственно, глава 2 «О земских сборах в губерниях Астраханской и Оренбургской, глава 5 устав «О земских повинностях в областях Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской» и глава 6 «О земских повинностях в областях Акмолинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» посвящены истории Казахстана. Издание 1913 г. дополнено следующими материалами: правила «О дорожных капиталах в девяти Западных губерниях, а также в губерниях Архангельской, Астраханской, Курляндской, Оренбургской и Ставропольской», закон 9 июня 1912 г. «О распространении действия положения о земских учреждениях на Оренбургскую губернию».

Следующий том посвящен налоговым сборам, поземельным налогам, различным льготам и т.д. В уставе «О прямых налогах» есть главы, которые касаются налоговой системы на территории Казахстана: «О государственном поземельном налоге в областях Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской», «О налоге с недвижимого имущества в областях Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской», «Об оброчной подати в областях Семиреченской, Уральской и Тургайской», «О государственной оброчной подати в областях Семиреченской, Уральской и Тургайской», «О государственной оброчной подати с оседлого населения Акмолинской и Семипалатинской областей», «О сборах со скота у киргизов Внутренней орды и калмыков Астраханской губернии», «Подать с кочевого населения Уральской и Тургайской областей».

Устав таможенный находится в 6 томе Свода законов, в котором описывается состав местного таможенного управления, порядок увольнения и приема на службу таможенных чиновников, содержится

информация о таможенных документах, о перевозке и досмотре грузов и т.д. В данном томе выявлен документ «О привозе и отпуске товаров в Сибири, а также в таможенных учреждениях Туркестанского генерал-губернаторства, области Семипалатинской».

Устав монетный определяет монетную систему государства, управление монетным двором (т. 7). «Свод учреждений и уставов горных» (т. 7) описывает обязанности министерства государственных имуществ, права и обязанности должностных лиц, о соляном управлении, частной горной промышленности, о поисках и разведках месторождений ископаемых. В данном томе есть глава, которая посвящена Уральским казенным горным заводам.

Том восьмой состоит из двух частей: часть первая содержит устав лесной, в котором есть материалы «О лесах Оренбургского казачьего войска» и «О лесах Семиреченского казачьего войска», «Учреждения управления казенными лесами в Сибири, в областях Степных и в Туркестанском крае», «О порядке пользования сенокосением, пастбыою скота и лесными материалами со стороны кочевого населения Тургайской области», «Об отводе и порядке пользования лесными наделами на переселенческих участках в Сибири, Степном генерал-губернаторстве», временные правила «О пользовании лесом, неотведенным в надел крестьянам и инородцам в губернии Тобольской, и в областях Акмолинской и Семипалатинской»; часть вторая – Свод уставов счетных, описывающий общие правила ведения счетных книг, записей в них, формы актов, учетных листов, реестров, содержания документов.

Из двух частей состоит и девятый том, в который вошли «Свод законов о состоянии» и положение «О сельском состоянии», в котором есть документы «Об общественном устройстве и управлении крестьян в Степных областях», «О порядке образования переселенческих и запасных участков в губерниях: Тобольской... и в областях Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской, Семиреченской и Забайкальской», «Об образовании переселенческих участков в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях». Глава третья «О браках нехристиан между собой и с христианами» следующего тома определяет брачные взаимоотношения.

Устав духовных дел иностранных исповеданий (т. 11, ч. 1) регулирует духовную жизнь казахского общества, в нем есть соответствующие главы «Об управлении духовных дел магометан», «Об управлении духовенства, принадлежащего к округу Оренбургского магометанского духовного собрания». Вторая часть 11 тома содержит в себе Свод уставов учебных, уставы кредитный, торговый, в которых рассматриваются

вопросы «О туркестанской учительской семинарии» и «О киргизской учительской школе».

В двенадцатый том вошли Свод уставов путей сообщения и устав строительный. По истории Казахстана здесь есть следующий законодательный материал: «О взаимном губернском страховании в областях Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской», правила «О выдаче ссуд из общего войскового капитала Уральского казачьего войска», «Об устройстве водопроводных сооружений Астраханского и Оренбургского казачьего войска», «О рыболовстве в водах Уральского и Терского казачьего войска», «О пчеловодстве в Западной Сибири и в генерал-губернаторстве Иркутском и Приамурском», правила «Об отводе частным лицам свободных казенных земель для нужд с/х промышленности», положение «О с/х оборотном капитале оренбургского казачьего войска», «О с/х оборотном капитале Семиреченского казачьего войска», положение «Об оборотном капитале для казаков уральского войска принадлежности рыболовства».

Устав «Об обеспечении народного продовольствия» (т. 13) содержит материал, который регулирует обеспечение продовольствием в казахском крае. К ним относятся: «О мерах обеспечения продовольствием кочевого населения областей Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской», «О продовольственных капиталах оседлого населения областей Сыр-Дарьинской, Самаркандской Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской и о мерах обеспечения продовольствием кочевого населения Туркестанского генерал-губернаторства и областей Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской», «О продовольственных капиталах оседлого населения областей Уральской», «Об образовании для продовольственного капитала для кочевого населения Киргизской орды». Устав врачебный также имеет главы, посвященные Казахстану: «О врачебном управлении в областях Уральской и Тургайской», «О врачебном управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве», «О врачебном управлении в оренбургском казачьем войске», «О врачебном управлении в уральском казачьем войске», «О врачебном управлении в Семиреченском казачьем войске».

В Уставе о паспортах (т. 14) имеется приложение к ст. 187 «Временные правила для паломников-мусульман». В этом же томе находится устав о предупреждении и пресечении преступлений, который определяет меры наказания по поводу конокрадства «О пресечении конокрадства в Западной Сибири», а также устав о содержащихся под стражею. Данный устав дополнен приложением правила «Об управлении отдельными местами заключения в губерниях Енисейской, Иркутской,

Тобольской и Томской, в областях Акмолинской, Забайкальской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Якутской».

Пятнадцатый том определяет меры наказания по всем направлениям. В 16 томе помещены уставы судопроизводства, которые определяют «Учреждения судебных установлений в областях Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Закаспийской», «О судопроизводстве в областях Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Закаспийской, Акмолинской». Данный том дополнен следующими узаконениями: высочайше утвержденное 11 ноября 1906 г. положение Совета министров «О временном увеличении штатов полиции в городах Аулиеата Сыр-Дарьинской области и Новом Маргелане, Ферганской области».

Таким образом, Свод законов также является одним из исторических источников по изучению истории Казахстана XVIII - начала XX в. Из 16 томов свода законов материал о Казахстане содержится в десяти томах, т.е. это около 60 документов, регламентирующих жизнь казахского общества от административного управления до развития пчеловодства, устройства водопроводных сооружений, о пресечении конокрадства и т.д.

Следующим официальным источником законодательных актов исследуемого периода было Собрание узаконений и распоряжений правительства, которое издавалось с 1863 г. по 1917 г. при Правительствующем сенате, в качестве приложения к «Сенатским ведомостям». Издание выпускалось маленькими тиражами в государственных или правительственных типографиях. Сейчас эти книги редки и имеют большую историческую ценность. «Сенатское собрание узаконений было предназначено для своевременного и быстрого ознакомления царской администрации и населения России с новыми мероприятиями правительства» [29, с. 13]. В данный источник вносились все материалы, исходящие от имени Сената и помещались они не в хронологическом порядке, а по мере поступления. Все законы впоследствии должны были быть внесены в Полное собрание законов. Издание было периодическим, выходило 2 раза в неделю, потом еженедельно, иногда по 2-3 номера. Сборники нумеровались в пределах полугодия или года. По прошествии определенного времени составлялся хронологический и алфавитный указатели. В Собрании узаконений были помещены все манифесты, высочайшие повеления, указы сената, трактаты и постановления, имеющие силу закона и подлежащие впоследствии внесению в Полное собрание законов, и те распоряжения центрального правительства, которым придается общеобязательное значение. Опубликование закона в Собрании узаконений имело значение

официального его обнародования. Законы и постановления, напечатанные в данном издании, могли быть перепечатываемы: в правительственных и частных изданиях, полностью или сокращенно, по усмотрению редакции; в виде отдельных экземпляров, но при условии, чтобы текст закона или постановления не подвергался никаким сокращениям или изменениям против подлинника. Отдельные экземпляры частных изданий законов не должны представлять по внешнему виду сходства с сенатскими изданиями и должны иметь на заглавных листах надпись крупным шрифтом «издание неофициальное».

Данное издание также имеет ряд недостатков: по сравнению с ПСЗ РИ оно менее полное. Так как не все документы своевременно доставлялись в Сенат; в сборник помещались не только основные законодательные материалы, но и узаконения по мелким вопросам. Поэтому по содержанию в сборник вошли самые различные документы. Законодательные материалы по истории Казахстана, помещенные в данное издание, дублируются в ПСЗ РИ и Своде законов. Работа над этим изданием осложнена тем, что отдельные тома сборника разбросаны по библиотекам, не систематизированы.

Следующую группу источников составляют работы русских исследователей, опубликованные на основе архивных материалов в XIX веке. В качестве источника была использована работа И. Крафта «Из Киргизской старины» [79], которая представляет собой сборник статей и заметок, касающихся устройства и быта казахского общества. В первой части работы опубликованы были неизданные указы Екатерины II, найденные автором в архивах Тургайского областного правления. В связи с этим он пишет, что «в архивных делах Тургайского областного правления за минувшее столетие сохранилось много интересных документов, касающихся присоединенного к Российской державе обширного Оренбургского края». Например, именной указ Екатерины II, данный графу Воронцову «О чинимых иностранным купцам киргизкайсаками притеснениях» от 8 апреля 1863 г.; именной указ, данный Коллегии иностранных дел «О дозволении перейти киргизскому хану со своим скотом Яик» от 2 августа 1863 г.; именной указ, данный оренбургскому генерал-губернатору «Об Илецкой соли» от 9 марта 1765 г.; именной указ, данный оренбургскому губернатору «О разведывании и отыскании драгоценных камней в Киргизской степи» от 11 апреля 1765 г.; именной указ, данный князю Путятину «О хождении почты в вашей губернии» от 25 ноября 1765 г.; именной указ, данный князю Путятину «О разведывании кожевенных фабрик, о запрещении вывоза за границу сырых кож» от 11 сентября 1766 г.; именной указ, данный оренбургскому губернатору Рейнсдорну «Об

описании и измерении в Оренбургской губернии праздноележащих земель» от 28 февраля 1770 г. и другие. Эти законодательные материалы не были опубликованы в Полном собрании законов Российской империи и поэтому представляют большой интерес для исследователя.

Другое исследование И. Крафта, которое вышло под названием «Сборник узаконений о киргизах Степных областей» [20], является одной из первых попыток систематизации законодательных документов, которые касаются территории Казахстана с середины XVIII века до конца XIX века. Данный сборник содержит в себе: краткий исторический очерк «Принятие киргизами русского подданства»; «Положение об управлении Степных областей» с разъяснениями и дополнениями по 1898 г.; хронологический перечень законодательных документов, с кратким изложением сущности грамот, указов, высочайших положений, относящихся к казахам Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей за период с 1731 по 1896 годы. Указатель законодательных материалов помогает исследователю выявить неопубликованные, малоизвестные документы и систематизировать тот законодательный материал, который имеется по истории Казахстана. Кроме этого, в данной работе приводятся тексты: положения «Об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской»; мнения Государственного совета «Об устройстве управления в Степных областях и об изменении некоторых статей положения об управлении Туркестанским краем»; положения «Об управлении Туркестанским краем».

В качестве источников при написании работы были также использованы секретные указы военным губернаторам Екатерины II и Павла I, опубликованные в «Трудах Оренбургской ученой архивной экспедиции» (1889г.) [80]. В настоящее время этот источник хранится в отделе редких книг Национальной библиотеки РК. Данное издание позволило дополнить список царских законодательных документов секретными указами, которые не были включены в ПСЗ РИ. В общей сложности это составило 17 документов. Среди данных указов: ответ Екатерины II на прошение киргиз-кайсацкого Средней орды Аблай-султана «О пропуске за выгорением в их стороне трав, конских и скотских их табунов внутрь новой линии», «О недопущении киргиз-кайсаков Средней орды к переходу с их скотом внутрь линии», «О безопасности прохождения купеческие азиатские караванов», грамота, выданная Ерали султану, «О набегах киргизцев в границы», «О средствах могущих на будущее время пресечь беспорядки и взаимные претензии между киргиз-кайсаками с одной стороны и калмыками, также татар Астраханского ведомства с другой стороны», «Об открытии в

г. Оренбурге военного училища» и др. В ходе работы был использован первый выпуск или том, который имеет непосредственное отношение к теме исследования. Во введении отмечено, что в данном сборнике печатаются полные копии документов из бывшего архива Оренбургского генерал-губернаторского правления. Этот источник тем интересен для исследования, что именно в нем сохранились секретные материалы, которые не вошли по понятным причинам в ПСЗ РИ. Они так и помечены грифом «Записана о секретном деле». Если секретность документа не отмечена особым грифом, то в тексте указов подчеркивается секретность и особая осторожность в действиях, во избежание огласки. Особенно это присуще указам о взаимоотношениях Российской империи с китайской стороной, казахами Младшего и Среднего жузов».

В качестве следующей группы исторических источников при написании работы были использованы законодательные материалы, собранные и опубликованные отечественными историками. В частности, были использованы документы: из «Материалов по политической истории Казахстана» – 57, из сборников «Казахско-русские отношения в XVI - XVIII в.» - 27, «Казахско-русские отношения в XVIII - XX в.» – 18, из сборников документов «История Казахстана (XVIII - начала XX в.) – 12, «Из истории казахов» – 44, «История Букеевского ханства» – 11 документов, из работ «Казахстан в составе России», «Революционное движение в Казахстане» и «Революция 1905-07 гг. в Казахстане» по 2 документа, из других источников по 1 документу.

В отдельную группу источников можно выделить отдельные издания проектов положений, записки, рекомендации, инструкции, отдельные сборники государственных чиновников царского аппарата управления, которые хранятся в редком фонде Национальной библиотеки. Среди них следует отметить: «Проект положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской области» (1867 г.), «Проект положения об управлении в Степных областях» (1898 г.), «Сборник законов по переселенческому делу и по земельному устройству в губерниях и областях Азиатской России» (1909 г.), «О судебной реформе Туркестанского края, степных и Закаспийских областей» (1899 г.), «Положение об управлении Туркестанского края» (1911 г.), «Временное положение о крестьянских начальниках в областях Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской (1902 г.), «Журнал заключительного заседания комиссии, учрежденной военным губернатором Семиреченской области для пересмотра Степного положения» (1891 г.), «Замечания к проекту положения об управлении в областях Степного, генерал-губернаторства» (1885 г.), «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов» (1886 г.), «Записка об устройстве управления

Семиреченской области в составе Степного генерал-губернаторства» (1884 г.), «Записка Туркестанского генерал-губернатора И.М. Страловского о преобразовании управления Туркестанской областью» (1909), «Инструкция волостным управителям, аульным старшинам и аульным съездам Тургайской области» (1894 г.), «Положение об управлении областями Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» (1893 г.), «Отчет по ревизии Туркестанского края» (1910 г.) и др. Хотелось бы отметить, что в данном редком фонде имеется достаточный объем материала, который может быть использован в дальнейшем при исследовании отдельных проблем истории Казахстана, в частности, по истории принятия, обсуждения и утверждения тех или иных законодательных документов.

Самостоятельную группу источников составляют материалы дореволюционной периодической печати, в которых публиковались тексты самих законов, а также имеются статьи, в которых высказываются мнения, предложения представителей различных кругов общества по тем или иным законопроектам. Это газеты «Русский вестник», «Сибирский сборник», «Туркестанские ведомости», «Киргизская степная газета», «Оренбургские губернские ведомости», «Семиреченские областные ведомости», «Акмолинские ведомости». Дореволюционные периодические издания в данный момент представляют собой довольно редкие и ценные экземпляры. Поэтому в основном они хранятся в редком фонде Национальной библиотеки РК в виде микрофильмов, а также в Центре научно-технической информации по документоведению и архивному делу при ЦГА РК.

В целом можно отметить, что основными источниками по изучению законодательных источников Российской империи по истории Казахстана стали все три издания Полного собрания законов Российской империи и архивные материалы. Тем более следует отметить, что материалы ПСЗ РИ до этого использовались фрагментарно, в основном это относится к известным законодательным реформам, которые опубликованы были в вышеуказанных изданиях.

Глава 3.

ПОНЯТИЕ «ЗАКОН», ЕГО КРИТЕРИИ И ОСОБЕННОСТИ В ПЕРИОД АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ

В любом обществе люди и различного рода их объединения постоянно соприкасаются с правилами, зафиксированными в законах и подзаконных актах, т.е. с их требованиями, запретами и дозволениями, с необходимостью их соблюдения, исполнения и применения, с теми последствиями, которые наступают при их нарушении. Каждое государство устанавливает в общественных отношениях определенный порядок, который с помощью законодательства и законности формулирует их в правовых нормах, обеспечивает, охраняет и защищает. Законодательство – это один из основных методов осуществления государством своих функций, заключающихся в издании законов; совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в целом или одним из их видов. Законодательство представляет собой субъективную категорию, которая создается уполномоченными на то должностными лицами государства, правотворческими органами государства. Закон есть выражение государственной воли, он призван быть безупречной формулировкой действительно существующего в обществе права. Таким образом, закон есть основной правовой акт, издаваемый законодательным органом или принимаемый путем народного голосования для регулирования важнейших общественных отношений.

Развитие русского права в начале XVIII века шло в соответствии с социально-экономическим развитием страны, в котором отразилась внутренняя и внешняя политика абсолютной монархии. Постепенно усиливается в обществе значение и роль права, получившее наиболее полное выражение в законодательных актах. Обычное право, которое регулировало отношения на более ранних этапах человеческого развития, отходит на второй план. Для российского законодательства нового времени, при относительно самостоятельном его развитии, главной особенностью является изменение соотношения обычая и закона как источников права. Устанавливаются новые принципы российского законодательства – такие, как «незнание закона не освобождает от ответственности», «закон обратной силы не имеет». Законодательство России XVIII - начала XX веков было призвано регулировать не только отношения в российском обществе, но и на вновь присоединенных территориях. Прежде чем говорить о роли и влиянии российского законодательства на жизнь казахского общества, необходимо выяснить, что представляло собой законодательство самой империи, что включало в себя понятие «закон» и каковы были его особенности в период абсолютной монархии.

Вопрос о терминологии существует в любой отрасли знания; и чем такая отрасль специфичнее, тем более остро этот вопрос стоит. «Поэтому в историческом исследовании терминологический анализ служит важным вспомогательным средством познания объективных общественных процессов, имевших место в прошлом. Исследуя именно эти процессы, историк стремится объяснить возникновение и развитие терминов. Тот факт, что содержание терминов источников отразило действительность, реальность, является предпосылкой для образования научных понятий на базе терминов, для отражения прошлого в исторической науке» [81, с. 149]. Чем совершеннее законодательство, тем более четко и глубоко оно регулирует общественные отношения, тем большее значение приобретает проблема терминологии. Без терминов, т.е. слов точного значения, имеющих один четко очерченный смысл, невозможно добиться максимальной точности изложения законодательной мысли. Они делают законодательство более компактным, избавляют его от пространственных описаний. Данная точность написания закона характерна для современных законодательных актов, что нельзя сказать о законодательстве предшествующих периодов, особенно XVIII века. Юристы-практики и теоретики данного периода пытались выделить основные критерии закона, отделить законодательные акты от административных распоряжений, осуществить кодификацию российского законодательства. Расплывчатость в изложении законодательных актов, характерная для XVIII - XIX веков, говорит о том, что само понятие закона не имело ясности, не были еще выработаны общие критерии его определения.

В современной юридической литературе встречается множество определений понятия «закон». Суть этих определений сводится к следующему: «Закон – это нормативно-правовой (юридический) акт, издаваемый государством и содержащий общие правила поведения (правовые нормы), который регулирует важнейшие общественные отношения с участием граждан, государственных и общественных организаций» [82]. Таким образом, закон – это нормативный акт, устанавливающий, излагающий или изменяющий общие предписания – нормы права. Подобная характеристика закона обусловлена двумя обстоятельствами: во-первых, с точки зрения этимологии (смысла), слово «закон» означает «правило», т.е. это акт государства. В отличие от норм обычного права под словом «закон» всегда имеют в виду правило поведения общего значения, обязательного для всех лиц и организаций. С юридической точки зрения, смысл слова «закон» заключается в том, что под ним понимается «правило, постановление высшей власти». Следовательно, закон отражает объективные потребности

регулирования общественных отношений и в силу этого приобретает форму общего и обязательного правила поведения для всех. Потребности общества неизбежно проходят через волю государства или правителя, чтобы в форме закона приобрести общеобязательную силу. В связи с этим законы включают в себя и субъективный аспект, что также необходимо учитывать при исследовании. Главное в законах заключается в том, что они рассчитаны не на один конкретный случай, а на множество случаев, т.е. законы являются общеобязательным регулятором поведения людей и организаций.

Тем не менее, закон, как и право в целом, не является раз и навсегда данным, застывшим в своем развитии институтом. Вместе с обществом и государством, он постоянно изменяется и развивается. В силу этого меняются в известной степени и взгляды о нем, о его отдельных признаках и чертах, возникают противоречивые мнения и суждения. В ходе развития общества, истории вырабатываются и предлагаются порой весьма противоречивые определения закона и неоднозначные о нем представления. Еще великие мыслители античности, в частности Платон и Аристотель, посвящали свои произведения проблемам создания, изменения и совершенствования законодательства. Известный мыслитель XVIII века Ш. Монтескье писал о том, каким должен быть «слог закона», о важности последовательного использования терминологии в правовых актах. За многие столетия изучения закона накопилась огромная сумма знаний о нем, накопилось определенное представление о данном явлении, сложился вполне определенный стереотип, но вместе с тем осталось огромное поле деятельности для современных и будущих исследователей, осталось великое множество до конца не известных его сторон. Данная проблема может стать темой отдельного самостоятельного научного исследования.

При изучении законодательства Российской империи XVIII - начала XX века следует обратить внимание на то, что в историко-правоведческих исследованиях не было выработано общего понятия «закон» применительно к периоду абсолютизма России. Это, естественно, вызывает определенные трудности для исследователя. С утверждением абсолютной монархии в России императорская власть становится единственным источником закона. Это положение нашло отражение в официальной юридической науке, которая заботилась, во избежание «великого помешательства в суде и расправе», лишь о выделении из массы указов тех, которые должны иметь силу закона во всех случаях и на все времена. Однако на деле не были выработаны критерии для установления различий между законами и административными распоряжениями. Историки права давали самые общие определения

понятию «закон», и при этом все исследователи отмечали, что в законодательстве оформляется воля императора. В связи с этим М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал: «В период империи установилось понятие о законе, как о воле государя, правильно объявленной» [16, с. 145].

В литературе по законоведению того периода все законы делились на «основные законы» и «обыкновенные законы». Впервые основные государственные законы, как особые основополагающие акты, были выделены в 1832 г. при издании Свода законов Российской империи. Они представляют собой совокупность положений, определяющих существо самодержавного строя. Первая статья основных законов гласит: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть сам бог повелевает» [78, с. 7]. Следовательно, главным определяющим признаком, отделявшим основные законы от остальных законодательных актов, было то, что они могли быть изменены только по воле царя. Основные законы определяли суть верховной власти: «Основные законы изображают порядок, коим власть верховная действует в законодательстве и в правлении; а как власть верховная не может принадлежать как только лицу державному: то прежде всего основные законы определяют порядок, коим лицо сие облекается верховною властью, и означают пространство его власти. Посему следующие предметы входят в состав основных законов: 1) сила и пространство верховной власти; 2) порядок наследия престола; 3) порядок законодательства; 4) порядок верховного правления» [4, с. 48]. В понятие обыкновенных законов были внесены юридические основания только законодательством 1905-1906 г.

Определить суть закона и его роль в жизни российского общества попытался в XIX веке М. Сперанский. В своих проектах государственного преобразования России он мечтал о конституционной монархии, которая позволила бы «правление доселе самодержавное учредить на непремennom законе». Законность форм осуществления власти Сперанский связывал с необходимостью разделения властей. Рассматривая права и обязанности как следствие союзов общегития, он разделял законы на государственные и гражданские: «Где союз, там есть право и обязанности; посему в государстве есть права и обязанности государственные и обязанности гражданские. Законы государственные определяют права и обязанности, возникающие из союза верховной власти и подданства. В составе сих прав первое место занимает власть законодательная и власть верховного правления. Порядок, коим действует сия власть на подданных, составляет первый разряд законов государственных – законы основные» [4, с. 41]. Всего М. Сперанский выделяет 7 видов

государственных законов: основные, учредительные, правительственных сил, благоустройства, о состояниях, полиции, исправительные и уголовные. Все сии законы суть внутренние, но есть законы внешние, кои также должны быть причислены к законам государственным [4, с. 41-47]. В целом М. Сперанский поддерживал официальное мнение, что все распоряжения царя есть закон, обязательный для всех и во все времена: «Всякое повеление верховной власти должно быть исполняемо как закон. Но повеление от закона различается тем существенно, что предмет первого есть особенный отдельный какой-либо случай, а предмет второго есть постановление общего правила, по коему надлежит поступать во всех случаях одного и того же рода. Повеление указывает, как поступать в известном и определенном деле; а закон есть правило, как поступать всегда в делах сего рода. Сие различие между законами и повелениями неприметно в образе их исполнения: ибо и повеление, и закон исполняются одинаково; но оно весьма важно в образе их составления. Законы составляются и рассматриваются в установлениях законосовещательных; а повеления в установлениях правительственных. Законы получают силу свою от верховной власти всегда непосредственно; повеления исходят также от верховной власти, но иногда они исходят непосредственно, иногда же посредством мест и властей, ею учрежденных. В законах власть верховная действует в порядке законодательном, а в повелениях она действует в порядке верховного правления» [4, с. 83]. В своей работе «Руководство к познанию законов», делая обобщение относительно сути закона, М. Сперанский пишет: «Закон, постановляя правила порядка в известной части, вместе с тем устанавливает и надзор для охранения сего порядка и предназначает взыскания и наказания за сего нарушения. Правило, надзор и взыскание суть три составные части каждого закона в полноте его». Далее он констатирует, что «во всех государствах законы образовались постепенно и возникали большею частью не из начал умозрительных, но из дел, из случаев и частных решений, коим власть законодательная сообщала обязательную силу» [4, с. 153].

В XIX веке многие юристы считали главным критерием закона царскую подпись, определяя закон как подписанное царем распоряжение. Действительно, ряд узаконений от петровского Генерального регламента до учреждения министерств и образования Государственного совета, закрепленных затем 54 статьей Основных законов, выдвигали царскую подпись как неперемнное условие обязательной силы закона. Однако в этот период выходило множество законов без соблюдения этого условия, т.е. многие указы не были подписаны царем, а только утверждались устно. «Прежде всего, объявляемые (не подписанные царем) указы, несмотря на многочисленные их запрещения, продолжали

существовать с большим или меньшим ограничением сферы действия на протяжении всего этого времени, нередко противореча указам подписанным и даже отменяя их. Во-вторых, и законы, исходившие от Государственного совета, очень часто не подписывались царем, как следовало бы согласно образованию Совета 1810 года, а только утверждались, притом даже и не письменно, а словесно. Таким образом, многие законы и, может быть, даже большинство их не имели царской подписи» [32, с. 322]. Таким образом, данный критерий не может быть основным при определении сути закона периода абсолютизма.

Теоретически понятие «закон» и проблему различия закона и указа в XIX в. разрабатывал Н. Коркунов. В работе «Указ и закон» он подходил к определению закона, отталкиваясь от исторического развития понятия власти и принципа разделения властей. Исследователь отмечал, что говорить об отличии закона от указа можно лишь в том случае, если исполнительная власть отделена от законодательной. Для него указ в XIX в. это научная абстракция, собирательное название для «всех общих правил, установленных в порядке управления». Основываясь на современном определении закона, можно поддержать данную точку зрения.

В своем исследовании М. Виновер «К вопросу об источниках X тома Свода законов» также обращает внимание на необходимость выработать общие критерии закона: «Велено, однако же, указать прямую черту закона, на коей судья должен утверждать свои решения; а указать сию черту во многих случаях невозможно без дополнений и исправлений» [7, с. 13]. Далее автор считает, что «предмет законов вообще суть внешних деяний человека в обществе. По разнообразию сих деяний законы должны быть весьма многообразны. Первый вопрос в законодательстве есть, найти в сей многосложности некоторый постоянный порядок, чтобы избежать смешения» [7, с. 5].

Присоединяясь к мнению многих правоведов XIX века, Н. Рождественский также подчеркивал, что «законом называется правило, изданное верховной властью и подлежащим образом обнародованное, с коим должно сообразовать свои внешние действия, как русские подданные, так и иностранные, в России проживающие» [6, с. 1]. Таким образом, отличительной чертой законодательства нового времени, как отмечали многие исследователи того периода, является то, что всякое повеление царя было обязательным для исполнения всех подданных, т.е. выступало в роли закона.

Конечно, в огромной массе утверждаемых царем распоряжений было множество таких, которые не содержали в себе ничего законодательного и в современном понятии не могут называться законами. Хотя в практике государственной деятельности подобные

мелочные распоряжения и не носили названия законов, но, тем не менее, должны были быть исполняемы всеми подданными России. По этому поводу высказался П. Майков, который считал, что «всякое повеление верховной власти должно быть выполняемо как закон». Далее он обращает внимание: «Различия между законами и повелениями не приметно в образе их исполнения...повеление и закон исполняются одинаково» [5, с. 12].

Таким образом, законодательная теория дореволюционного периода не дает точного определения закона. Но юристы-практики XIX века нашли свой способ отделения закона от прочих распоряжений, утверждаемых царем. Законами они считали все законодательные акты, помещенные в Полное собрание законов Российской империи. На это четко указано в предисловии к 1-му Полному собранию законов Российской империи, в котором говорится: «Законы, от Самодержавной Власти исходящие, и общие постановления. Именем Ею от учрежденных мест издаваемые, двумя путями достигают общего сведения и исполнения: 1) через объявление и обнародование каждого из них в свое время посредством мест и властей, для сего установленных; и 2) через издание их, уже по обнародовании, в виде собраний. Первый путь: обнародование, всегда признаваем был существенным, и для обязательной силы закона необходимым» [72]. Следовательно, те законы, которые были помещены в Полное собрание законов, после их обнародования приобретали силу закона. Данную точку зрения поддерживает и исследователь Б.М. Кочаков: «Поэтому для целей источниковедческого изучения совершенно достаточно будет определить закон интересующего нас времени как распоряжение, утвержденное царем, имея при этом в виду, ближайшим образом, распоряжения, помещенные в Полное собрание законов. Совокупность различных форм закона и будет составлять законодательную документацию в собственном смысле. При этом источниковедческое изучение этой последней должно захватить также и категории документов, формально однородные с административной перепиской, но по содержанию непосредственно связанные с выработкой закона (доклад или записка, журналы различных комитетов, совещаний и т.д.)» [32, с. 325]. Следовательно, те законодательные акты, которые были включены в состав Полного собрания законов, можно считать законами, характерными для России нового времени.

Многие юристы дореволюционного периода обращали внимание и на другой формальный признак закона: это прохождение его через Государственный совет: «все предначертания законов рассматриваются в Государственном совете, потом восходят на высшее утверждение». В

действительности Государственный совет вовсе не был единственным источником закона и эту мысль высказывали некоторые исследователи российского законодательства.

В XIX веке в русском обществе неоднократно поднимался вопрос о выяснении сути закона. По распоряжению Александра II на главноуправляющего Вторым отделением, барона М.А. Корфа, была возложена задача высказать свое мнение относительно того, что именно в российском праве должно составлять закон, а что – административное распоряжение. Свои предложения М.А. Корф начал с признания существующего смещения по порядку издания между законами и административными распоряжениями, почему и не было возможности установить различие таких актов. Для преодоления этого положения он предложил следующее: «Чтобы впредь законами почитались только те законоположения, которые утверждены высочайшей властью, по предварительному рассмотрению в Государственном совете. Если государь император, по действию самодержавной власти, усмотрит надобность по какому-либо важному предмету объявить народу свою волю непосредственно, без выслушивания мнения сего учреждения, то такое изъявление высочайшей воли признается законом, когда оно изложено при манифесте или указе, изданном за собственноручным подписанием имени его императорского величества и с приложением большой государственной печати» [83]. Однако он сам дальше констатирует, что «многие важные вопросы, повсюду разрешаемые не иначе как законами, проходят мимо Совета и получают разрешение иными путями... в форме, которая в основных законах предписана для дополнений и изъяснений закона, устанавливающихся токмо образ его исполнения» [83]. Далее Корф перечисляет категории законов, проходящих мимо Государственного совета: «1) Дополнения законов и меры усовершенствования законодательства по военному и морскому ведомствам, когда они не имеют никакой связи с прочими частями государственного управления, представляются на высочайшее утверждение непосредственно от Военного совета или Адмиралтейств совета. 2) По Кавказскому и Закавказскому краю и Сибири законодательные дела восходят к высочайшему разрешению через Комитет Кавказский или Сибирский. 3) Весьма важные законы издаются иногда через другие комитеты высшего управления. 4) Меры законодательные не редко содержатся в изустных высочайших повелениях, объявляемых Сенату министрами и другими уполномоченными на то лицами. 5) В разных положениях, наказах, инструкциях и т.п., которые по содержанию принадлежат вообще к категории административных постановлений и получают утверждение через Комитет министров или по непосредственным

всеподданнейшим докладам министров и главноуправляющих, часто встречаются статьи, ограничивающие, изменяющие, а иногда и вовсе отменяющие действие законов» [32, с. 323]. Данную мысль поддержал исследователь права А.Д. Градовский. Он, основываясь в самом законодательстве закрепленных исключений из полномочий Государственного совета на рассмотрение законов, пришел к выводу, что прохождение через Государственный совет не может быть исключительным критерием для признания за нормативным актом значения закона. Он подчеркивал, что отличительным признаком законодательных актов должна быть принята высочайшая подпись, словесные же повеления квалифицировались им как административные распоряжения. Следовательно, прохождение через Государственный совет также не являлось ни формальным, ни фактическим признаком закона исследуемой эпохи.

Стремление закрепить существующие порядки в период абсолютизма приводит к идее систематизации законодательства. В XVIII в. было предпринято девять попыток создать определенную классификацию существующих законодательных актов в России, однако все они не достигли конечного результата. Неудачи проводимой систематизации действующего права объяснялись тем, что комиссии бессистемно соединяли все старые законы или занимались сочинением новых, без учета старых, не было достаточного количества юристов-профессионалов. Несмотря на безуспешность попыток провести кодификации, можно утверждать, что уже в период правления Петра I наблюдалось стремление уйти от прецедентного права, базировать право на систематизированном законодательстве. В 1801 г. была создана десятая по счету комиссия по составлению законов, которую возглавил П.В. Завадовский. Несмотря на то, что данная комиссия провела большую работу, но завершить систематизацию российского законодательства она не смогла.

Работа по систематизации законодательных актов была продолжена в начале XIX века при Николае I. В 1826 г. была создана специальная комиссия при втором отделении Собственной ее императорского величества канцелярии, которая должна была систематизировать существующее законодательство, свести его к одному знаменателю. Успеху работы комиссии способствовало то, что непосредственно всю работу по систематизации законодательства организовал и провел видный юрист и реформатор России М.М. Сперанский. Он решил организовать работу поэтапно. Сначала Сперанский хотел собрать воедино все законы, изданные с момента принятия Соборного уложения 1649 года, затем привести их в определенную систему и, наконец, на

базе всего этого издать новое уложение. Одновременно с работой над Полным собранием законов шла работа по составлению свода закона Российской империи. В связи с чем он отмечал: «Свод законов ничего не изменяет в силе и действии их, но приводит их только в единообразие и порядок». Тем самым подтверждается мысль, что все материалы, которые были собраны и помещены в Полное собрание законов, должны рассматриваться как закон.

Исследователь права К. Малышев ввел в понятие закона критерий нормативности и, не давая целостного определения закона, указал на три необходимых его признака: «во-первых, закон есть общее правило или постановление, общая норма права; во-вторых, он есть постановление верховной государственной власти; в-третьих, закон есть постановление, утвержденное и обнародованное в установленном порядке» [84, с. 107-108]. Столь подробное определение использовалось, однако, не слишком часто. В дореволюционной теории законодательства в качестве общепринятого употреблялось определение закона, которое, в принципе, поддерживали все дореволюционные исследователи. Таким образом, утверждение законодательного акта императором можно считать одним из основных отличительных признаков закона исследуемого периода.

Несмотря на многообразие точек зрения относительно определения закона, выяснения основных его критериев, все эти подходы стимулировали изучение формальной структуры русского законодательства нового периода и в значительной степени отразились затем в период «думской монархии». Как отмечает С.И. Антонова: «Из всего сказанного следует, что понятие закона, как и сам закон, – категория историческая. Исторически обусловлена и степень разработанности понятия в царском законодательстве. Она в своеобразной форме отразила эволюцию надстройки, а потому при изучении законодательных актов исследователь обязан ее учитывать» [31, с. 10].

В начале XX века отношение правоведов к понятию «закон» почти не изменилось. Хотя в ходе революции 1905-07 гг. были приняты ряд документов, пытавших отделить закон от других законодательных актов, но они, в сущности, не изменили суть дела. Одним из первых таких документов был Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного устройства», в котором говорилось о расширении избирательных прав населения и о признании Государственной думы законодательным органом: «Установить, как незыблемое правило, чтоб никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы» [85, л. 4-5]. Следовательно, согласно данному документу, юридическим основанием понятия закона должно было служить одобрение законодательного акта Государственной думой.

Другим актом, содержащим юридические основания понятия закона, является Манифест 20 февраля 1906 г. «Об изменении учреждения Государственного совета и о пересмотре учреждения Государственной думы» [31. с. 7]. Этот документ, появившийся в период начавшегося спада революционного движения, ограничивал права законодательной Думы. В манифесте говорилось лишь об общем правиле, по которому ни один закон не мог иметь силы без утверждения его царем и одобрения Государственным советом и Государственной думой. В промежутках между работами Думы и Совета достаточно было утверждения закона царем, чтобы он приобрел законодательную силу. Окончательно эти положения были закреплены в Своде основных государственных законов, опубликованном 23 апреля 1906 г. Таким образом, ни Совет, ни Дума не обладали всей полнотой законодательной власти. Кроме того, что царь мог не утвердить законы, которые они приняли, целый ряд законов издавался вообще без их участия. Многие важнейшие законодательные акты издавались в обход Совета и Думы в форме так называемых чрезвычайных указов. Теория провозглашала конституцию, а на практике продолжало существовать самодержавие.

В целом, бюрократические методы издания законов, их смешение и путаница продолжали существовать и оказывать свое влияние на историю того или иного законодательного документа на протяжении всего периода абсолютизма. С.А. Котляревский по этому поводу пишет: «Говоря о законодательстве, как одной из типичных форм парламентской деятельности, мы исходим из материального смысла закона. Этот смысл выражается в том, что закон есть акт, устанавливающий общую, абстрактную норму» [19. с. 11]. Эту же позицию поддерживали и другие авторы, которые полагали, что хотя законы и административные распоряжения обладают в русском праве одинаковой юридической силой, однако разграничение их «важно для общественного правосознания в смысле разграничения деспотии и самодержавной монархии».

Итак, как видно из вышесказанного, ни подпись царя, ни прохождение закона через официальные органы не являлись показателями закона. Основными отличительными признаками закона интересующей нас эпохи остается факт санкционирования закона царем, факт так называемого высочайшего утверждения. Действительно, и мнение Совета, и указы всех видов, и министерские доклады, и все иные формы актов, обращавшихся в царской России в качестве законов, имели одну общую черту – утверждение их царем. Данная точка зрения нашла отражение и среди ученых советского периода.

Советские ученые также были едины во мнении, что в дореволюционный период единого подхода к понятию закона не было выработано. По мнению Б.М. Кочакова, в России периода абсолютизма не было точного понятия «закон». В своей работе «Русский законодательный документ XIX - начала XX вв.» он пишет, что в данный период существовало стремление, остававшееся на протяжении XVIII в. безуспешным, выделить из всего многообразия указов те, которые по их юридическому действию можно было бы рассматривать как законы. В XIX в. поиск формальных критериев разделения закона и указа продолжался и шел он, главным образом, по пути фиксации законодательной процедуры. Формальным признаком закона со времени Петра оставалась царская подпись, но это правило нарушалось в XVIII в. «объявленными указами», а также в XIX в. законами Государственного совета, одобряемыми словесно. Далее автор категорически утверждает, что «указание на необходимость царского утверждения (санкции) для придания закону действительной силы – одно из категоричнейших и бесспорнейших положений официальной юридической догмы» [32, с. 363].

Подобную позицию поддерживает С.И. Антонова. Она пишет: «В марксистско-ленинской науке под законом, как общей правовой категории, понимается закрепленная государственной властью воля господствующего класса. Следовательно, в общеправовом значении всякий законодательный акт, поскольку в нем выражена воля господствующего класса, его политика по тому или иному вопросу, и является законом. В этом смысле классики марксизма-ленинизма применяли понятие закона к указам, правилам и другим законодательным актам царского правительства» [31, с. 5]. К данным выводам присоединяется и современный исследователь российского права А.Ф. Смирнов, утверждающий: «Основным формальным признаком закона в государственном праве XIX века... оставалось «высочайшее утверждение», включая и устное повеление монарха. При этом такие аспекты законотворчества, как законодательный почин, форма нормативного акта, участие в его подготовке Государственного совета, Кабинета министров, а в его издании – Сената и другие аспекты, на практике не принимались во внимание» [86, с. 39]. Известный ученый в области источниковедения И.Д. Ковальченко также обращает внимание на данные положения. Он пишет: «В XVIII веке и еще более последовательно в первой половине XIX века в законодательстве осуществлялся принцип – право издания новых законов принадлежит только царю. Что касается Сената, Синода, коллегии и других правительствующих учреждений, то они имеют право лишь обращаться к нему с докладами, предложениями, представлениями» [69, с. 183].

Один из исследователей законодательства дореволюционной России А. Тесля делает вывод, что многие русские правоведы пытались найти общие критерии закона в России, опираясь на европейское законодательство, сравнивая его с ним. По этому поводу он пишет: «Законы основные и практика их применения из таковых положений знали многочисленные исключения, а проблема толкования возникала еще и в том плане, что применялись методы западноевропейской юриспруденции последнего времени, приспособленные к абстрактным, всеобщим положениям, тогда как формулировки русских законов, иногда по внешней своей форме сходные с европейскими, расходились по существу, будучи казуальны и не претендуя в большинстве случаев на всеобщее обобщение практики. Юридическая техника законодательства соответствовала, скорее, европейской XV – XVI веков (да и любых других стран, где уже есть достаточно сильная государственная власть, считающая себя вправе издавать законы, относящиеся ко всем сферам общественной жизни, но существующая в пространстве обычного права). Верховная власть здесь не пытается прописать все существующие нормы, необходимые для нормального функционирования системы – они и так всем известны, составляя обычное право страны. Издаваемые ею законы – только поправки, дополнения, изменения существующего права, которое подразумевается, но фиксации которого от лица законодателя не требуется» [83]. Поэтому, продолжает автор, найти общие критерии закона для государства с абсолютной монархией, где господствовала «воля монарха», было почти невозможно. «Построенный по казуальному принципу закон выделяет только то, что в данный момент представляется особенно важным, фиксирует те моменты, что сейчас попали в поле зрения законодателя, а иногда придаваемая им слишком общая формулировка не должна вводить в заблуждение – истинный смысл постановления устанавливается через сравнение с иными положениями того же рода, с наличной практикой, заведениями и т.д.» [83].

Таким образом, четкого определения понятия «закон» и критериев для отделения закона от прочих распоряжений верховной власти в период абсолютной монархии в историко-правовой науке выработано не было. В принципе, это неразрешимая задача, потому что теоретически разграничить закон и административное распоряжение можно только тогда, когда исполнительная власть отделена от законодательной, т.е. когда существует разделение властей, что характерно для государств с конституционным строем. «Но этого, – как пишет О.М. Медушевская, – в российской истории не было не только в XVIII – XIX вв., в условиях самодержавной империи, но и на протяжении большей части XX в.»

[70]. Тем не менее, с учетом особенностей политической системы, общественно-политического развития России в XVIII - начале XX веков, накопленного теоретического и практического законодательного опыта, можно выделить следующие основные критерии законодательных актов данного периода. Во-первых, это утверждение закона государем, во-вторых, это документы, которые были включены в состав Полного собрания законов Российской империи, и, в-третьих, фиксированный порядок принятия закона, который был выработан на протяжении XVIII - XIX вв. Постепенно глава государства стал рассматриваться как верховный носитель законодательной власти. Поэтому общественные отношения в стране данного периода регулируются законом, который непосредственно был утвержден царем. Законы стали играть главную и активную роль в защите устоев существующего строя абсолютной монархии.

Одной из особенностей законодательных источников данного периода является то, что закон не содержал в себе конкретные факты, а лишь нормы, утвержденные императором, за нарушение которых следует наказание. Одним из важных свойств законодательных источников нового времени в сравнении с предшествующим периодом является их огромный количественный рост. Законодательная деятельность была особенно активной в годы правления Петра I. За время его правления было издано, по меньшей мере, 3314 указов, регламентов и уставов, причем царь лично участвовал в составлении и редактировании многих из этих актов [28, с. 78]. Этот факт подтверждают законодательные акты, принятые в отношении Казахстана, которых, как было сказано выше, выявлено более 2000 документов. Если учесть, что многие вопросы регулирования отношений в Казахстане, особенно в отдельных отраслях, рассматривались соответственно общим узаконениям, которые отложились в различных уставах, то их количество станет в несколько раз больше.

Одной из характерных черт законодательных источников для данного периода было увеличение роста числа их разновидностей. Для законодательства данного периода не существовало определенных отличительных форм. Характер закона носили указы, уставы, регламенты, инструкции, манифесты, указы и т.д. Фактически разновидностей законодательных актов было гораздо больше, но их соотношение постоянно менялось. В данный период не было четкого разграничения понятий наименования законодательных актов. Главным было одно правило: «всякое повеление государя есть закон», т.е. право издавать новые законы принадлежало только царю. Императорская власть считалась единственным источником закона. Сенат, коллегии и другие правительственные учреждения имели лишь право обращаться

к царю с докладами и предложениями. Эта особенность нашла свое отражение и в законодательстве, которое регулировало управление казахским краем. В отношении Казахстана были приняты самые разные виды законодательных актов, начиная от инструкций и грамот и заканчивая положениями, утвержденными мнениями, докладами и т.д.

Законодательство нового времени в отличие от предыдущих периодов сохранилось лучше, что также является одной из их особенностей. Значительному улучшению сохранности исторических источников способствовало то, что в новое время многие исторические источники уже в момент своего создания предназначены были для публикации. Ни один другой источник не может быть сопоставлен с законодательством по распространенности. В 1714 г. Петр I постановил, что все указы «для всенародного объявления велеть печатать и продавать всем». Законодательные акты громко объявлялись в церквях и других людных местах, наиболее важные законы зачитывались многократно в течение определенного времени. Кроме того, все законы в обязательном порядке рассылались во все государственные учреждения для исполнения. Опубликование, рассылка законодательных документов способствовали тому, что они дошли до нашего времени в достаточно хорошем состоянии.

Во многих указах нового времени указывалось на значимость закона, необходимость его неукоснительного исполнения, а также говорилось о том, что закон обратной силы не имеет. Это положение особенно четко выполнялось, когда дело касалось инородцев, разработки природных рудников присоединенных территорий, рассмотрения земельных вопросов и всех проблем, связанных с интересами империи. По мере развития абсолютной монархии, для придания видимости законности того или иного действия правительства, в законодательных актах всегда указывается ссылка на тот или иной закон. В связи с этим в текстах часто встречаются выражения: «справясь с прежними указами», «на основании вышеизложенных повелений», «по рассмотрении бывшего положения», «основываясь на статьи узаконений», «на основании существующих постановлений» и т.д.

Законы четко регулировали все общественные отношения в обществе и всегда играли большую роль в осуществлении определенной политики в отношении покоренных народов. Начиная с первых законодательных актов царского правительства, в них звучит мысль о благополучии и выгоде Российской империи, что является характерным признаком и для всех дальнейших узаконений: «Заводимые в степи города надлежит стараться, преже всего, обречь ровом и укрепить земляным валом, дабы и работы в них беспечнее производимы и

оборона на случай воровских покушений удобнее найдена быть могла. Но при всем наблюдать крайнюю осторожность, чтобы толь диких народов не потревожить и не отвратить; а потому во внушениях им о пользе и надобности сих городов и о нужде впредь для охранения их далее строить города или укрепления, поступать с осмотрительностью, что вам по требованию вашему на месте гораздо спокойнее предвидеть, и так в том изворотиться, как лучше для службы нашей и спокойствия края вам вверенного сходнее» [41, с. 68].

На первом месте всегда стояла выгода и польза государства, а затем частные интересы правящих кругов. Присоединяя Казахстан, Россия на первом месте ставила вопросы о получении прибыли с новых приобретенных земель. Поэтому разработка и приобретение всех источников сырья находились под жесточайшим контролем правительства, во всех законах красной нитью проходит мысль о получении выгоды для российской казны. Любая разработка рудников находилась под личным контролем его императорского величества.

Хотя законодательная деятельность во второй половине XVIII в. значительно ослабевает, но она продолжает играть главную роль в регулировании отношений в российском обществе. Главное, что оно не только определяло все основные направления деятельности государства, но и было довольно мелочным, регламентирующим все стороны русского общества, в том числе и покоренных народов. Так, появляются указы о запрещении носить покойников мимо царского дворца, о размножении зайцев в окрестностях столицы, о запрещении быстрой езды и т.д. Государство во главе с монархом пытается регламентировать все стороны жизни общества, пытаться защитить себя от любых поползновений со стороны демократии. При рассмотрении вопросов, связанных с решением проблем на территории Казахстана, поражает, насколько царское законодательство пыталось регулировать все стороны жизни и казахского общества. Такой вывод можно сделать, читая следующие документы: «О присвоении права на казенную прислугу присягу Большой Киргизской орды»; «О назначении асессору пограничного управления сибирскими киргизами, в случае отправки его в степь по делам службы, суточных денег»; «О дозволении строить постоянные дворы в Киргизской степи»; «Об установлении передаточных надписей на документах, выдаваемых на распродажу соли, вывозимой из Киргизской степи»; «Об окладе содержания повивальной бабки Внутренней киргизской орды»; «Об отмене запрещения возводить жилые строения в Семипалатинской слободе»; «Об учреждении во Внутренней киргизской орде должностей оспопрививателей из киргизов» [76] и т.д. Царское самодержавие

регулировало все основные стороны жизни казахского общества, вмешивалось в частную жизнь казахов, ущемляя элементарные естественные права человека.

Главной характерной особенностью законодательства этого периода было то, что оно издавалось в интересах господствующего класса, на пользу Российского государства, но неизменно характеризовалось как изданное в интересах народа. Поэтому в законодательных документах часто употреблялись выражения: «в пользу государственную и общую», «для блага государственного устройства», «в интересах и пользе государства», «для интересов его императорского величества» и т.д. В законодательных источниках часто применялись слова и выражения, вовсе не отражавшие реальную действительность. При помощи особых приемов формулирования отдельных статей законов или всего закона царское правительство стремилось скрыть истинный смысл документа, подменить один тезис другим. Для этого отдельные статьи, положения закона излагались неясно, двусмысленно, противоречиво. Так, например, в документе 1763 г. «Об отправлении знающего человека для осмотра и описи на восточном берегу Каспийского моря Мангышлакского мыса и тамошних окрестностей и для прискания удобного места к основанию крепости» [76], с одной стороны, сквозит якобы забота о казахском народе, говорится о том, что «киргиз-кайсаки могут и в зимнее время муку покупать от той крепости, когда в зимнее время из Оренбурга за сужами и за снегами доставить им хлеб неудобно», а с другой, о казахском народе в этом же документе пишется, что «по причине варварского, и к воровству и грабительствам склонного киргиз-кайсацкого народа, через который азиатским купцам в Оренбург приезжать и возвращаться надлежит, а в том народе, не будучи почти также никакого подчинения, едва ли к чему доброму и доведен быть может». Расхождение между мнимыми целями и действительным содержанием закона одна из отличительных черт царского законодательства данного периода. Во все времена царское самодержавие пыталось придать законодательным актам видимость заботы об интересах народа, о благе всех своих подданных, «дабы тот народ высочайшую ее величества милость чувствовал и подданства здешней империи пользу свою признавал».

Проявляя «заботу» о казахском народе, который вынужден был от нищеты и ужасного бедственного положения продавать своих детей в рабство, царское правительство приняло специальный указ. Чтобы понять истинный смысл этого документа, приведем цитату из этого документа: «...Необходимо пресечь данные случаи, оказать помощь казахскому народу и покупать их разрешить только

российским подданным... Из донесений оренбургского военного губернатора и других дошедших к нам сведений мы усмотрели, что киргизцы из подданных наших, поблизости к Оренбургской линии и по всей границе от Каспийского моря до Сибири кочующие, пришли по разным случаям в столь бедственное состояние, что, не находя средств к пропитанию, многие из них покушаются даже на продажу своих детей в рабство хивинцам, по торговле туда приезжающим. Желая облегчить жребий людей сих, не только родоначальниками оставленных, но и родственниками отверженных, мы поручили оренбургскому военному губернатору обратиться о переселении их по возможности в казенные селения магометанского и даже христианского исповедания; оренбургский военный губернатор снабжен от нас особенными о том повелениями. Но дабы существовавшие доселе в сем злоупотребления в полной мере были прекращены, и всякий повод к продаже людей сих в рабство хивинцам был отнят, признали мы сверх того за благо постановить следующие общие правила: 1) Всем российским подданным свободных состояний покупать и выменивать на линии киргизских детей дозволяется, с тем, что 2) купленные и вымененные таким образом киргизские дети обоего пола по достижении 25-летнего возраста все без изъятия должны быть свободны; 3) все покупающие или выменивающие киргизских детей должны предъявлять о сей покупке или вымене Оренбургской пограничной комиссии» [40, с. 173-174].

Подобное проявление «милосердия» в отношении подданного казахского народа со стороны царских властей проходит красной нитью через все законодательство царских властей, касается ли это решения земельного вопроса, территориального устройства или выбора хана и волостного. Например, читаем в указе от 23 августа 1781 года по поводу избрания нового хана в Среднем жузе: «Мы, великая государыня, наше императорское величество, милосердую по тому о верноподданном нашем киргиз-кайсацком народе, и не хотя оставить его в безначальстве, дабы от онаго не могло родиться неприятных вредных последствий и разорению его, всемилостивейшее дозволяем вам, султанам, старшинам и всему народу, избрать по обыкновению достойного и нашему императорскому величеству благонамеренного хана, который бы добрым своим и благоразумным своим поведением мог в киргиз-кайсацком народе сохранить тишину и благоустройство, следовательно же, и сподобится вящее и вящее монаршей нашей милости и благоволения» [40, с. 104]. Эти документы говорят о том, что законодательство царского правительства всегда искало выгоду и пользу для проведения своей политики, используя различные обороты и фразы.

Еще одной особенностью русского права XIX в. было то, что многочисленный бюрократический аппарат органов управления оказывал большое влияние на законодательную деятельность царского правительства. Закон проходил длительный путь, прежде чем оказывался на столе у императора. Также надо иметь в виду, что официально санкционированное законодательство на местах не всегда совпадало, а иногда даже вступало в противоречие с местными обычаями и законами шариата. Поэтому на содержание и суть законодательства, разрабатываемого для Казахстана, большое влияние оказывали генерал-губернаторы, губернаторы, военные губернаторы и местная администрация. Именно с их подачи, так называемых предложений, докладов, записок, создавалась картина «истинного положения дел в крае», на основе которых принимались те или иные узаконения и решалась судьба целого народа. Губернаторы на местах имели почти ничем и никем не ограниченную власть, все вопросы на местах они решали самостоятельно и могли вносить изменения в те или иные законоположения. Эти положения нашли подтверждение в российском законодательстве.

Рост количества источников, особенно в сфере делопроизводства, постепенно к XIX веку приводит к упрощению содержания отдельно взятого документа. К середине XIX века законы становятся проще, короче, стиль четче, вырабатываются общие схемы их изложения. Например, если сравнить название именного указа XVIII века «О назначении урочищ, до конх киргиз-кайсакам пользоваться звериною ловлею; о непринимании в Яицкие городки пришлых из Великороссийских губерний людей, и о произведении в них торговли по казацким привилегиям; о запрещении торговать в Оренбурге крестьянам, незаписанным в посады, и о вымещении у киргизцев лошадей на сукно» и название указа конца XIX века «Об устройстве таможенного надзора в Туркестанском крае», то это видно наглядно.

В целом, следует обратить внимание, что между всеми особенностями и отдельными свойствами законодательных источников существует определенная взаимосвязь. Количественный рост законодательных источников во многом обуславливает упрощение содержания одного отдельно взятого документа, что, в свою очередь, порождает, как минимум, два следствия: увеличение количества разновидностей источников каждого вида и рост объема скрытой информации внутри комплекса законодательных материалов.

В целом, идеология царского самодержавия нашла свое прямое отражение в законодательстве XVIII – начала XX века: никакого равенства перед законом не было. Для права периода абсолютизма было характерно то, что оно полностью строилось на принципе

сословности, т.е. состояло из сословных привилегий для господствующих классов, с одной стороны, и сословных ограничений для простого народа и инородцев – с другой. В разработке и обсуждении законов, касающихся управления казахскими землями, местное население не принимало участия. «Все административные, политические, судебные и правовые реформы, проводимые царизмом в самой метрополии, которые касались Казахстана, проводились без участия представителей казахского народа» [60, с. 106]. Абсолютная монархия защищала и отстаивала только свои права и права господствующих классов, интересы же крестьян, других сословий и особенно народов, проживающих на национальных окраинах, полностью были ограничены и не принимались в расчет.

В целом, для законодательных источников Российской империи нового времени было характерно: огромный количественный рост; упрощение содержания отдельно взятого документа к середине XIX века; рост числа разновидностей законодательных актов; нацеленность на публикацию и тиражирование с момента создания, что способствовало их довольно хорошей сохранности. Для законодательных документов периода абсолютизма главным было то, что они все были направлены на защиту существующего монархического строя, интересов господствующих классов.

Сохраняя особенности, характерные для законодательства периода абсолютизма Российской империи, в целом, в то же время законодательные источники, касающиеся истории Казахстана, имеют свои отличительные черты:

- законодательные документы подтверждали законность любого действия правительства на территории края;
- царское законодательство было направлено на ущемление политических, экономических, правовых и духовных прав казахского народа;
- царские законы, несмотря на их антинародную направленность, подлежали неукоснительному исполнению;
- во всех имперских законах на первом месте стояла выгода и польза Российского государства;
- законодательные акты создавали правовую базу для исследования природных богатств и освоения территорий Казахстана;
- российское законодательство было мелочным, оно регулировало все стороны жизни казахского общества;
- царское законодательство скрывало истинный смысл документа, подменяло один тезис другим, истинные цели всегда сводились к защите интересов господствующих классов и существующего монархического строя;

– законодательство империи было направлено на создание российской системы управления, судопроизводства, которые должны были стать непосредственными проводниками колониального порядка в крае;

– законодательство царизма подводило правовую базу под налоговую политику, проводимую в Казахстане, обеспечивая царскому правительству огромные прибыли;

– на содержание и суть законодательства, разрабатываемого и принимаемого для Казахстана, большое влияние оказывали губернаторы и местная администрация, в разработке законопроектов местное население не принимало участие;

– законодательство Российской империи в отношении Казахстана носило антигуманный, античеловеческий характер, было направлено на уничтожение духовного развития казахского общества.

Таким образом, во всех законодательных актах царского самодержавия прямо или косвенно красной линией проходит мысль о Казахстане, как о колониальной окраине, о казахском народе, как о второсортных людях, инородцах, чуждых высокой цивилизации. Данную оценку законодательству Российской империи в отношении Казахстана дает и казахстанский правовед К.А. Жиренчин. Он пишет: «Административно-политическая структура в Казахстане регламентировалась нормами, установленными или санкционированными государственными органами метрополии, а, следовательно, составляющими специфическую часть общероссийского имперского права. В целом для обозначения совокупности юридических норм, закрепляющих господство России в ее колониях, можно применить особый термин «колониальное право». Оно состоит частично из норм имперского законодательства и колониальных актов и из трансформированного местного обычного права» [63, с. 106].

Глава 4.

ЭТАПЫ ПРОХОЖДЕНИЯ И УТВЕРЖДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Законодательные акты помогают представить всю объективную картину происходящих событий и показать исторический процесс в его развитии. С принятием законодательного акта, сопровождающего сложным путем его прохождения и утверждения, связан огромный пласт материалов, требующих своего дальнейшего изучения. Особенно важны материалы официальных государственных органов царского правительства, которые отложились на той или иной стадии прохождения закона (здесь имеются в виду различные проекты, записки, доклады, протоколы заседаний и т.д.). «Кроме того, законодательный акт имеет еще выдающееся значение как своеобразный ключ к огромной массе официальных документов, как своего рода путеводитель по ней. Для многих категорий архивного материала именно законодательный акт является стержнем. Отправляясь от него, мы приходим и ко всей остальной переписке по интересующему нас вопросу. В этом – лишнее обоснование необходимости новейшего источниковедения и анализа законодательного акта» [32, с. 321].

Закон, прежде чем стать юридическим актом, определяющим те или иные обязательные правовые нормы в государстве, проходит сложный, а нередко и долгий путь своего становления и утверждения. На это в своих исследованиях указывал Б.М. Кочаков: «Закон в том виде, как он распубликовывался официальным порядком и становился обязательным для всех подданных российского самодержца, был конечным результатом долгой и сложной предварительной разработки определенного политического мероприятия, вокруг которого разгоралась борьба заинтересованных классовых сил» [32, с. 325]. В современной научной литературе выделяют следующие основные этапы создания законодательных актов: 1) законодательная инициатива или почин; 2) разработка законопроекта и его обсуждение; 3) утверждение закона или санкция; 4) обнародование. Каждому из этих периодов соответствует определенная документация, которая позволяет выяснить такие стороны законодательного акта, которые нельзя установить, если ограничиться изучением только содержания самого закона. Изучение каждого периода прохождения законодательного документа позволяет показать сложность создания закона и раскрыть его истинное содержание.

Для того чтобы выяснить истинные цели царского законодательства, в первую очередь, необходимо изучить документы, которые относятся

к первой стадии создания закона, т.е. починя или законодательной инициативы. Законодательная инициатива – это обращенное к власти официальное заявление о необходимости издания новых, изменения, дополнения или отмены старых законов. К ним относятся документы с законодательными предложениями: ходатайства, предложения, заявления, прошения, письма, доклады и т.д. Как пишет С.И. Антонова: «Такого рода «Записки» и «Доклады» дают значительно более полное, чем сами законодательные акты, представление о причинах их появления, в них с большей откровенностью выражена правительственная оценка политической обстановки в стране и состояния самого правительственного лагеря» [31, с. 29]. Законодательные предложения или ходатайства могли исходить как от частных лиц и общественных организаций, так и от самого правительства. В первом случае это будет общественная инициатива, во втором – правительственная. Для изучения законодательных предложений, исходивших от правительства, большое значение имеют всеподданнейшие записки и доклады, авторами которых были представители царской администрации. Например, «Записка об устройстве Семиреченской области в составе Степного генерал-губернаторства» (1884 г.), «Записка Тургайского губернатора И.М. Стреловского о преобразовании Тургайской области» (1909 г.), «Журнал заключительного заседания комиссии учрежденной приказом... для пересмотра Степного положения 1891 г.» (1902 г.). Эти документы хранятся в редком фонде Национальной библиотеки РК.

С законодательной инициативой в виде донесений, рапортов, докладов выступали различные чиновники царской администрации. Например, донесение М. Тевкелева «О приезде его к хану Абулхаиру» от 26 августа 1731 г., донесение оренбургского губернатора И. Рейнсдорпа «Об усилении волнений среди киргиз» от 20 августа 1774 г., записка «Об учреждении Пограничного суда в Оренбурге и Расправ в Меньшой киргизской орде», записка оренбургского военного губернатора князя Волконского «О Киргиз-Кайсацких трех ордах». Некоторые материалы с законодательной инициативой публиковались во время их появления в специальных изданиях и в периодической печати. Часть материалов, главным образом секретных совещаний, была опубликована лишь только в советский период. Огромное количество документации, связанной с прохождением законодательных актов, хранится в архивных фондах. Для выявления этих материалов важным является знание истории высших государственных учреждений России, которые в той или иной степени влияли на издание законодательных актов: Государственного совета, Правительствующего сената, Комитета министров, Совета министров, Сибирского комитета, Азиатского департамента.

Государственной думы и т.д. Вопросы, относящиеся к Казахстану, рассматривались во всех этих государственных органах. Так как эти государственные органы имели непосредственное влияние на выработку официальной политики Российского государства в отношении присоединенных территорий Казахстана и ее осуществление, то хотелось бы остановиться более подробно на этом вопросе.

Система государственного управления Россией постепенно изменялась, совершенствовалась под влиянием развития общественного строя, дальнейшего укрепления абсолютизма. Соответственно развитию абсолютной монархии складывается и новый аппарат государственного управления Российской империи. Старая система управления не отвечала требованиям нового времени. Боярская дума, приказы и т.д. ликвидируются, появляется новая система государственных учреждений. На смену им появляются Ближняя канцелярия, которая осуществляла административно-финансовый контроль, и Консилия министров, которая управляла приказами и канцеляриями, обеспечивала армию всем необходимым. Однако к началу XVIII века эти органы управления были упразднены, и на их место в 1711 г. был создан Правительствующий сенат. Реформа 1722 г. превратила Сенат в высший орган центрального управления, который контролировал весь государственный аппарат. «Правительствующему Сенату принадлежит высший надзор в порядке управления и исполнения; по сему, как хранитель законов, он печется о повсеместном наблюдении правосудия» [6, с. 33]. В это же время создаются коллегии, которые пришли на смену приказам. В отличие от приказов, действующих на основе обычая и прецедента, коллегии должны были руководствоваться четкими правовыми нормами на основе Генерального регламента (1720 г.) и должностными инструкциями. Городское управление осуществлял главный магистрат. Руководство церковными делами осуществлял Святейший синод. Совершенствуется и местное управление, постепенно вся территория России была разделена на губернии.

К концу XVIII века коллегии прекратили свое существование, остались только Коллегия иностранных дел, Военная, Морская и Коммерц-Коллегия, которые нельзя было передать в руки местных органов управления. Управление казахским краем до 1797 г. находилось в ведении Коллегии иностранных дел. При Павле I специальным указом «Об учреждении при Коллегии иностранных дел особого департамента для отправления дел, касающихся до азиатских народов» от 26 февраля 1797 г. был учрежден особый департамент. Одним из важнейших органов управления в России в начале XIX века была Собственная его императорского величества канцелярия, состоящая из 6 отделов:

1 отдел – осуществлял контроль за деятельностью министров и ведомств; 2 отдел - делал анализ законов империи; 3 отдел - отвечал за вопросы политической и государственной безопасности; 4 отдел – контролировал и направлял работу женских учебных заведений; 5 отдел – создан специально для выработки проекта по управлению крестьянами; 6 отдел – готовил материалы по территории Кавказа.

Государственная система управления России в XIX веке характеризуется дальнейшей централизацией и бюрократизацией государственного аппарата. Вся полнота власти принадлежала императору, который опирался на разветвленный чиновничий аппарат. Высшим законосовещательным органом с 1810 г. становится Государственный совет, председателем которого являлся сам государь. На Государственный совет была возложена функция разработки законопроектов, утверждаемых императором. Деятельность Государственного совета была организована в форме общих собраний и заседаний по пяти департаментам: военного, гражданского, духовного, государственной экономии, царства Польского. Проекты законов сначала обсуждались в департаментах, затем выносились для обсуждения в общее собрание Государственного совета и только после утверждения их императором получали силу закона.

В XIX в. компетенция и функции Правительствующего сената подверглись существенным изменениям, при этом они сплелись с функциями вновь возникших центральных учреждений. Сенат должен был контролировать деятельность коллегий и губернаторов, проводить ревизии деятельности местных органов власти, предоставлять императору сведения о несоответствии издаваемых указов. Эволюция Сената в течение XIX в. шла в сторону все большего превращения его в орган надзора за соблюдением законности и в высший суд. Именно в этот период по инициативе Сената было принято больше всего законодательных актов.

В начале XIX века коллегии полностью себя изживают, и им на смену были созданы министерства: военное, морское, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции, народного просвещения. Министерства состояли из различных отраслевых департаментов, которые собирали сведения, обрабатывали их, подготавливали доклады и сообщения и т.д. Образование министерств усилило централизацию государственного аппарата, теперь местные государственные органы и учреждения более тесно были связаны с центральными органами. Соответственно, управление казахскими степями перешло в ведение Министерства иностранных дел. В 1819 г. был создан по указу Александра I Азиатский департамент, который являлся одним из трех департаментов Министерства иностранных дел.

Азиатский департамент являлся высшим органом по регулированию восточной политики царской России. В его ведении находились: 1) дела политические, касающиеся Востока; 2) вся переписка с восточными правительствами и с русскими дипломатическими и консульскими агентами на Востоке, по делам русских подданных, на Востоке пребывающих, равно подданных тех стран, пребывающих в России, и отношениями к России лиц, пребывающих на Востоке; 3) переводы по сношениям присутственных мест и правительственных лиц, а также по просьбам частным, актов и документов, писанных на восточных языках. В это же время был учрежден особый Азиатский комитет, который рассматривал дела по Оренбургскому краю в целом, а также вопросы русской торговли с Азией. Следовательно, вопросы по управлению казахским краем занимали одно из основных мест в работе данного комитета. «В нем сосредотачивается переписка по делам, касающимся до Азии, а также до областей Турецких и Греции; производятся все дела, относящиеся под главным заведованием Министерства иностранных дел оренбургскими киргизами или киргизами так называемой Малой орды, а также киргизами Большой орды» [6, с. 61].

Существовала объективная потребность иметь высший орган, который бы смог не только объединить управление Сибирью, но и разгрузить другие высшие государственные учреждения. Для рассмотрения вопросов, касающихся непосредственно Сибири, 21 июня 1821 г. был образован особый комитет, который получил название Сибирский. В нем были сосредоточены все сведения об экономическом и социально-политическом состоянии края: статистические отчеты, донесения с мест, записки, прошения, законодательные акты и пр. В комитете было рассмотрено новое устройство всех частей управления Сибирью, выработанное М. Сперанским. Существование Сибирского комитета планировалось оставить лишь на время, пока не закончено будет переустройство Сибири. Фактически Сибирский комитет стал специальным государственным органом для рассмотрения законопроектов, касающихся Сибири. В непосредственное подчинение к нему поставлены были генерал-губернаторы Сибири, которые в комитет вносили и свои всеподданнейшие отчеты. В 1838 г. Сибирский комитет был закрыт, а все дела, поступавшие к нему, велено было вносить в Государственный совет и Комитет министров. Вскоре ревизия Западной Сибири, произведенная членом Государственного совета Н.Н. Анненковым, обнаружила, что в Сибири не установилось еще «прочное устройство, вполне соответствующее местным и политическим обстоятельствам того края». В результате этого Сибирский комитет был восстановлен

царским указом от 17 апреля 1852 г. [87]. В Сибирский комитет стали вноситься все дела по Сибири, как законодательные, так и исполнительные, превышавшие власть министров и требовавшие высочайшего разрешения. В Сибирском комитете сосредоточены были все сведения о Сибири, личном составе управления ею, действиях сибирских властей и т.п. В 1864 г., согласно именному указу от 31 декабря 1864 года, Сибирский комитет был присоединен к Комитету министров [88, л. 23].

Для решения межведомственных вопросов созывались совещания министров, которые постепенно оформились в 1802 г. как Комитет министров. «Комитет министров составляют под председательством лица, особенно назначаемого к сему от императорского величества, председатели департаментов Государственного совета, министры, главноуправляющие разными отдельными частями, принадлежащие к общему министерскому устройству... Для заседания в Комитете министров, сверх членов, принадлежащих к оному по самому их званию, могут быть назначаемы посторонние лица, по особому высочайшему усмотрению» [6, с. 31]. Комитет министров рассматривал вопросы управления страной в целом, разрабатывал проекты новых указов, изучал отчеты министров и предложенные ими законопроекты. Решения Комитета министров получали силу после утверждения их императором. Данные законодательные акты назывались «высочайше утвержденное положение Комитета министров». Наряду с Государственным советом, Комитет министров стал еще одним законосовещательным органом Российской империи.

Реформа 1861 создала условия для создания новых органов управления страной, так как государство начало строить свои отношения по пути развития товарно-денежных отношений. В ноябре 1861 г. был создан новый правительственный совещательный орган Совет министров, который рассматривал государственные дела, материалы и отчеты министров и различных ведомств. Председателем Совета министров являлся сам император, ему принадлежало право внесения на рассмотрение любых вопросов.

Государственный совет оставался одним из высших органов управления, который провел в середине XIX века большую работу по рассмотрению проектов законов и подготовке их для утверждения императором. Однако позже его функции перешли к Комитету министров. В период развития товарно-денежных отношений возрастает роль министров различных отраслей. Постепенно происходит отделение судебных органов от административных и возникает огромная армия чиновников, которая постоянно увеличивается. Церковь также теряет свою политическую самостоятельность и превращается в часть

чиновничьего аппарата. Все преобразования высших государственных органов производились непосредственно по «всеподданнейшим докладам».

В начале XX века, в эпоху революционных потрясений, правительство пришло к выводу о необходимости обновления монархии. В 1905 г. Николай II издал манифест о созыве Государственной думы, которая должна была стать совещательным государственным органом. «Государственная дума учреждается для предварительной разработки и обсуждения законодательных предложений, входящих, по силе основных законов, через Государственный совет самодержавной власти» [89, с. 184]. Это был новый шаг на пути превращения феодальной монархии в буржуазную. Другим крупным преобразованием в этот период явилось реорганизация Совета министров и упразднение Комитета министров.

Таким образом, несмотря на разветвленность государственного аппарата и наличие нескольких высших центральных органов управления и участие их в разработке законодательных актов, последнее слово в принятии закона всегда оставалось за императором. Именно он решал: утверждать закон или нет. Все эти изменения и реорганизации государственного управления откладывают отпечаток на характер, содержание, форму и виды законодательных материалов данного периода.

Много материалов обсуждения законодательных предложений и инициатив отложилось в местных учреждениях государственной власти – губернских правлений, канцеляриях губернаторов, генерал-губернаторов, военных губернаторов и т.п. Эти материалы интересны тем, что дают конкретное представление о положении дел отдельных районов, в частности, касающихся территории Казахстана. В пояснительных записках, докладах, переписках местных губернаторов с представителями центральных органов управления многие мысли о необходимости политической, экономической и духовной колонизации края, вопросы землеустройства казахов и переселенцев, земельные отношения, вопросы регулирования конфликтов и т.д. звучат открыто, что нельзя сказать о законах того периода. Например, докладная записка генерал-губернатора Западной Сибири «Об открытии в Киргизской степи внешних округов» со сведениями об отношении к этому киргизов от 6 августа 1830 г., письмо оренбургского генерал-губернатора областному правлению оренбургскими киргизами «О выработке новых положений об управлении киргизами» от 3 июля 1865 г., записка областного управления оренбургскими киргизами в ответ на запрос комиссии, созданной для разработки проекта нового положения об управлении киргизами от 8 августа 1866 г. и т.д.

Много интересных сведений содержат отчеты сенаторских ревизий. Правительство считало, что данные ревизии являются наилучшим способом узнать истинное положение вещей в губерниях и провинциях. Эти ревизии помогали получить сведения о состоянии дел на окраинах, собрать материал для подготавливаемой реформы, ближе познакомиться с деятельностью местных органов управления. Кроме того, сенаторские ревизии были созданы для того, чтобы искоренить существующую волокиту в судебных делах. По некоторым данным, рассмотрение судебных дел в различных инстанциях в ряде случаев продолжалось десятки лет. В результате деятельности этих ревизий отложилось большое количество документов, которые были получены из первых рук, минуя соответствующие канцелярии. Например, материалы, собранные М. Сперанским, легли в основу устава 1822 г., а материалы сенатора Ф. Гирса были использованы при составлении положения 1886 г. Поэтому материалы данных ревизий являются очень важными историческими источниками для выявления сущности проводимой царизмом политики в целом и на окраинах России, в частности. Однако законодательные предложения в таких документах в большей степени ограничены официальными рамками: почти все эти документы возникали в ответ на объявленную правительством программу.

Вторая стадия формирования законодательного акта начиналась с выработки законопроекта и его обсуждения. На этом этапе законодательная инициатива превращалась в законченный проект, который достаточно было утвердить, чтобы придать ему силу закона. Иногда эта процедура продолжалась годами, оставляя огромный дополнительный материал по изучению создания того или иного закона. Составление и обсуждение законодательного проекта осуществлялось соответствующими центральными учреждениями или специально созданными комиссиями и подкомиссиями. Эти материалы, связанные с разработкой проекта закона, можно разделить на следующие группы: а) подготовительные, справочные материалы, необходимые для выяснения тех или иных вопросов; б) журналы, протоколы, стенограммы заседаний различных учреждений и комиссий, которые разрабатывали и обсуждали соответствующий проект закона; в) различные варианты проекта с изложением мнений членов комиссий, центральных учреждений; г) различные записки, предложения; д) проект закона в окончательной редакции с объяснительной к нему запиской. Данные материалы являются одними из основных источников для выявления позиций отдельных социальных групп и изучения исторической обстановки, в которой происходила работа по выработке закона.

Для составления проекта закона требовалась большая подготовительная работа, которая основывалась на тщательном изучении вопроса. Для этого собирался весь фактический материал по интересующему вопросу, производились специальные исследования и запросы, изучались статистические данные, учитывались архивные документы и т.д. Так, например, прежде чем составить и принять положение об образовании Туркестанского генерал-губернаторства, была создана специальная комиссия, которая изучала данный вопрос. Ф.И. Лобысевич об этом пишет так: «Администрация края... командировала в степь особую комиссию для ознакомления со степью и народом и для составления общего положения для всех киргиз. Комиссия эта долго и усердно объезжала степь, изучала быт народа и, пользуясь материалами из всех архивов, составила положение» [9, с. 13].

Составленный таким образом комиссией законопроект с объяснительной запиской отправлялся дальше для обсуждения. Обычными участниками обсуждения были заинтересованные ведомства: министерства, главные управления, департаменты и т.д. Свои отзывы данные учреждения ставили на полях проекта или писали специальные заключения по существу данного закона. Также свои отзывы давали и консультативные учреждения, такие как министерство юстиции, комиссия законов, кодификационный отдел Государственного совета. Оторванные от реальной практической жизни и не обладающие конкретными сведениями по изучаемому вопросу, они часто давали абстрактные заключения, которые соответствовали закону лишь по форме и содержанию. В большинстве случаев обсуждение законопроекта носило закрытый и бюрократический характер.

После получения всех отзывов и заключений проект закона рассматривался вторично центральными органами власти, и на этом этапе предварительное обсуждение заканчивалось. Проект дальше направлялся для дальнейшего обсуждения в высшие инстанции: Комитет министров, Совет министров, Государственный совет, Государственную думу. Однако в отдельных случаях министры не считали необходимым продолжать обсуждение проекта и представляли его непосредственно царю для утверждения. Такие законы выходили в форме именного или объявленного в приказ указа, высочайшего повеления или утвержденного доклада и приобретали юридическую силу.

Комитет министров формально считался административным органом, фактически он выполнял также и законодательные функции, успешно конкурируя с Государственным советом. Обсуждение законодательного документа в Комитете министров освобождало его от обсуждения в

Государственном совете. Поэтому Комитет министров широко использовался в том случае, если надо было провести законопроект в обход Государственного совета. Решения Комитета в виде журналов подавались на утверждение царю, после чего публиковались под названием «положение Комитета министров». Значение Государственного совета возросло после 1906 г., когда ему было предоставлено право санкции законов, одобренных Государственной думой, перед окончательным утверждением царем.

После образования Совета министров, на их заседаниях предварительно обсуждались законопроекты, которые затем выносились на обсуждение в Государственный совет. С 1905 г. полномочия Совета министров усиливаются, и он становится постоянно действующей и влиятельной организацией, противостоящей Государственной думе. Утвержденные царем решения Совета министров в обход Государственной думы и Государственного совета, издавались в виде положений и именных указов.

Одной из последних инстанций для обсуждения проекта закона был Государственный совет. С 1906 г. подготовленный проект закона перед утверждением его царем подлежал одобрению Государственной думы и Государственного совета. Документация, отразившая эту процедуру, помогает полнее представить действительную роль названных учреждений, которые в дореволюционной печати нередко назывались «законодательными палатами». Законопроекты, прошедшие обсуждение в Государственном совете, издавались в форме «высочайших утвержденных мнений Государственного совета». Но в целом «для одной части законов высшие бюрократические организации были инстанцией окончательного обсуждения; другие рассматривались здесь предварительно, до внесения их в законодательные учреждения. Значение этой инстанции, главным образом, в том, что здесь с особенной отчетливостью выявлялись ведомственные точки зрения на вопрос, происходило их окончательное согласование, и вырабатывалась единая платформа всего коллектива министров» [32, с. 356].

Однако в условиях самодержавия и развития бюрократии, многие законопроекты утверждались в обход этих инстанций, непосредственно самим государем. Кроме того, если даже проекты проходили обсуждение в данных учреждениях, они носили в основном формальный характер. «По первоначальному замыслу и по точному смыслу закона, много раз подтвержденного, прохождение через эти учреждения было обязательным для всех законов. Однако даже и такое скромное ограничение законодательного произвола было несущественно в условиях самодержавно-бюрократической монархии... На протяжении всего

периода Совет и Дума были окончательной инстанцией обсуждения только для некоторой, меньшей части законов. Обсуждение их было к тому же ничего не решающим, ни к чему не обязывающим и часто даже совершенно формальным» [32, с. 358-359].

Обсуждение предложенного законодательного материала велось на основе составленного уже проекта. Данные проекты публиковались отдельными изданиями и сохранились в архивных фондах. Например, «Проект положения о Киргизских степях», «Проект положения о второй переписи населения в Степных областях Российской империи», «Проект об устройстве суда в областях Степного генерал-губернаторства», «Проекты земских смет и раскладок по Акмолинской области за 1898 г.» и т.д. Однако составление самого проекта также требовало длительного времени. «Производилось, прежде всего, обстоятельное изучение предмета, которого касался данный закон. Для этого собирались подчас огромные фактические материалы, производились специальные обследования, разрабатывались статистические данные, наводились всевозможные справки у местных властей, устанавливалась по архивным данным вся предшествующая работа правительства в данном направлении и т.д.» [33, с. 341]. Далее от предложений и сбора материала закон превращался в окончательный проект, который достаточно только утвердить, чтобы он принял силу закона.

Третий этап прохождения закона – это утверждение или санкция закона, т.е. придание ему юридической силы, который является одним из главнейших положений официального права. В условиях абсолютной монархии таким правом обладал только император. Об этом исследователь Б.М. Кочаков пишет следующее: «Двухвековое выпячивание царской подписи как важнейшего удостоверительного момента законодательного акта совершенно естественно вытекало из стремления абсолютизма держать в своих руках все нити законодательства» [33, с. 364]. Таким образом, утверждение императора является непременным условием существования закона. Но в XVIII - начале XX века ряд законов утверждался царем не только письменно, но и словесно или же путем надписи («быть по сему», «согласен»). Утверждение закона носило формальный характер, так как все вопросы заранее были согласованы министрами с царем. Не утверждение проекта или его доработка происходила в крайне редких особых случаях.

Прошедший многочисленные инстанции и утвержденный царем, закон направлялся в Сенат для обнародования и только после этого он приобретал общеобязательную силу. Обнародование закона – это последняя стадия принятия закона. «Тексты законов, отпечатанные в типографии Сената, рассылались в центральные и местные органы

государства и непосредственным исполнителям, объявлялись в основном через полицию, при барабанном бое, для населения вывешивались в людных местах. При этом полиция следила, чтобы листы с законами не подвергались порче или уничтожению, привлекали тех, кто вывешивал фальшивые документы» [90, с. 84]. Правительствующий сенат был высшим органом суда и надзора, он также участвовал в разработке законодательных предложений, ему принадлежали функции толкования, обнародования закона и наблюдение за его исполнением. Хотя Сенат обладал правом отказать в опубликовании закона, но на практике такое положение осуществлялось крайне редко, только в чрезвычайных ситуациях. Поэтому момент обнародования можно считать формальностью, не повлиявшей на существо закона.

Основные этапы прохождения закона можно проследить на примере подготовки Стенного положения 1891 года, документы которого хранятся в ЦГА РК. Подготовительная работа по созданию проекта положения заняла длительное время, примерно около десяти лет. В связи с наметившимися территориальными изменениями в 80-х годах XIX века генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский обратился с законодательной инициативой о пересмотре положения по управлению казахским краем. В марте 1883 г. он издал приказ по Степному генерал-губернаторству за №24, в котором было сказано: «Признавая настоятельно необходимым, приступить к пересмотру действующих во вверенном мне генерал-губернаторстве двух проектов положения об управлении в степных областях - отдельного для Семиреченской области и отдельного для Семипалатинской и Акмолинской областей – и к составлению одного общего объединительного положения для всех трех областей, я учреждаю для сего особую комиссию под председательством вице-губернатора Акмолинской области, действительного статского советника Курбановского, из членов от областей: Семиреченской – помощника военного губернатора, коллежского советника Аристова, и от Семипалатинской – вице-губернатора, действительного статского советника Чернавина, от казачьих войск моего особых поручений, сибирского казачьего войска подполковника Усова и от судебного ведомства – Акмолинского областного прокурора, коллежского асессора Константинова» [91, л. 1, 1 об.].

Созданной комиссии предлагалось немедленно приступить к выполнению возлагаемой на нее задачи. Для составления проекта комиссии предоставлялось право входить в непосредственные отношения с губернаторами, областными правлениями и другими государственными учреждениями, которые, в свою очередь, должны безотлагательно исполнять все требования комиссии и доставлять все

необходимые сведения. На имя председателя комиссии по составлению объединительного проекта со всех областей поступали отчеты и рапорты губернаторов с предложениями о внесении тех или иных изменений и поправок. Например, в республиканском архиве сохранилось письмо военного губернатора Семиреченской области, в котором он пишет: «По приказанию главного начальника края Канцелярия имеет честь препроводить при сем к вашему превосходительству рапорты военного губернатора Семиреченской области от 5, 10, 15 декабря минувшего года и 14, 26 и 28 января сего года за №19584, 19918, 20316, 915, 1816, 2010, с приложенными при них записками об управлении Семиреченской областью [92, л. 157].

При составлении проекта положения созданная комиссия руководствовалась общими узаконениями, которые действовали на территории России. Этот факт свидетельствует о том, что в целом новый закон должен был соответствовать общей имперской задаче – полностью подчинить Казахстан российской системе управления и судопроизводства. В данном случае переписка, предложения, протоколы заседаний комиссии по составлению проекта подтверждают данную мысль. В Центральном государственном архиве РК хранятся документы, которые отражают процесс выработки законодательного документа в отношении Степного края. Например: «Дело об учреждении комиссии для пересмотра проектов положения об управлении в областях Степного края» на 190 листах; «Протоколы заседаний комиссии по составлению объединенного проекта положения об управлении в областях Степного генерал-губернаторства» на 81 листе; «Записка об изменении проекта положения об управлении в Степных областях» на 40 листах.

По протоколам заседаний комиссии можно проследить, как изучался и анализировался тот или иной вопрос, каково отношение к нему отдельных участников заседания. В одном из протоколов было записано: «Слушали доклад, составленный членом комиссии коллежского асессора И.В. Селицкого, о местном управлении с изложением в оном мнении из трех записок, препровожденных генерал-губернатором для обсуждения в Комиссию» [93, л. 68]. Кроме того, комиссией было составлено несколько вариантов положения, которые касались различных вопросов по устройству степных областей. Председатель комиссии в декабре 1884 г. по этому поводу писал: «Комиссией составлены и одновременно представлены на благоусмотрение вашего высокопревосходительства следующие положения, относящиеся к устройству администрации, хозяйства и суда, с объяснительными к ним записками» [92, л. 22-23]. Эти материалы показывают нам,

насколько обширной и сложной была предварительная работа по собиранию материалов для выработки нового проекта положения.

В результате подготовительной работы комиссия составила несколько проектов по устройству различных отраслей управления Степным краем. В связи с этим Г.А.Колпаковский обращается к председателю комиссии со следующим предложением: «Ознакомившись с представленными вашим превосходительством в разное время проектами по устройству различных отраслей управления Степным краем, выработанными и состоящими под вашим председательством комиссией, я нахожу, что для выполнения правильного суждения и оценки их целесообразности и удобоприменяемости необходимо рассмотреть их в общей совокупности и одновременно все. А потому предлагаю вашему превосходительству приостановиться дальнейшей высылкою проектов, касающихся только отдельных частей управления Степным краем и представить их на мое рассмотрение тогда уже, когда будут закончены проекты по всем частям управления краем, — исписав на это предварительное мое разрешение по телеграфу» [91, л. 13, 13 об.]. В национальной библиотеке Республики Казахстан хранится «Замечание к проекту положения об управлении в областях Степного генерал-губернаторства», изданное в 1885 году.

Для выработки окончательного проекта положения по управлению Степными областями в январе 1887 г. была создана специальная комиссия под председательством министра внутренних дел В.К.Плеве. «После четырех лет работы по выработке конкретных предложений реформы административного управления и обсуждения их на многочисленных заседаниях специальной комиссии, она, наконец, выработала свой собственный проект, который учел практически все замечания, сделанные как местной колониальной администрацией, так и отдельными министерствами и ведомствами» [94, с. 452].

Еще почти три года продлилась работа над выработкой окончательного проекта положения, и только в мае 1890 г. министр внутренних дел представил окончательный проект вместе с заключениями «заинтересованных ведомств» на рассмотрение Государственного Совета Российской империи. При проекте была объяснительная записка, которая имеет очень большое значение для изучения того или иного вопроса. «В этих записках (они называются также представлениями) обычно рассказывается вся предварительная история вопроса, все предшествующие законодательные попытки в данном направлении, обосновывается необходимость меры, излагаются мнения по проекту заинтересованных ведомств и общественных организаций. Это нечто вроде конспекта документации предыдущих стадий обсуждения

законопроекта, заменяющего ее в случае нужды и, во всяком случае, дающего к ней пути» [32, с. 361].

Для введения закона в действие разработанный проект поступил на рассмотрение в Государственный совет, а затем на утверждение царя. Проект положения об управлении Степного генерал-губернаторства рассматривался в Государственном совете почти год и только 25 марта 1891 г. император подписал мнение Государственного совета «Об устройстве в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областях». В царском указе записано: «Государственный совет в соединенных Департаментах законов, государственной экономики, гражданских и духовных дел и в Общем собрании, рассмотрев представленные министром внутренних дел по делу об устройстве управления и судебной части в степных областях, мнению положил: 1. Проекты: а) Положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, штата управления сих областей, б) штата Канцелярии степного генерал-губернаторства и г) дополнительного штата Оренбургской палаты уголовного и гражданского суда и прокурорского надзора Оренбургской губернии - поднести к высочайшему его императорского величества утверждению и, впоследствии оно, привести в действие с января 1892 г.» [41, с. 383]. Однако вследствие финансовых затруднений, вызванных неурожаем 1891 г., новое положение было введено в действие только 1 октября 1893 г. Всего на осуществление реформы в Степных областях было выделено 857.098 рублей 23 копейки.

Несмотря на то, что новое положение готовилось почти десять лет (а может быть, и вопреки этому), принятое положение сразу же вызвало массу нареканий и замечаний. «В ежегодных «всеподданнейших отчетах» генерал-губернатор Степного края и военные губернаторы областей стали поднимать вопросы коренного пересмотра административно-судебной реформы 1891 г., необходимости увеличения штатов уездных управлений и учреждений в уездах, особых должностей участковых приставов, увеличения сумм канцелярских и разъездных денег» [94, с. 454]. Даже то, что в 1898 г. были приняты временные правила «О применении судебных уставов к Туркестанскому краю и Степным областям», не изменило суть дела и проблема пересмотра положения 1891 г. не была снята с повестки дня. В 1899 г. из состава Степного генерал-губернаторства была выведена Семиреченская область, которая была присоединена к Туркестанскому краю. Это также способствовало тому, что необходимо было внести изменения в действующее положение.

В октябре 1894 г. барон Таубе писал военному губернатору Акмолинской области по поводу положения 1891 г.: «Хотя положение

это введено в край 1 октября т.г., но годичный опыт дал уже указания на недосмотры, допущенные при его составлении и на несоответствие некоторых правил и штатов современным условиям жизни Степного края. Кроме тех фактических указаний, которые, несомненно, имеются в делах областного и уездного управлений вверенной вашему превосходительству области, правильность означенного заключения подтверждается тем обстоятельством, что означенное положение составлялось тому около десяти лет. Эти последние десять лет дали сильный толчок жизни края. Не подлежит сомнению, что с постройкой великой Сибирской дороги недостатки Степного положения еще резче будут отзываться на делах управления. Признав, вследствие сего, целесообразным ныне подвергнуть тщательному пересмотру все положение, не исключая и законоположения о судебной части, я имею честь, покорнейше просить ваше превосходительство, составить для сей цели нынешнею зимою под вашим председательством особую комиссию с приглашением в таковую г. председателя областного суда, областного прокурора, вице-губернатора, советников областного правления и других по вашему усмотрению, а также всех уездных начальников. Выработанные проекты и объяснительные к ним записки представить мне. При этом препровождаю составленные г. председателем Акмолинского областного суда статским советником Ковалевским проект и объяснительную записку о необходимых заменах и дополнениях некоторых статей Степного положения, касающихся судостроительства и судопроизводства» [95, л. 4, 4 об.]. Таким образом, мы видим, что проект нового положения по управлению Степными областями был подготовлен еще в 1894 г. Официально генерал-губернатор Степного края М.А. Таубе поднял вопрос о пересмотре положения 1891 г. перед Министерством внутренних дел в 1899 г.

Вследствие чего была организована работа по пересмотру этого положения, в которой принимала участие практически вся администрация Степных областей. Например, проект положения был обсужден на заседании общего присутствия Тургайского областного правления от 26 октября 1899 г.: «Присланный при предложении г. министра внутренних дел от 26 августа с.г. за №267 проект нового положения об управлении Степных областей, вместе с относящимися к нему объяснением и записками, был подвергнут всестороннему обсуждению в заседании общего присутствия Тургайского областного правления, происходивших 12, 13, 14, 15, 18, 19, 20, 21, 22, 23 и 25 с.г.» [95, л. 306-307]. В архиве сохранилось письмо из канцелярии степного генерал-губернатора, в котором даны некоторые предложения к проекту: «Ваше превосходительство, препровождая проект положения об

управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской с приложениями, предложили мне высказать свое заключение о нем. Вследствие чего считаю долгом заявить следующее: 1) желательно дополнить ст. 35 проекта предоставлением местным начальникам права разбора дел...» [95, л. 192]. Кроме того, сохранились протоколы заседания комиссии по пересмотру Степного положения под председательством военного губернатора А. Карпова.

На основе собранных предложений и замечаний, поступивших от всех заинтересованных ведомств, был выработан проект нового положения. Согласно данному проекту, в земском отделе Министерства внутренних дел началась работа по подготовке проекта нового положения об управлении степными областями. В результате работы было собрано большое количество материалов общественно-политического, социально-экономического и судебно-правового характера. В течение года был подготовлен новый проект реформы по управлению областями Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской. В архиве сохранилось письмо министра внутренних дел степному генерал-губернатору: «Одновременно с сим, согласно высочайшим повелениям и резолюциям, последовавшим по поводу отдельных вопросов, возбужденных во всеподданнейших отчетах вашего высокопревосходительства и военных губернаторов Степных областей, а также в Комитете сибирской железной дороги, министерством подвергнут разработке обширный материал, касающийся административного переустройства Степных областей, реорганизации общественного управления, народного суда, землеустройства кочевников, переходящих к оседлости и податной системы. Результатом означенных работ, обнимающих все отрасли административной и экономической жизни Степных областей, явилась необходимость пересмотра Степного положения, с целью согласования его с современными бытовыми и экономическими условиями края, быстро изменившимися за последние годы, благодаря проведению Сибирской железной дороги и развитию в киргизских степях русской колонизации. Вследствие, сего препровождая к вашему высокопревосходительству: 1) проект положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской со включением Внутренней киргизской орды; 2) объяснения к этому проекту; 3) записку о введении крестьянских установлений в Степных областях; 4) записку о преобразовании киргизского народного суда; 5) записку по вопросу о содействии кочевникам-киргизам к переходу в оседлое состояние... Губернаторам степных областей подвергнуть указанные выше проекты и записки обсуждению с тем, чтобы заключения их по настоящему делу были доставлены в министерство

не позднее 1 ноября текущего года» [95, л. 96-98]. Составленный комиссией законопроект с объяснительной запиской был отпечатан и отправлен для отзыва в соответствующие организации и области. Текст проекта нового положения со всеми приложениями хранится в ЦГА РК. Данный законопроект был одним из последних проектов по реорганизации управления Казахстаном, разработанных в конце XIX - начале XX века. Однако этот законопроект не был претворен в жизнь, так как он не прошел следующей стадии издания закона – его утверждения императором и поэтому он не приобрел силу закона.

Таким образом, из небольшого обзора документальных материалов по подготовке Степного положения 1891 г. видно, что появлению этого закона предшествовала огромная подготовительная работа. В течение десяти лет готовился проект положения, в результате чего остались материалы, которые помогают нам понять причины его появления, отношение различных социальных групп и лиц к тем или иным вопросам законопроекта. «Анализ проектов законодательных основ позволяет вскрыть содержание и смысл основных мероприятий царской администрации в Степном крае, увидеть руководящую линию центральной власти, ошибки и недочеты, которые были допущены в проведении мероприятий, и попытки их устранения» [96, с. 69].

Эта документация требует своего дальнейшего изучения и источниковедческого анализа, который поможет понять исторический источник как единство объективного и субъективного. Данные вспомогательные материалы можно до сих пор выявить в архивах по всем имеющимся законодательным актам царского самодержавия, которые помогут до конца понять и выяснить их суть. В результате анализа подготовительных документов видно, что в их разработке и обсуждении принимали участие только административные лица и царские чиновники. Местное население, для управления которого вводилось положение, не допускалось к обсуждению проектов. В связи с чем проекты составлялись без учета местных особенностей и изменившихся обстоятельств; данный факт вынуждены были признать даже местные чиновники. Так как положение 1891 г. не соответствовало требованиям времени, существующим условиям и вызывало недовольство и протест местного населения, оно постоянно дополнялось различными законодательными документами со стороны царского правительства вплоть до его крушения.

Таким образом, прежде чем получить юридический статус, законопроект проходил несколько стадий своего развития и подготовки: законодательной инициативы, разработка законопроекта, утверждение закона царем и его опубликование. Многие государственные учреждения,

политические деятели, различные социальные группировки принимали участие в его разработке и оказывали на него различное влияние, и только после утверждения проектом царем и его опубликования он получал юридический статус закона. Следовательно, исследование всего комплекса проблем, связанных с происхождением и формированием законодательного источника, его функционированием в конкретной исторической эпохе, позволяет перейти к анализу содержания, оценке информации и источника в целом. «Для того чтобы понять и правильно оценить те или другие акты внутренней политики самодержавия, нужно не только прочесть тот или другой закон, но и изучить те внутренние пружины, которые привели к его появлению, тщательно проанализировать те документальные комплексы, которые соответствуют каждой стадии прохождения закона, ибо на каждой стадии шла упорная борьба общественных сил за выгодное для себя содержание, за формулировку отдельных статей и пунктов закона», - подчеркивал И.Д. Ковальченко [69, с. 93].

Глава 5. ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ

Исторические источники содержат в себе огромную, бесценную информацию о своем времени, о событиях и фактах, происходивших много лет назад. Источник – это сырье, из которого исследователь должен извлечь максимальную информацию о прошлом времени. Известные историки Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос справедливо отмечали, что именно источники создают реальную возможность научного познания прошлого, что без источника нет и не может быть самой истории. «История пишется по документам. Документы – это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей. Лишь очень немногие из человеческих мыслей и поступков оставляют после себя заметные следы; к тому же следы эти редко бывают долговечными: чтобы стереть их достаточно простой случайности. Всякая же мысль и всякий поступок, не оставивший прямого или косвенного следа или видимый след которого исчез, навсегда потерян для истории, как если бы он никогда не существовал. За неимением документов, история обширных периодов прошлого человечества останется навсегда неизвестной. Ничто не может заменить документов: нет их, нет истории» [97, с. 49]. Этим обусловлено внимание, которое уделяется изучению исторических источников и связанных с ними теоретико-методологических и конкретно-научных проблем.

По мере развития исторической науки все актуальнее встает задача повышения информативной отдачи источника. Очевидно, что информационная неисчерпаемость присуща всем историческим источникам. Однако исследователи выделяют некоторые виды источников, в которых заключен особенно большой объем скрытой информации. К ним можно отнести законодательные акты, в которых помимо открытой информации, многие сведения и задачи носят завуалированный, скрытый характер. Это объясняется тем, что цели исследователя и создателя источника не всегда совпадают. Кроме того, царское законодательство не всегда открыто писало о своих истинных целях, многие вопросы и проблемы замалчивались или им придавалась обтекаемая форма. Эта проблема также выдвигает поиск путей и методов повышения информативной отдачи законодательных источников. Поэтому одна из главных задач современных исследователей заключается в том, чтобы извлечь дополнительную, скрытую информацию, которая содержится в источнике. В связи с этим исследователь Б. Ирмуханов писал: «Источники – своеобразное «сырье» для историка, которое он должен

тщательно обработать. Он извлекает из него информацию, оценивает качество, степень достоверности. Историк подобен одновременно золотоискателю и мастеру по драгметаллам» [98, с. 100].

Из общей совокупности законодательных источников, созданных и оставленных конкретными людьми, мы узнаем информацию о прошлой жизни того или иного общества, государства. При работе над источником необходимо уметь ставить вопросы и находить на них ответы. Это не только сложная, но очень ответственная и кропотливая работа. Поэтому ее надо правильно теоретически организовать, выстроить схему научного познания. При работе с историческими источниками важно уметь делать логические заключения о том, что означает сам факт их наличия, уметь воспроизводить на их основе взаимосвязанную картину той культуры, того общества, остатком которой они являются. С давних времен было присуще историкам стремление опереться на достоверные свидетельства источников для воссоздания реальной действительности прошлого. Оно послужило толчком для формирования методов так называемой исторической критики, т.е. системы приемов проверки подлинности и установления достоверности исторических источников.

На основе накопленного теоретического опыта источниковедения в работе над источниками выделяют следующие основные этапы: 1) внутренняя критика, т.е. выявление всей информации, которая содержится в источнике, оценка его сохранности и подлинности; 2) внешняя критика, т.е. прочтение и установление истинного смысла текста, его происхождение. По мнению Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос, внешняя критика является всего лишь подготовительной, низшей стадией: «Прежде всего, рассматривают документ. Сохранился ли он в своем первоначальном виде? Не искажен ли он? Исследуется, как он был воспроизведен, чтобы в случае надобности восстановить его первоначальное содержание и установить его происхождение. Эта первая группа предварительных исследований, относящихся до внешности письма, языка, форм, источников и т.д., составляет особую область внешней критики или критики подготовительной» [97, с. 84]. Внутренняя же критика рассматривается ими как высшая форма критики, которая должна определить степень достоверности данных, содержащихся в источнике. «Далее, – они выделяют, – идет внутренняя критика: она ведется путем умозаключений по аналогии, заимствованных большей частью из психологии и имеющих целью воспроизвести душевные состояния, пережившие автором документа. Зная то, что автор сказал в написанном им документе, задаются вопросом: 1) что он хотел сказать; 2) думал ли он то, что говорил; 3) имел ли он

основание так думать? В этом последнем случае документ становится предметом наблюдения или научных процессов, обязательных для каждой объективной науки, а, следовательно, и метод его изучения должен быть такой же, как и метод объективных наук. Каждый документ представляет ценность равно постольку, поскольку его можно свести, изучив предварительно его генезис, на степень хорошо сделанного наблюдения. Из всего вышесказанного вытекают два вывода: крайняя сложность и абсолютная необходимость исторической критики» [97, с. 84].

Таким образом, внутренняя критика предполагает изучение содержания источника для того, чтобы установить соответствие приводимых в нем данных исторической действительности, возможности их использования в научных целях. Главной задачей внутренней критики исторического источника является выявление истинного смысла его содержания. Внешняя критика призвана выяснить происхождение источника. Следовательно, в результате внешней и внутренней критики источников устанавливается степень достоверности и соответствия приводимых в них сведений реальным историческим событиям. Здесь следует отметить, что Ш. Лауглау и Ш. Сеньобос, кроме внешней и внутренней критики, выделяли еще и предварительный этап работы с источниками – это отыскание и сбор документов, необходимых историку. Для обозначения этого этапа авторы применили термин «эвристика». Основное содержание эвристики заключается в том, чтобы выявить и взять на учет все источники по определенной проблематике. Естественно, по нашему мнению, это также важный и необходимый этап работы с источниками, особенно это касается массовых источников, к которым относятся и законодательные акты.

О необходимости внутренней и внешней критики источника, об их взаимной связи в ходе исследования подчеркивали в своих исследованиях И.Д. Ковальченко, А.П. Пронштейн, О.М. Медушевская и другие.

В ходе исторической критики выделяется следующая структура источниковедческого исследования источника, которая имеет свою определенную логическую последовательность изложения и структуру. В зависимости от того, какие стороны источника представляют наибольшие сложности для изучения, последовательность этапов источниковедческого исследования может несколько меняться. Как отмечал И.Д. Ковальченко: «Разный характер и состояние источников, неодинаковая степень их источниковедческой изученности и практического использования обусловили то, что применительно к конкретным источникам на первый план выдвигаются те или иные задачи и аспекты анализа» [69, с. 15].

Рассмотрим более подробно основные этапы источниковедческого исследования законодательных актов. На первом этапе работы необходимо выяснить исторические условия возникновения законодательных источников, определить, какие факты и обстоятельства этому предшествовали и способствовали. Исследователь должен выяснить, что имеющийся документ действительно возник в определенном месте и в определенное время. Выяснение времени появления источника очень важно, т.к. от этого во многом зависит как оценка самого источника, так и сведения, которые в нем содержатся. Так, при изучении того или иного законодательного акта надо знать время его окончательного утверждения, публикации и введения в действие. Выяснение исторических условий появления источника требует детального изучения эпохи, среды, условий, при которых он возник. Например, законодательные акты не могут быть изучены и объяснены без учета интересов государства и правительства, которые они отражали, выяснения круга учреждений и лиц, принимавших участие в их составлении, целей, которые преследовались при их издании.

Следующий этап работы над источником заключается в установлении авторства. Установление авторства необходимо не только для выяснения имени лица, написавшего источник, или установления учреждения, организации, принимавших участие в его составлении. Оно нужно для определения происхождения источника, социальной среды его возникновения, установления места и времени создания памятника, более глубокого и всестороннего исследования его содержания. Особенность законодательных актов заключается в том, что они были написаны целым коллективом авторов различных царских чиновников, свои коррективы в них вносили представители различных правящих кругов. Большую роль в подготовке законов играли законодательные органы царской России: Правительствующий сенат, Кабинет министров, Сибирский комитет, Государственный совет, Государственная дума. В процессе разработки закона участвовали многочисленные царские чиновники и административные лица, каждый из которых вносил свои коррективы в тот или иной документ. Поэтому законодательные акты как исторический источник имеют целый коллектив авторов.

Далее необходимо установить подлинность документа. Полнота, точность, достоверность передачи событий для исторического исследования имеют огромное значение, так как именно от этого зависит научный конечный результат. При анализе учитываются как внешние его особенности (материал текста, чернила, иллюстрации), так и хронологические сведения, данные языка и стиля, структура,

упоминаемые в источнике сведения о событиях, лицах, организациях, учреждениях и т.д. Законодательные источники XVIII - начала XX века в своем большинстве сохранились в подлинниках или копиях, хранящихся в архивах, либо опубликованы в официальных периодических изданиях, таких как ПСЗ РИ, Свод законов РИ, Сборник законов и распоряжения правительства РИ, которые сами являются на сегодняшний день историческими источниками.

Следующий этап работы с источником – это прочтение и изучение текста, его публикация, выяснение его дальнейшей судьбы. Для законодательных материалов переработки, дополнения, сокращения могут быть неоднократными. Кроме этого важно выяснить, какие этапы прошел законодательный документ, прежде чем стать законом (более подробно данный вопрос описывается в предыдущей главе). Установить последовательность работы над законопроектом, влияние тех или иных причин на изменение отдельных его положений можно лишь при выделении отдельных этапов работы, зафиксированных в предварительных материалах. Данная работа с законодательными материалами представляет собой очень ценную информацию, которая позволяет повысить эффективность изучения отдельно взятого законодательного акта.

Для правильного прочтения и понимания текста необходимо выяснить особенности языкового и литературно-юридического стиля законодательных актов. Изучение текста источника, а также его публикаций или воспроизведений имеют целью критическое прочтение того сообщения, которое хотел передать автор произведения, делая это осознанно и целенаправленно. Такая исследовательская деятельность имеет важное, в том числе и прикладное, практическое значение. Об этом в свое время писал С.А. Когляревский: «Юрист должен в известных стадиях своей работы неизбежно обращаться в психолога, способного расшифровать условный язык законодательства и постигнуть смысл, вложенный сюда авторами» [19, с. 5]. Данное его высказывание применимо для любого исследователя, который изучает законодательство. Изучая различные варианты текста, можно попытаться уловить более полно истинный замысел создателей источника, проследить, как происходило осуществление того или иного законодательного документа в жизнь, как он изменялся в связи с новыми теми или иными обстоятельствами. Каждое новое издание (переиздание) источника имеет самостоятельный интерес (например, Свод законов Российской империи переиздавался несколько раз), поскольку данный факт отражает степень использования источника в социальной практике, позволяет лучше понять, в какой связи

актуализировалось его содержание, как относились к этому произведению различные слои общества, читатели новых поколений.

Одним из основных этапов исторического исследования является интерпретация источника. Главная задача интерпретации источника заключается в том, чтобы попытаться установить тот смысл, который вкладывал в произведение его автор. «Сама работа по интерпретации обнаруживает глубокий замысел - преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста, чтобы поставить его на один с ним уровень и таким образом включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель» [70].

Следующий этап работы с источником, связанный с его внутренней критикой, основан на изучении содержания источника и требует установления его соответствия исторической действительности, определения научного значения. При анализе содержания источника важно обратить внимание на полноту имеющихся в нем сведений и степень их точности и достоверности, необходимо знать, насколько полно в этих материалах выражается как фактическая сторона, так и суть этих событий.

Опираясь на результаты проведенного исследования конкретного законодательного источника, исследователь обобщает свою работу, подводит итоги, т.е. проводит источниковедческий синтез. Данный метод имеет своей целью воссоздать источник как историческое явление. Главное внимание на данном этапе сосредоточено на том, чтобы обобщить свое исследование, показать связь документа с окружающим его миром и действительностью, раскрыть его значение. Аргументированная оценка значения источника дает обоснование для практических рекомендаций о возможностях его научно-практического использования. Это могут быть рекомендации по собиранию соответствующих источников, экспертизе ценности источников, по их использованию в научно-исследовательской и другой работе.

Таким образом, в результате поэтапного исследования над законодательными источниками главным является получение всей полноты содержащейся в них информации. Далее, на основе полученной информации исследователь дает оценку полноты полученной информации, критически ее перерабатывает, т.е. раскрывает все возможности источника. В конечном итоге, на основе проведенной работы исследователь делает определенные выводы, создает свою гипотезу исторического развития, дает рекомендации для дальнейшего использования источника.

Используя различные методы и приемы, можно восстановить и изучить законодательные материалы как явление культуры своего

времени, раскрыть их типологию и специфику, значение, показать особенности эпохи, в которой они принимались и функционировали. Законодательные материалы как исторический источник занимают важное место в жизни любого государства и поэтому требуют к себе особого внимания. Главная цель источниковедческого анализа заключается в том, чтобы установить информационные возможности законодательных актов (полнота, достоверность и новизна данных) и объективно оценить их значение для истории. Основными методами изучения законодательных актов являются: объективность, исторический метод, совокупное, комплексное использование документов, сравнительный анализ, статистический метод, грамматическое толкования и другие. Все эти методы логически связаны между собой и составляют единую систему исследования. Как выше было отмечено, источниковедческий анализ проводится поэтапно, последовательно, и на каждом этапе решается своя исследовательская задача, достигается своя познавательная цель.

Одним из основных методов при исследовании законодательного источника необходимо использовать объективный метод. Именно этот метод позволяет получить достоверные, обоснованные знания об исторических событиях прошлого. С данным методом непосредственно связан и другой важный принцип. При изучении законодательных актов очень важно использовать метод исторического толкования или историзма, главная цель которого заключается в том, чтобы выяснить вопросы происхождения закона, причины и условия его появления. Данный метод помогает ответить на вопросы: что конкретно законодатель хотел изменить в обществе, но текстом закона прямо не выразил; почему был принят тот или иной закон; какие обстоятельства способствовали его появлению? Тем более этот метод важен при изучении законодательства дореволюционного периода, когда законы просто издавались, но их смысл не объяснялся. Многие законодательные акты, в особенности в отношении покоренных народов, носили завуалированный характер. Историческое толкование закона ставит перед собой следующие цели: «1) выяснение отражения в юридических законах объективных исторических и экономических законов развития общества; 2) исследование причин и соображений, которые были положены в основу закона в данный конкретный исторический момент; 3) установление истинного смысла закона, целей, которые преследовал законодатель, издавая тот или иной акт» [99, с. 342].

Царские законы в значительной мере отражают основные этапы общественно-политического и социально-экономического развития не только самой метрополии, но и ее колоний. Изучение этих законов

показывает, какими средствами царское правительство обеспечивало себе сверхприбыли (с первых дней присоединения Казахстан рассматривался как источник сырья для российского развивающегося капитализма), как осуществлялось завоевание присоединенных территорий. Российские законы раскрывают истинную суть политики самодержавия в отношении «иноземцев», их закабаления, отнятия земель, переселенческой политики, политики русификации, христианизации и в конечном итоге потери независимости казахским народом.

Таким образом, «чтобы изучить правительственную политику не как простую сумму юридических актов, продиктованных какими-либо случайными мотивами, нужно устанавливать их связь с объективными процессами развития общества» [99, с. 342]. Следовательно, для выяснения истинного смысла законодательного документа для историка очень важно установить его связь с конкретными историческими условиями. Главное надо выяснить основания, мотивы и обстоятельства, которые вызвали появление закона и тех соображений, которые были положены в его основу.

Важнейшей задачей источниковедческого анализа законодательных актов является изучение их в совокупности, взаимной связи и взаимодействия. Каждый исторический источник дает нам один или несколько фактов, характеризующих явления лишь с определенных сторон. Данный метод приобретает особое значение при изучении именно материалов законодательства, так как в их состав входят документы, различные по форме, происхождению и содержанию. Прежде чем получить юридический статус, законодательный документ проходит несколько этапов: законодательный почин или инициатива; разработка и утверждение законопроекта, его утверждение или санкция и, наконец, обнародование закона. В структуре источника все они находятся во взаимосвязи. Поэтому только совокупное изучение документов и всех этапов, охвативших стадии процесса формирования законодательного акта, позволяет с достаточной полнотой раскрыть причины его появления, социальный характер, определить место и значение данного акта в системе законодательства в целом или по отдельному периоду, или отдельному вопросу. «Для того чтобы правильно понять, оценить те или другие акты внутренней политики самодержавия, нужно не только прочесть тот или иной закон, но и изучить те внутренние пружины, которые привели к его появлению, тщательно проанализировать те документальные комплексы, которые соответствуют каждой стадии прохождения закона, ибо на каждой стадии шла упорная борьба общественных сил за выгодное для себя содержание, за формулировку отдельных статей и пунктов закона», - подчеркивал исследователь И.А. Федосов [100, с. 93].

Важно исследовать не только сам законодательный документ, но и различные варианты, возникающие в ходе его разработки. Необходимо выяснить, какие материалы были положены в основу того или иного документа, почему именно они использовались при составлении законодательного акта, что было из них взято целиком, а что изменено, переработано. Именно подготовительные материалы помогают раскрыть такие стороны законодательного акта, которые нельзя установить, если ограничиться только изучением содержания закона. О необходимости использовать весь комплекс материалов, связанных с принятием закона отмечал Л.М. Дамешек: «Изучение этого комплекса источников позволяет заключить, что учет и использование нормативных актов для решения поставленных задач, безусловно, необходимо. Следует, однако, иметь в виду, что сами законы подчас не позволяют выявить причины их происхождения, характер обсуждения законопроектов в высших правительственных инстанциях. Они фиксируют лишь конечный результат этой деятельности и не выявляют различные тенденции в правительственной политике. Некоторые законы не точно отражают фактическое положение вещей. В силу царившей в системе царского делопроизводства бюрократии и волокиты правовые акты разрабатывались длительное время и опубликование их уже не отвечало требованиям времени. Некоторые законы или их отдельные положения никогда не были претворены в жизнь. В силу указанных обстоятельств необходима проверка и дополнение нормативных источников другими, в первую очередь архивными материалами» [101, с. 21].

Сведения, собранные из всей совокупности различных источников, позволяют определить место и значение отдельных источников в ряду других, выявить связь между источниками, сопоставить источники по степени достоверности и точности. Необходимо совокупное и комплексное изучение законодательных актов по большим периодам, вырывать отдельные законодательные акты из общей массы и изучать их отдельно ни в коем случае нельзя. Этим обусловлено использование в работе значительного объема законодательных документов Российской империи за относительно большой период с XVIII века до начала XX века.

Из других методов, применяемых при исследовании и анализе материалов законодательства, особо следует обратить внимание на метод грамматического толкования законодательного документа и изучения литературно-юридических форм его изложения. Метод грамматического толкования имеет первостепенное значение для изучения законодательного акта, так как это особо юридически

оформленный акт. Чтобы суметь правильно прочитать его, необходимо учесть временное, литературное и юридическое значение слов, а также знать специфику примененных в тексте тех или иных понятий. «Законодательный документ, как исторический источник, занимает очень важное место и требует к себе особого внимания. При изучении законодательных памятников историк должен уметь толковать или интерпретировать закон. Средства толкования и методы его весьма разнообразны. Главнейшими являются историческое и грамматическое толкование», – отмечал И.Д. Ковальченко [69, с. 341].

Законодательные акты Российской империи XVIII - начала XX веков относятся к памятникам деловой письменности. Деловая письменность своей целью предусматривает ведение административно-управленческой деятельности государства и регулирование правовых отношений между людьми. Выяснение особенностей форм, характерных для такого вида источников, является одним из необходимых условий полного изучения законодательных документов как исторического источника.

При грамматическом толковании текста важную роль играет установление значения отдельных слов и понятий. Например, сравнить понятия «закон», «преступление», «преступное деяние» и т.д. для различных периодов. «В характеризующих источниках часто применялись слова и выражения, вовсе не отражавшие реальную действительность. Поэтому, изучая формы изложения текста закона, историк должен раскрыть действительные мысли законодательной власти. Он должен выяснить, в каком смысле нужно понимать те или иные положения, слова, понятия» [100, с. 108]. Данный метод позволяет определить смысл употребляемого слова или понятия, какие предметы и явления реальной жизни они охватывают. Иногда в тексте трудно найти значение того или иного слова, тогда необходимо обратиться к сопоставлению источников или к справочно-юридической литературе. Если закон употребляет слова, которые сейчас не распространены или со временем изменился их смысл, то нужно брать за основу то значение, которое данное слово имело в свое время. Грамматическое толкование законов необходимо еще и потому, что иногда в официальных изданиях встречаются опечатки и ошибки. Выправить их возможно путем сверки опубликованного текста с архивными материалами или с предыдущими и последующими официальными изданиями. Литературно-юридические формы изложения законодательного акта также имеют свои особенности. В начале XVIII века под влиянием социально-политических и культурных изменений из состава литературного жанра постепенно начинает выделяться деловой

жанр. При Петре I делопроизводство значительно расширилось и пополнилось новыми формами деловой письменности, которая характеризуется многими заимствованиями из иностранного языка, появились новые конструкции текста, не характерные для разговорной речи.

Законодательные акты являются одним из важнейших источников, на основе которых можно проследить изменения и особенности развития языкового стиля деловой письменности. Совершенствование формы и регламентации документов привели к языковым и стилистическим изменениям в законодательных источниках. Общие стилевые черты текстов деловой письменности, в частности законодательных документов, формировались на основании таких особенностей, как стремление к точности, доступности изложения фактов действительности. В XVIII веке деловая письменность приобрела уже статус самостоятельности, однако окончательное оформление документа по всем правилам лингвистического воспроизведения завершается к середине XIX века.

В законодательных актах XVIII - XIX веков встречается много устаревших слов, вышедших из обихода употребления. Например, *своекоштный*, т.е. находящийся на собственном содержании; *ассессор* – должность заседателя в казенных палатах; *сукурс* – помощь, поддержка; *наипаче* – более всего; *купно* – вместо, совокупно; *туне* – напрасно и т.д. В отличие от них законодательные акты второй половины XIX - начала XX века содержат меньше устаревших слов, что, в свою очередь, намного облегчает чтение закона. Кроме того, даже внешний облик слов, стоящих рядом или употребляемых в одном тексте XVIII - XIX веков, бывает различным: *единь и одинь*, *градь и город*, *злато и золото* и т.д.

В петровскую эпоху для текстов деловой письменности, в целом, и для законодательных документов, в частности, было характерно огромное заимствование иностранных слов. Например, в законодательных текстах часто встречаются слова иностранного происхождения: *император*, *провинция*, *губернатор*, *министр*, *ассессор*, *протокол*, *резолуция*, *Синод*, *Сенат*, *Камерц-Коллегия* и др. Исследователь Н.А. Смирнов в образной форме говорил о новых лексических заимствованиях, которые были связаны с коренными изменениями в административно-правовой жизни русского общества в первой половине XVIII века. Он пишет: «Хотя прежние дьяки, околыничьи, воеводы влачат свое существование..., но рядом с ними теперь в новой столице являются и новые люди, которым присваиваются и новые чины, взятые с иностранного. Так, появляются теперь «администратор, актариус, ассессор, аудитор, губернатор, инспектор, камергер, канцлер, министр,

полицмейстер и другие более или менее важные особы, во главе которых стоит сам император» [102, с. 4]. Большинство данных новых слов, вошедших в русский язык в те годы, остались в нем до настоящего времени.

В текстах XVIII века встречается различное написание слов. «Вероятно, авторы или переводчики в одних случаях следовали традиционному принципу, т.е. писали новое слово так, как видели его в книгах, в других – фонетическому, т.е. сохраняли в письменных текстах особенности своего произношения (аканье, оканье, чоканье и т.п.)» [103, с. 145]. Например, в тексте именного указа, данного Екатериной II уфимскому губернатору Пеутлингу, можно встретить следующие слова: «*Мы, находя, что удожлетвореніе **такоговаго** желанія ихъ послужить какъ для пользы дѣл нашихъ, такъ и способствовать может къ установленію между сими народами **лучшаго** устройства...*» [104].

Для деловых текстов (писем, рескриптов, грамот) начала XVIII века характерно обращение автора, в котором использованы слова с большой эмоциональной окраской. Например, читаем в выписке из письма Абулхаир хана императрице: «*Пресветлейшая и державнейшая и всемилостивейшая великая императрица и самодержица всероссійская. Вашего императорского величества раб киргиз-кайсацкой орды хан Абулхаир всенижайшее доносит...*».

Специальным царским указом было закреплено письменное оформление использования титулов в деловых документах. Указ от 27 февраля 1741 года «Форма о титулах ее императорского величества в грамотах, докладах, челобитных и договорах» [105] определял, в каких документах какой титул употреблять. Так, в грамотах иностранным государствам после слов «*Божією Милостію. МЫ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, Императрица и Самодержица Всероссійская*» шло пространное перечисление земель, которыми она повелевает, а в грамотах внутри государства титул был кратким. Например, в именном указе, данном оренбургскому губернатору Рейнсдорпу от 27 января 1771 г., написано: «*Божією Милостію. МЫ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.*».

В документах XVIII века реквизит «автор» отделялся от текста и обычно указывался дважды: в подписи при написании должности и в начале текста вслед за обозначением адресата. Адресат указывался в строке над текстом. Например, в царской грамоте от 19 сентября 1738 года мы видим, что перед текстом стоит адресат, т.е. кому обращен этот документ: «*Нашего Императорскаго Величества подданному киргиз-кайсацкому Абулхаирь-хану и сыну его Нурали салтану и старшинам и всему киргиз-кайсацкому войску наша Императорская*

милость». Дату писали либо в начале, либо в конце текста или же под текстом с левой стороны. Например, в данном документе дата стоит в конце текста: «*Данъ в Санктъ-Петербургъ, сентября 19 дня 1738 году*».

После выхода в свет «Российской грамматики» М.В. Ломоносова в середине XVIII века складывается единая морфологическая система современного русского языка. Поэтому в текстах XIX века почти нет слов, требующих комментариев для современного читателя. Данное обстоятельство позволяет исследователю безболезненно работать с текстами этого периода. Постепенно в тексте деловой письменности появляются новые канцеляризмы и конструкции, нехарактерные для живой разговорной речи, как *вышеозначенный, вышеупомянутый, как выше объявлено*. Например, «*По вышеупомянутому сообщению, об отдаче рыбных промыслов...*». Их появление способствовало дифференциации стилей русского языка и выделению, прежде всего, деловой письменности.

В законодательных документах исследуемого периода преобладают современные формы и конструкции языка: окончание – *ами (-ями)* в творительном падеже множественного числа (*доношениями, соглашениями*); инфинитив, оканчивающийся на *-ть* (*требовать, отпустить, не вывозить*) вместо устарелой формы на *-ти* и т.д. Среди служебных слов широко стали использоваться русские союзы и союзные слова: *что, ежели, как*. В целом морфологические особенности данных текстов представляют собой оформленную систему русского языка.

В текстах законодательных документов XVIII века наблюдается значительное количество подчинительных конструкций, употребление придаточных с союзами и союзными словами *что, когда, ежели, дабы* и т.п. Например, «*...дабы съ открытія ярмарки не было чинимо Киргизъ-Кайсакамъ никакихъ притъсненій*». Сам текст законодательных актов этого периода очень длинный, в нем описываются все сведения, объяснения и размышления по тому или иному вопросу. Одно предложение законодательного документа растянуто на 2-3 страницы. Такая постановка текста затрудняет чтение и осмысление документа. Вместе с тем в текстах деловой письменности XVIII века появляется новая форма синтаксической связи, как пояснение, для выражения которого используется союзы: *а именно, то есть*. В текстах деловой письменности данного периода часто встречаются обособленные сочетания с предложениями *кроме, сверх*.

В целом деловой текст к концу XVIII века уже характеризуется четкостью изложения мысли, совершенствованием форм и синтаксических конструкций, особенностями, которые намечают пути становления и развития делового стиля современного русского языка. «Законодательное регулирование эволюции делопроизводственной документации в

XVIII веке идёт по пути объективно и стихийно развивающейся тенденции отхода от повествовательности, стремления к однопредметности содержания, целого образа структуры документа, дела и делопроизводства в целом» [106, с. 76]. Попытки формализации документа – характерная черта делопроизводства XVIII века, которая нашла свое окончательное завершение в XIX веке.

XIX век характеризуется возвышением роли деловой письменности, так как именно в это время появляются первые публикации источников права: Полное собрание законов РИ, Свод законов РИ, Свод узаконений и распоряжений правительства. Деловые тексты данного периода отличают строгая нормированность стиля. Однако указы, манифесты, положения продолжают сохранять этикетные формулы, сопровождающие титулы высокопоставленных лиц, их поступки, действия и т.д., наименования административно-правовых аппаратов, документов. Например: *Г о с у д а р ь И м п е р а т о р ь, рассмотревъ журналы его, В ы с о ч а й ш е повелѣть соизволи; для исполнения сей В ы с о ч а й ш е й воли; Генераль-Лейтенантъ Князь Горчаковъ, обзорѣль лично спорные мѣста въ заливной степи; на В ы с о ч а й ш е е Его Императорского Величества благоусмотрѣние; В ы с о ч а й ш е утвержденое положение Комитета Министров.* Как видно из текста документов, при написании использовалась своеобразная графика, особая форма печатания – разреженный и увеличенный шрифт. В правописании, характерном для XIX века, в конце слова употребляется буква «Ъ», буква «ять» применяется в середине слова вместо буквы «Е», в орфографии этого периода используется буква «І». Старая орфография просуществовала до 1917 года, когда соответственно декрету Советской власти «О введении нового правописания» она была заменена на новую [107]. Этикетные формулы данного периода также отличаются от делового текста предыдущего периода. Этикетные формулы XIX века уже реже сопровождают само лицо, они чаще относятся к его действиям: *Высочайше повелѣть соизволил, Высочайше утвердить соизволил.* Кроме того, они стали менее распространенными. С развитием государственного аппарата управления, в качестве субъекта действий в документах чаще стали употребляться наименования административно-правовых учреждений: Правительствующий Сенат, Комитет министров, Сибирский комитет, Департамент юстиции и т.д.

Необходимо отметить четкий и своеобразный порядок расположения слов в предложениях законодательной письменности данного периода, который отличается от порядка слов в художественном, научном или разговорном тексте. В текстах, на смену сложным, запутанным и длинным предложениям, появились простые и сложно-

подчиненные предложения, характерные для синтаксической системы современного русского языка. Порядок слов и словосочетаний в законодательных документах конца XVIII – начала XX века почти не отличается от прямого порядка слов в современном языке.

Во второй половине XIX века появляется четкая структура текстов деловых бумаг, подобная структуре современных документов с определенными штампами. Например, в тексте четко выделяется следующая структура: *слушали, положить, написано, подписали, приказали*. Например, «По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Правительствующий Сенат *слушали...* Высочайше соизволил *повелеть...* **Приказали:** *объ означенномъ Высочайшем повелѣніи, для надлежащаго по оному исполненія, всѣхъ Г.г. Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, Генерал-Губернаторовъ и Начальниковъ губерній Сибирскаго края уведомить указами... передать копию съ опредѣленія и публиковать въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ. Августъ 7 дня 1854 года» [108, л. 378]. Это свидетельствует о полном выделении делового стиля из ряда других, обладающего своеобразной структурной композицией, штампами, канцеляризмами, формами слов и синтаксическими конструкциями.*

Как отмечает филолог Е.Г. Ковалевская: «К началу XIX в. произошли изменения в области лексико-синтаксических средств. В литературе перестают употребляться архаические союзы, давно исчезнувшие из живой речи: *зане, понеже, поелику* и т.п.» [109, с. 214]. В целом для литературно-грамматических форм изложения законодательного акта XIX века характерна дальнейшая его демократизация. Исчезла дублетность в формах различных падежей, нет намеренной архаизации, произошло упрощение некоторых этикетных формул, форм слов, словосочетаний. Появилась четкость в структуре предложений, выделилась строгая композиция делового текста. В целом делопроизводство и законодательные акты, в частности, подверглись значительному изменению и по форме, и по содержанию. Именно в этот период закладываются основы современного языкового стиля делового письма, которые получили свое дальнейшее совершенствование в XX веке.

Материалы законодательства – источник массовый. Поэтому к нему, как к любому массовому источнику, применим статистический метод, т.е. метод группировок законодательных актов по видам, периодам, отдельным проблемам и т.д. Преимущество статистического метода состоит в том, что, характеризуя количественную сторону явления, он помогает полнее представить присущую им закономерность, масштабность проводимой царским самодержавием политики и ее эволюцию. «Что может быть объективнее и беспристрастнее статистики

законов – простого подсчета того, что само правительство постановляет, совершенно независимо от всяких соображений о расхождении между словом и делом, постановлением и исполнением и т.п.» [110, с. 423]. В ходе работы над темой автором было выявлено, систематизировано и классифицировано более двух тысяч законодательных источников, многие из которых впервые введены в научный оборот, составлен хронологический указатель документов [76].

Кроме того, объективность статистического метода заключается и в том, что анализу подвергается будничное законодательство. «Статистический метод, как известно, может быть действенным лишь в том случае, если анализу подлежит большое количество объектов, т.е. он может функционировать на больших «пространствах... Чтобы вычленив причину какого-то события, надо освободить его от всего лишнего, случайного, наносного, а этого можно добиться в результате анализа массы однородных событий и вычленения из них общего начала. Статистика позволяет вскрыть однообразие в массе социальных явлений, после чего уже оказывается возможным установить причину», – подчеркивает исследователь Л.А. Маркова [111, с. 25]. Статистический метод позволяет законодательные акты сгруппировать по их социальному назначению, т.е. выяснить вопрос, для какой социальной группы и в чьих интересах они издавались. Анализ законодательных актов Российской империи, касающихся истории Казахстана, показал, что все акты издавались в интересах колониальной политики царизма: расширению земель, приобретении дешевой рабочей силы, расширении сфер экономического влияния, распространении российского законодательства на территории края, внедрении российской системы административного управления и т.д. «Преимущество статистического метода состоит в том, что, характеризуя количественную сторону явления, он помогает полнее представить его закономерность, в данном случае классовую направленность царского самодержавия, его эволюцию под воздействием изменений в социально-экономическом и политическом развитии страны» [31, с. 43].

Применим к материалам законодательства и метод сравнительного анализа, широко используемый при изучении других видов исторических источников. Анализ законодательных актов по одному и тому же вопросу, но изданных в разное время, позволяет проследить изменение политики самодержавия, направление его эволюции в связи с изменением исторических условий. Для изучения законодательного документа необходимо выяснить все, что касается его происхождения: установить автора, время, место издания, подлинность. Также исследователь должен показать условия и причины появления закона, его природу, сущность, раскрыть преследовавшиеся им цели. Для

этого соответствующий законодательный документ и содержащиеся в нем сведения нужно рассматривать в неразрывной связи со всеми условиями жизни изучаемого периода и сопоставить его с другими источниками и фактами. Исследователь путем сравнения текстов должен определять, под влиянием каких условий и в чьих интересах был изменен изданный ранее закон; в какой мере новый вариант сохранил прежние правовые нормы. «Сравнение проекта с окончательно утвержденным законом, анализ прений по вопросу о тексте закона, дают историку ряд новых важных сведений, представляют возможность для вывода о том, почему законодатель остановился на той или иной правовой норме, применил то или иное выражение, чего он хотел этим достигнуть и какие именно случаи он имел в виду предусмотреть или, наоборот, не предусмотреть» [99, с. 343]. Следовательно, для выяснения подлинности, сути и природы законодательного акта сравнительный метод изучения имеет первостепенное значение.

Комплексное использование различных методов и приемов источниковедческого исследования позволяет представить исследуемый законодательный источник как явление культуры изучаемой эпохи. Для того чтобы выявить и раскрыть научную значимость исторической информации, содержащейся в законодательных актах, необходимо использовать следующие основные методы и приемы их изучения: объективность, историзм, сравнительный анализ, совокупное, комплексное использование источников, статистический метод, метод грамматического анализа. Данные методы проводятся поэтапно, учитывая особенности законодательных документов исследуемого периода, этапы их возникновения и прохождения. Суть методологического исследования заключается в раскрытии критики происхождения, уровня достоверности законодательных актов Российской империи как исторического источника, который основывается на его внутреннюю и внешнюю критику. Источниковедческий анализ позволяет раскрыть и показать особенности и значение изучения законодательных актов для истории нашего государства. Применение статистического метода позволяет классифицировать законодательные акты России по истории Казахстана по хронологии, основным видам, по периодам правления тех или иных русских монархов, а также социально-экономическим, политическим, территориальным и т.д. проблемам. Таким образом, применение различных методов и приемов изучения и анализа законодательных материалов позволяют получить всю содержащуюся в них информацию, расширить возможности их использования в дальнейших исторических исследованиях.

Глава 6.
КЛАССИФИКАЦИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ПО ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

В источниковедении познавательным средством для осмысления всего многообразия исторических источников является их классификация. На важность и необходимость проведения классификации источников обращали внимание известные ученые Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос. По этому поводу они писали: «Каждый, изучающий какой бы то ни было исторический вопрос, обязан предварительно классифицировать источники. Приведение в порядок рациональным и вместе с тем удобным способом проверенных материалов, прежде чем ими пользоваться, составляют очень важную часть профессии историка, хотя она и кажется на первый взгляд не имеющей особого значения. Тот, кто умеет хорошо классифицировать источник, владеет важным преимуществом, а именно: избегает лишнего труда и достигает лучших результатов, между тем как другие тратят попусту время и старания, а иногда и прямо чувствуют себя подавленными под тяжестью ими же самими накопленными в беспорядке заметок, выписок, копий и т.д. Они, как кто-то сказал, напоминают тех обремененных делами людей, которые всю жизнь переносят с места на место песчаник, не зная где его класть, и подымают, делая это, целые облака ослепляющей пыли» [97, с. 112]. Главная задача, на которую направлена классификация, заключается в организации и систематизации всего имеющегося материала и документов для проведения дальнейшего исследования.

Вопросам классификации исторических источников посвящен ряд работ известных историков: И. Ковальченко, М. Тихомирова, О. Медушевской, М. Абусеитовой, К. Атабаева и других. Однако исследователями до сих пор не разработаны классификационные схемы разделения источников на роды, виды и группы. Поэтому классификацию можно производить в каждом конкретном случае, исходя из задач, поставленных исследователем, и из всего комплекса находящихся в его распоряжении источников, их объема, разновидностей и других особенностей.

Количество выявленных законодательных источников увеличивается с каждым днем, что создает определенную трудность для научного исследования. Именно проведение классификации источников помогает понять их истинную суть, выявить их закономерности, особенности. В связи с такой постановкой вопроса хотелось бы охарактеризовать основные виды законодательных актов Российской империи по

истории Казахстана, которые помогают раскрыть суть и содержание официальной политики, проводимой самодержавием в отношении казахского края.

В дореволюционной России разновидностей законодательных актов было огромное множество: манифесты, положения, указы, рескрипты, правила, инструкции и др. О необходимости систематизировать российское законодательство в свое время писал М.М. Виновер: «Предмет законов вообще суть внешних деяний человека в обществе. По разнообразию сих деяний законы должны быть весьма много различны. Первый вопрос в законодательстве есть, найти в сей многосложности некоторый постоянный порядок, чтобы избежать смешения» [7, с. 5]. Но четкого понятия наименований законодательных актов, разграничения их содержания в тот период не существовало. Исследователь С.И. Антонова пишет: «Казалось бы, что каждому из этих актов должна была бы соответствовать специфическая форма, определяемая содержанием и назначением документа. Однако вследствие не разработанности четких понятий наименования законодательных актов часто не совпадали с тем значением, которое им придавалось правительством» [31, с. 4].

Неразграниченность законодательных актов соответствовала духу самодержавия, где главным было правило: «всякое повеление царя есть закон». Для всех видов законодательных актов России периода XVIII - начала XX века общим является то, что все они были санкционированы царем. Вопрос о критериях понятия закона, как особой юридической формы законодательного акта, не имел существенного значения для царского правительства. «За полтора столетия были изданы десятки тысяч манифестов, указов, регламентов, уставов, трактатов, инструкций и других законодательных актов. Они закрепляли существующие порядки, вносили в них изменения и дополнения, противоречили друг другу и создавали невообразимую путаницу, которая открывала неограниченные возможности для волокиты, взяточничества и произвола чиновников административных и судебных учреждений» [69, с. 186].

Само понятие закона имело собирательное значение и было равнозначно понятию законодательные акты. Об этом четко написано в Своде законов Российской империи в VIII главе «О законах»: «Законы издаются в виде уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов, мнений Государственного Совета и докладов, удостоенных высочайшего утверждения» [112]. Таким образом, данная статья Свода подтверждает тот факт, что любой законодательный акт в период абсолютной монархии, утвержденный царем, считался законом.

Данную классификацию законодательных актов дореволюционной России возьмем за основу, так как в Полное собрание законов Российской империи, подготовленное М. Сперанским, вошли именно эти разновидности законодательных актов. Эту мысль подтверждают известные российские исследователи исторических источников И.Н. Данилевский, О.М. Медушевская: «Однако при этом необходимо учитывать, что на практике историки чаще всего относят к законодательным актам второй половины XVII - начала XX вв. то, что было отобрано в качестве законодательных актов составителями Полного собрания законов Российской империи» [70, с. 343].

Рассмотрим основные виды законодательных актов, которые встречаются в Полном собрании законов Российской империи, на материалах, касающихся истории Казахстана. Одним из видов законодательных источников по истории XVIII - XIX веков были *инструкции*. Она выдавалась определенному официальному лицу или государственному органу с разъяснением по конкретному вопросу и применения соответственно действующим законодательным нормам. Всего выявлено на данный период 8 инструкций, выданных различным царским чиновникам, по вопросам урегулирования отношений с казахами, о приведении их в российское подданство и для изучения казахских земель. Это следующие документы: инструкция от Государственной коллегии иностранных дел переводчику восточных языков Мегмету Тевкелеву, направленному в Киргиз-Кайсацкую орду «Для приведения оной в подданство России»; инструкция статскому советнику Ивану Кирилову, отправленному для постройки города при устье реки Орь «О распоряжениях по устройству и населению сего города и по отношениям с окрестными народами»; секретная инструкция статскому советнику Кирилову «О взаимоотношениях с башкирами, киргизами, Джунгарией и Хивой»; инструкция начальнику Оренбургской комиссии И. Неплюеву «О взаимоотношениях с ханом Среднего жуза Абулмамбетом»; инструкция, данная Тевкелеву «О порядке исполнения им поручений по возвращению им башкир из Киргизской степи»; инструкция генерал-поручику Шпрингеру, отправленному в Сибирь для принятия начальства над тамошними линиями «Об основании крепости в удобном месте на реке Бухтарме, впадающей в Иртыш, для воспрепятствования входа из озера Зайсан по реке Иртышу неприятельским судам и для торгова с Бухарою и Индией»; извлечение из высочайшей инструкции, Оренбургскому военному губернатору вникнуть в суть беспорядков»; инструкция генерал-губернатору Западной Сибири Н.Г. Казнакову «О порядке рассмотрения дел в отношении киргизов, нарушивших законы империи» [76].

Одним из распространенных видов законодательных актов для XVIII - начала XIX веков были *грамоты*. Грамоты лично выдавались государем на чье-либо имя по различным вопросам. Стиль грамот отличался напыщенностью, грамоты выдавались «с великой императорской милостью» и доверительностью. Грамоты обычно начинались словами: «Нашего императорского величества подданному... наша императорская милость и благоволение...». Всего было выявлено 46 грамот, касающихся истории Казахстана. Среди них: жалованная грамота, выданная императрицей Анной Иоанновной старшинам Киргиз-Кайсацкой орды Эбулхаир-хану и всему войску «О принятии их в Российское подданство»; обвестительная грамота Средней Киргиз-Кайсацкой орды к султанам, старшинам и всему народу «Об утверждении Валия султана ханом сей орды и о построении мечети для богослужения сего народа на границах, прилегающих к кочевьям средней Киргиз-Кайсацкой орды»; жалованная грамота Меньшой Киргиз-Кайсацкой орды старшине Суфрубиона тарханское достоинство; грамота, данная султанам Большой орды «О принятии их в подданство России» [76] и др.

Рескрипт, или *письменный ответ* – также одна из форм существования законодательного акта как исторического источника исследуемого периода. Это акт монарха, адресованный определенному должностному лицу или учреждению. Через рескрипты на должностные лица возлагались определенные поручения, объявлялись благодарности за службу, назначались награды и т.д. По истории Казахстана было выявлено 13 рескриптов. Среди них можно привести пример следующих: рескрипт генерал-майору оренбургскому губернатору Рейнсдорпу «О происшествиях среди калмыцкого народа и о взаимоотношениях их с киргизами»; рескрипт Екатерины II «О нападении киргизов на военные крепости»; письменный ответ Екатерины II на письмо О.А. Игельstroma «Об учреждении Расправ в Малой орде, о ханской власти и прочее»; высочайший рескрипт «Об обложении кочевых и бродячих инородцев новою податью и об учреждении для сего комиссий в Западной и Восточной Сибири» [76] и др.

Одним из видов законодательных актов изучаемого периода были *регламенты*. Это были законодательные акты учредительного характера, определяющие организацию, состав, компетенцию и регулирующие деятельность государственных учреждений. По содержанию они близки к уставам. Поэтому следующий документ так и называется в ПСЗ РИ регламент или устав «О сборе пошлин при Оренбургской и Троицкой крепости» [76].

Одно из наиболее важных и значимых мест среди законодательных актов того времени принадлежало *манифестам*. Манифестом называется

торжественный акт царя, в котором он объявлял о своих правах и намерениях. Кроме того, манифесты издавались в связи с важнейшими событиями в политической жизни государства. По своему содержанию манифесты можно разделить на две группы: 1) манифесты, которые возвели о восшествии на престол очередного государя, в которых иногда провозглашалась программа царствования; 2) манифесты с обращением к народу в связи с какими-то крупными политическими событиями. Например, изменения в структуре органов власти и управления, объявление состояния войны или мира, мощные антифеодальные и противоправительственные выступления и т.д. Манифесты использовались царизмом тогда, когда оно вынуждено было обращаться непосредственно к народу или с обещаниями реформ, или с призывами поддержать проводимую ту или иную политику. Поэтому стиль манифеста отличался необычайной напыщенностью и помпезностью. Текст манифеста начинался словами: «Мы, божью милостью, царь...». Заканчивался манифест всегда подписью царя. Они печатались массовым для того времени тиражом, публиковались в газетах, объявлялись всему населению в церквях и других людных местах. Манифесты принимались по важнейшим политическим событиям страны, следовательно, по истории Казахстана в отдельности такой формы законодательных актов не было выявлено. Однако для представления полной картины деятельности царского самодержавия они играют большую роль, так как Казахстан являлся частью Российского государства. В качестве примера можно привести Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», который вводил новые законодательные нормы относительно управления Российского государства» [113, л. 4-5].

Наиболее многочисленную группу законодательных актов периода XVIII - начала XX века составляют *указы*. Указы принимались по самым различным вопросам, и они регулировали почти все сферы государственной и общественной жизни государства. На эту особенность указов в свое время указывал Н.М. Коркунов: «Указ есть общее правило, устанавливаемое в порядке управления. Указ отличается от закона отсутствием законодательной формы: от других актов управления – тем, что им устанавливается не частное распоряжение, а общее правило. Из этого определения указа само собой явствует, что содержание указов может быть самое разнообразное. Достаточно, чтобы было общее правило, все равно какое. Указы могут относиться ко всему тому, что составляет предмет деятельности государственного управления» [18, с. 227].

Выделяют следующие виды указов: именные, объявленные из Сената или сенатские из других государственных органов. Можно

выделить группу указов, которые устанавливали новые юридические нормы, т.е. нормативные указы. Другая группа указов распространяла ранее введенные правовые нормы на новые районы и сословия, конкретизируя осуществление и применение первых. Некоторые указы сопровождался текстом докладов, на основании которых был принят данный указ, на котором была царская резолюция: «Быть по сему» или «Исполнить».

Именные указы исходили непосредственно от императора, адресованные какому-либо официальному лицу или государственному учреждению и направлялись в Сенат для непосредственного исполнения. Именных указов, касающихся изучения казахского края, распространения торговли с ним и различных других мер относительно Казахстана, только в Полном собрании законов Российской империи насчитывается 301, а всего за весь исследуемый период было выявлено 367 именных указов. Именные указы были характерны для всего исследуемого периода, что показывает их универсальность. Иногда именные указы сопровождался текстами доклада или записками разных министров. Разнообразие решаемых задач, вопросов, круг лиц, которым выдавались именные указы, можно увидеть из следующих примеров: именной указ, данный Сенату «Об укреплении и населении крепости Ямышевской; о сделании мира с Контайшею и заведении купечества с ним»; именной указ, данный из кабинета ее величества тайному советнику Татищеву «Об учреждении с киргизами и другими народами торговли для обмена у них верблюжьей шерсти»; именной указ, данный из Кабинета ее величества тайному советнику Татищеву «О распространении торговли России с киргиз-кайсаками; об определении в Оренбург двух киргизских старшин, для прекращения ссор между приезжающими туда купцами, и о принятии в российское подданство хана Большой киргиз-кайсацкой орды Юлборуса»; именной указ, данный правящему должность генерал-губернатора уфимского и симбирского генерал-поручику Апухтину «Об обеспечении порядка в Малой орде и об учреждении пограничного суда в Оренбурге»; именной, объявленный оренбургскому военному губернатору «Об отставке киргиз-кайсацкой Меньшой орды хана Айчувака и об избрании на место его старшего сына» [76] и другие.

Правительствующий сенат являлся высшим органом суда и надзора, он участвовал в разработке законодательных предложений, за ним сохранялось право толкования законов, их обнародование и наблюдение за их исполнением. Указ, объявленный из Сената, был также распоряжением государя, на основании которого Сенат составлял текст указа для обнародования. Сенатские указы посылались из самого

Сената и касались применения царских распоряжений в области государственного управления и законодательства. Такие указы начинались так: «Правительствующий сенат слушали доношение (рапорт, предложения, доклад) министра...», а заканчивался следующими словами: «государь император..., высочайше повелеть соизволил». Среди сенатских указов, посвященных истории Казахстана, можно назвать следующие: «О клеймении рогатого скота и лошадей, вымениваемых на Сибирской линии у киргиз-кайсаков»; «О переводе губернского управления из города Оренбурга в город Уфу»; «О заселении Мангышлакского полуострова близ Тюп-Караганского залива»; «О продолжении срока действия положения об управлении Оренбургскими киргизами»; «Об учреждении в Киргизской степи Сибирского ведомства по Заилийскому тракту, почтового пикетного сообщения от Капальского укрепления до укрепления Верное» [76] и многие другие.

Много указов от имени императорского величества были изданы государственными коллегиями, в частности Коллегией иностранных дел, Военной коллегией, Берг-коллегией. В документе так и указывалось «указ его императорского величества из Государственной коллегии...». Например, указ Коллегии иностранных дел «О подарках киргизскому посольству» или указ из Берг-коллегии «О дозволении отыскивать в Оренбургской губернии руду, краски и камни на казенных и частных землях и учреждать заводы беспрепятственно, по сношению с местным начальством» [76].

Одной из распространенных форм законодательных актов исследуемого периода были *положения*. Положение – это совокупность правил, которые определяли устройство, права и обязанности государственных и других организаций и учреждений, обязанности должностных лиц, устройство быта отдельных сословий и групп населения. Всего за исследуемый период было выявлено 28 положений. Например, высочайше утвержденное положение «Об управлении оренбургскими киргизами»; высочайше утвержденное положение «Об управлении Семипалатинской области» [76] и др.

Кроме того, встречаются положения Государственного совета, Комитета министров, Сибирского комитета или других государственных органов власти, обязательно утвержденных царем. В XIX - начале XX в. часто издавались положения об усиленной и чрезвычайной охране, об управлении каким-либо краем, об устройстве различных учреждений, о порядке взимания налогов с населения, об открытии новых округов и т.д. Форма таких законодательных документов следующая: «Слушана записка министра ... Комитет полагал: представление сие

утвердить. Государь император на положение Комитета высочайше соизволил». Далее следовал сопроводительный текст. Иногда такие документы носили краткую форму: «Государь император на положение Комитета министров в ... день, высочайше повелеть соизволил». Например: «О дозволении Петропавловской и Семипалатинской таможням продавать гербовую бумагу»; «О правах магометанских семейств на почетное гражданство»; «О порядке отвода земель под пчеловодство в Западной Сибири»; «О дозволении по киргизскому питейному откупу принимать в залог каменные дома и об открытии в Атбасарской станции продажи питей»; «О временных мерах к устройству постоянной повинности в г. Уральске»; «Об отнесении должности советника пограничного управления сибирскими киргизами ко 2 степени третьего разряда пенсионных окладов»; «О продолжении дарованной кочующим в Астраханской губернии калмыкам и киргизам льготы в безденежном пользовании солью для собственного их продовольствия» и т.д. [76].

Форма утвержденных положений Сибирского комитета также начиналась словами: «В заседании ... слушано представление ...» и заканчивалось так: «В ... день журнал о сем комитете удостоен высочайшего рассмотрения». Можно привести пример положений, касающихся истории Казахстана, высочайше утвержденных Сибирским комитетом: «О порядке взимания ясака с сибирских киргизов в Каркаралинском и Кокчетавском округах»; «О распространении на сибирских киргизов положения 22 июня 1837 г., коим определено судить сибирских кочевых инородцев за преступления и проступки в русских городах и селениях, учиненные на основании общих законов»; «Об управлении Алатавским округом, который составляют киргизы Большой орды, кочующие в юго-восточных частях Киргизской степи Сибирского ведомства». «О порядке суждения сибирских киргизов за нарушение таможенных правил», «О торгах на отдачу в акцизно-откупное с 1859-1863 гг. содержание продажи вина и других питей во внешних округах областей Семипалатинской и Сибирских киргизов», «О правилах касательно переселения в Киргизскую степь крестьян за не платеж податных недоимок», «Об учреждении почтовых отделений в укреплениях Верном и Акмолинском» и другие [76].

Наряду с Комитетом министров в России с 1861 г. действовал и Совет министров. Его функции и обязанности во многом были похожи с функциями Комитета министров, поэтому он собирался очень редко. С 1905 г. роль Совета министров в государстве возрастает. С этого времени все законодательные предложения министров, главноуправлений, а также особых совещаний, комитетов и комиссий не могли вноситься

в Государственную думу и Государственный совет без предварительного рассмотрения в Совете министров. Кроме того, в перерыве между сессиями Государственных дум Совет министров представлял законопроекты царю непосредственно. Такие положения утверждались непосредственно Советом министров. Здесь можно привести ряд положений, касающихся устройства казахских земель, утвержденных непосредственно Советом министров. Например, высочайше утвержденные положения Совета министров: «Об установлении одинаковых сроков переучета кибиток кочевого населения в Семиреченской и трех коренных областей Туркестанского края»; «О предоставлении туркестанскому генерал-губернатору права передавать на рассмотрение состоящего при нем Совета вопросы по общему управлению Семиреченской и Закаспийской областями»; «О введении в городе Аклюбинске Тургайской области упрощенного городского общественного управления, а в городе Ново-Николаевске Томской губернии и Павлодаре Семипалатинской области городского управления в полном объеме» [76] и т.д.

Уставами назывались законодательные акты, изданные для определенного ведомства или для регулирования определенной отрасли права и управления. Как писал М. Сперанский: «Уставами называется у нас тот род законов, коими устанавливается порядок какой-либо особенной части управления» [4, с. 87]. Например, это хорошо всем известный устав 1822 года «О сибирских киргизах», который вводил новое административно-территориальное управление в Казахстане на территории Среднего жуза. Всего выявлено было 12 уставов [76], касающихся истории Казахстана по исследуемому периоду. Также положения по управлению и регулированию некоторых отраслей Казахстана содержатся в общих уставах о торговле, о промышленности, в таможенных, горных уставах.

Кроме того, законодательные акты имели форму «*Высочайше утвержденного мнения Государственного совета*». В Государственном совете, образованном в 1810 г., была сосредоточена вся законодательная деятельность отдельных ведомств, в нем рассматривались все законодательные документы перед представлением их на утверждение царю. Государственный совет был последней инстанцией обсуждения законопроекта. Такой документ начинался словами: «Государственный совет в департаменте законов (экономики, финансов и т.д.) и в общем собрании, рассмотрев... (определенный вопрос), мнением положил:... Резолюция. Его императорское величество воспоследовавшее мнение в общем собрании Государственного совета ... (по данному вопросу), высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить». Иногда

император ставил свою резолюцию так: «Быть по сему». Затем следовала подпись государственного секретаря. Законодательные акты под таким названием регулировали правовые отношения во всех отраслях: об управлении краем, об изменении системы денежных сборов, о разграничении земель и т.д. Наибольшее количество законодательных документов приходится именно на этот вид законодательных документов. Например, по истории Казахстана можно назвать следующие утвержденные мнения Государственного совета: «О передаче управления киргизской Сыр-Дарьинской линии из ведомства Министерства иностранных дел в ведение военного ведомства»; «Об изменении системы денежных сборов с киргиз Внутренней орды»; «О временном усилении личного состава судного отделения Акмолинского областного правления» [76] и другие.

Одним из видов законодательных актов данного периода являются *правила*, утвержденные государем. Правила определяли основные направления деятельности местной администрации, давали руководство относительно переселения некоторых сословий, определяли правила относительно отдельных отраслей производства и т.д. Правил, определявших устройство и руководство казахским краем, за исследуемый период было выявлено 20. Среди них можно назвать следующие высочайше утвержденные правила: «Об устройстве Оренбургской линии»; «О производстве частного золотого промысла в Киргизской степи Оренбургского ведомства» [76] и др.

Исследуя законодательные акты России по истории Казахстана, можно выделить такую разновидность законодательства, как *высочайшее повеление* царя, данное конкретным официальным лицам по различным вопросам управления края. Например: «О вооружении таможенной стражи в Туркестанском крае и таможенных досмотрщиков»; «О преобразовании в областном управлении Сыр-Дарьинской области»; «О преобразовании военно-судной части в войсках Туркестанского военного округа» [76] и т.д.

Первые попытки отделить закон от других законодательных актов осуществились лишь в период первой русской революции. Юридическим основанием для этого послужил манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного устройства». В нем отмечалось, что ни один закон не может иметь силу без одобрения Государственной думы. Следовательно, юридическим основанием понятия закона, согласно манифесту 17 октября, должно было служить одобрение законодательного акта Государственной думой. Далее последовал ряд манифестов, обосновывающих понятие закона. В конечном итоге, все эти новшества нашли отражение в

Своде основных государственных законов, опубликованном 23 апреля 1906 г. В них было записано: «Никакой закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения государя императора» [31, с. 7]. Такие законы так и назывались «*Высочайше утвержденный и одобренный Государственным советом и Государственной думой закон*». Эти нововведения мы наблюдаем на примере законов, принятых в отношении Казахстана, помещенных в третье издание ПСЗ РИ. По своему значению такие законы делились на две группы. Одни давали распоряжения по вопросам административного управления. Например, высочайше утвержденный и одобренный Государственным советом и Государственной думой закон «О переименовании должностей военного губернатора Акмолинской и Семипалатинской областей». Другие законы затрагивали социальные проблемы, как аграрный, налоговый, рабочий и т.д. Например, высочайше утвержденный и одобренный Государственным советом и Государственной думой закон «Об изменении существующего в городе Иргиз таксы сборов со скота, продаваемого на ярмарке» [76].

Фактически разновидностей законодательных актов было гораздо больше. И их соотношение постоянно менялось, что видно из таблиц, приведенных ниже. Кроме вышеперечисленных видов законодательных актов, применяемых в Российской империи исследуемого периода, можно встретить и высочайше утвержденные доклады, рапорты, листы, наставления, записки и пр. В данных документах шел текст доклада записки или рапорта того или иного должностного лица, в конце которых было отмечено государем: «Резолюция. Быть по сему». Например, высочайше утвержденный рапорт Сената «О вызове из сибирских городов в крепости на Иртыше и Тобольской линии художников и мастеровых людей»; высочайше утвержденный доклад Военной коллегии «Об учреждении кордонной стражи против киргиз-кайсаков»; высочайше утвержденная записка управляющего военным министром «Об отправлении военной экспедиции в киргизскую степь для понуждения киргиз к вознаграждению за разграбленные караваны и для учинения исследований по оказавшимся в степи приискам свинца и разных других минералов»; высочайше утвержденный лист по положению Сибирского комитета «О свободе сибирских киргиз от рекрутства» [76].

В целом можно отметить, что для периода абсолютной монархии любой утвержденный или одобренный государем документ считался законодательным актом. Их многообразие было обусловлено закономерностями общественного развития, отсутствием четкого

определения понятия закона, некомпетентностью многих царских чиновников, сложностью структуры государственных органов управления России, длительностью и сложностью процесса присоединения Казахстана к России. В отношении присоединенного Казахстана были приняты все виды законодательных источников Российской империи от грамот, инструкций, рескриптов до высочайше утвержденных и одобренных Советом и Думой законов.

Законодательных актов Российской империи, регламентирующих общественно-политические и социально-экономические отношения на территории присоединенного Казахстана, царским правительством было принято достаточно много. В одном только в Полном собрании законов Российской империи насчитывается более полутора тысяч (не учтены законодательные документы по истории казачества). Отдельные законодательные материалы по истории Казахстана были опубликованы в советский период и продолжают частично публиковаться. На сегодняшний день автором выявлено в результате работы в архивах и библиотеках городов Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Алматы, Павлодара более двух тысяч законодательных актов, которые непосредственно связаны с историей Казахстана исследуемого периода (пока нельзя говорить об окончательной цифре, так как эта работа еще продолжается).

Путем составления различных таблиц и применения статистического метода можно получить дополнительную информацию из законодательных источников. Для полного анализа российского законодательства, принятого в отношении казахского края, была проведена классификация и систематизация законодательных актов Российской империи, составлены таблицы по хронологии, их основным видам, периодам правления русских монархов, количественному признаку, социальной и тематической направленности.

В таблице №1 приведены количественные данные источников: сколько и какие разновидности законодательных актов в отношении Казахстана были приняты в периоды правления тех или иных монархов Российской империи. Из таблицы видно, что в XVIII веке в периоды правления Анны Иоанновны (1730-1740 гг.), Елизаветы (1741-1761 гг.), Екатерины II (1762-1796 гг.) принимались в основном именные и сенатские указы, грамоты, рескрипты, инструкции. Всего в общей сложности в отношении Казахстана было подписано 46 грамот, 13 рескриптов, 8 инструкций. Со второй половины XVIII века почти до конца XIX века наиболее распространенной формой законодательных актов был именной указ. Из общего количества законодательных актов исследуемого периода их насчитывается 367. Данное положение

дел было характерно и для периода правления Павла I (1796-1801 гг.) и Александра I (1801-1825 гг.). Анализ данных таблицы №1 показывает, что постепенно к середине XIX века исчезают из употребления грамоты, инструкции, рескрипты, регламенты. Со второй половины XIX века все большее значение приобретают положения, правила и утвержденные мнения Государственного совета, утвержденные положения Комитета министров, Сибирского комитета, Военного совета. Для периода правления Александра I (1801-1825 гг.), Николая I (1825-1855 гг.), Александра II (1855-1881 гг.) характерно принятие почти всех видов законодательных актов в отношении Казахстана. Усиление роли Государственного совета, Комитета министров способствовало тому, что наибольшее количество законодательных документов в XIX веке по Казахстану было принято этими государственными органами.

По количественному признаку выделяются высочайше утвержденные мнения Государственного совета, их насчитывается в общей сложности 481 документ, далее следуют высочайше утвержденные мнения Комитета министров – 234 документа. Появление в 1821 году Сибирского комитета, который регулировал все вопросы, связанные с управлением Сибирского края (область Сибирских киргизов), способствовало тому, что в середине XIX века было принято 142 высочайше утвержденных положений Сибирского комитета в отношении казахского края. В конце XIX века усиливается значение формы законодательных актов как высочайшее повеление. В отношении Казахстана было принято 75 таких документов. Усовершенствование системы законодательства приводит к тому, что с конца XIX века в период правления Николая II (1894-1917 гг.) все большее значение приобретают законы, в прямом смысле этого слова, и те законодательные документы, которые проходили утверждение в официальных государственных органах. Таких видов законов, касающихся истории Казахстана, было выявлено 75.

Если обратить внимание на количественную характеристику, то самое большое количество (561 документ) было принято в период правления Николая II (1894-1917 гг.). Далее можно выделить период правления Александра II (1885-1881 гг.), когда было принято 448 законодательных документов. Рост царского законотворчества объясняется тем, что это был один из переломных моментов в истории Казахстана, когда шло завершение внедрения административно-территориальных реформ и укрепления колониальной политики царизма на территории края. Именно в этот период принимаются основные положения, регулирующие все направления деятельности жизни Казахстана. Всего за исследуемый период в отношении

Казахстана было принято 48 положений и правил, что также объясняется сложной исторической обстановкой, связанной с введением очередных административно-территориальных реформ. На период правления Николая I (1825-1855 гг.) приходится 396 законодательных документов, что связано с открытием внешних округов, усилением военного вторжения на территорию южного Казахстана. В период правления Александра III (1881-1894 гг.) было принято 268 законодательных актов, что также подтверждает факт усиленного и активного вмешательства в жизнь казахского общества.

В целом можно отметить, что именные и сенатские указы были характерны для всех периодов правления русских монархов. В XIX веке наиболее распространенной формой становятся законодательные акты, принятые официальными органами царской администрации. В этот же период появляются положения и правила, которые четко определяли основные направления деятельности и устройство, права и обязанности государственных и местных органов и учреждений. Этот факт говорит о том, что в XIX веке окончательно закрепляется колониальное положение Казахстана в составе России.

Таблица №2 показывает: количество различных видов законодательных актов Российской империи по периодам (XVIII в., XIX в., нач. XX в.), принятых в отношении Казахстана. Данные таблицы №2 подтверждают выводы, сделанные по таблице №1. Для периода XVIII века наиболее распространенным видом законодательных актов России были именные и сенатские указы, грамоты, высочайше утвержденные указы Коллегии иностранных дел и Военной коллегии. Конечно, наибольшее количество законодательных актов было издано в XIX веке. Их количество, соответственно, составляет 1313 законодательных документов. Для этого периода было характерно издание самых различных видов законодательных актов, начиная с грамот и заканчивая утвержденными и одобренными законами. Большая роль в определении законодательства в этот период принадлежит таким официальным органам, как Государственный совет, Комитет министров, Совет министров. Именно поэтому наиболее распространенными видами законодательных актов в этот период стали положения и мнения, утвержденные этими органами.

Таблица 1. Характеристика законодательных актов по периодам правления русских монархов XVIII – начала XX века

	Всего	Именные указы	Сенатские указы	Регламент и уставы	Грамоты	Рескрипт Инструкц.	Положен. Правила	Указы Воен. кол	Указы Кол. ин. дел	ВУПС	ВУПСК	ВУПКМ	ВУМГС	ВУПСМ	Выс. повел	ВУОТС и ГД закон	ВУ доклады	ВУПС <small>ж/д</small>	Другие
Петр I (1672-1725)	5	4	1																
Екатерина I (1725-1727)	-																		
Петр II (1727-1730)	1	1																	
Анна Иоанновна (1730-1740)	37	10	5		11	И-3			1										7
Елизавета (1741-1761)	145	13	42	Р-1	17	Р-1 И-2		18	39								1		11
Петр III (январь-июнь 1762)	4		2						2										
Екатерина II (1762-1796)	127	46	19		15	Р-7 И-1		2	26								9		2
Павел I (1796-1801)	28	22	1			Р-1											2		2
Александр I (1801-1825)	69	28	12	У-2	3	Р-1 И-1	Пр-2				7	5	1				3		4
Николай I (1825-1855)	396	102	44	У-1		Р-2	Пр-1 Пол-10			7	67	96	51	1					14
Александр II (1855-1881)	448	72	40	У-5		И-1	Пр-3 Пол-10			73	75	65	96	1			3		4
Александр III (1881-1894)	268	6				Р-1	Пр-2 Пол-6			42		20	152	37			1	1	
Николай II (1894-1917)	561	63	3	У-3			Пр-12 Пол-2			77		46	177	29	35	96		16	2
Всего	2089	367	169	12	46	21	48	20	68	199	142	234	481	29	75	96	19	17	46

В период работы Сибирского комитета издавались законодательные документы, изданные этим органом. Следует отметить, что такие виды законодательных актов, как грамоты, рескрипты, инструкции, постепенно отходят на второй план. К концу века они полностью были вытеснены другими видами, такими, как положения, правила и различные утвержденные официальными государственными органами документы, что свидетельствует о совершенствовании аппарата государственных органов самой России.

Таблица 2. Видовая характеристика законодательных документов по хронологии

Наименование документа	XVIII век	XIX век	Начало XX века	Итого
Именные указы	95	212	60	367
Сенатские указы	70	97	2	169
Инструкции	6	2		8
Грамоты	43	3		46
Уставы или регламенты	1	9	2	12
Рескрипты	8	5		13
Утвержденные указы Коллегии иностранных дел	68			68
Утвержденные указы Военной коллегии	20			20
Утвержденные доклады	11	8		19
Правила		10	10	20
Положения		27	1	28
Утвержденные положения Военного совета		128	71	199
Утвержденные положения Сибирского комитета		142		142
Утвержденные мнения Государственного совета		386	95	481
Утвержденное положение Комитета министров		206	28	234
Утвержденное положение Совета министров			29	29
Утвержденные и одобренные законы			96	96
Высочайшие повеления		48	27	75
Высочайше утвержденное положение Комитета Сибирской ж/д		8	9	17
Другие виды документов, не вошедшие в данный перечень	22	22	2	46
ИТОГО	344	1313	432	2089

В связи с изменившимся статусом Казахстана в составе России стали приниматься положения и правила, которые полностью определяли устройство, права и обязанности государственных и других организаций и учреждений, обязанности должностных лиц, устройство быта отдельных сословий и групп населения. Со второй половины XIX века в связи с активизацией военного продвижения на юг Казахстана, ростом народного недовольства, подъемом революционной активности масс возрастает значение утвержденных положений Военного совета. В конце XIX века одной из распространенных форм стали высочайшие повеления, которые были адресованы непосредственно определенным официальным лицам. С усилением роли Совета министров после 1905 г. стали приниматься утвержденные положения Совета министров. В начале XX века с появлением Государственной думы появляются такие формы законодательных актов, как высочайше утвержденные и одобренные Государственным советом и Государственной думой законы. За данный период было опубликовано 96 законов. Таким образом, из выше приведенных таблиц наглядно видно, что на протяжении XVIII - начала XX века постепенно, под влиянием изменения государственных органов Российской империи, изменялись и совершенствовались виды законодательных документов. Естественно, эти изменения наложили определенный отпечаток на принятие тех или иных видов законодательных актов, касающихся управления Казахстаном.

Наибольшее количество законодательных актов, используемых в работе, было извлечено из ПСЗ РИ, поэтому следующая таблица №3 показывает группировку законодательных документов по видам и их количеству по томам всех трех изданий. Из таблицы видно, что материалы по истории Казахстана имеются почти во всех томах данного издания. Первый документ, касающийся истории Казахстана, датируется 1714 г., а последний за 1914 год. Всего из ПСЗ РИ было извлечено 1731 документ по истории Казахстана. Эти данные позволяют рассматривать это издание как один из основных законодательных источников по исследуемой теме. Хотя до последнего времени данное издание рассматривалось в основном как источник по изучению истории России. Из таблицы №3 видно, что наибольшее количество (789) законодательных актов было выявлено во втором издании ПСЗ РИ. Так, оно охватывает хронологически большой период, почти весь XIX век, насыщенный основными переломными событиями и фактами, связанными с историей Казахстана. Если сравнить эти данные с таблицей №2, то становится ясным, что не все законодательные акты, принятые в отношении Казахстана, были помещены в ПСЗ РИ. Особенно

это касается секретных царских указов Коллегии иностранных дел и Военной коллегии, связанные с вопросами урегулирования конфликтов с казаками в начальный период присоединения Казахстана к России, земельных и социальных отношений. Из 68 указов Коллегии иностранных дел ни один не вошел в ПСЗ РИ, это относится и к 20 указам Военной коллегии. Данная таблица подтверждает мысль, что в основном публиковались законодательные акты, прошедшие рассмотрение и утверждение государственных органов, т.е. которые отражали официальную политику царского самодержавия. Те же законодательные документы, которые рассматривали политические вопросы, носившие секретный характер, в ПСЗ РИ не публиковались, они сохранились лишь в архивах под грифом «секретно».

Таблица 3. Количественные данные основных видов законодательных актов, опубликованных в ПСЗ РИ

Наименование документа	ПСЗ РИ-1	ПСЗ РИ-2	ПСЗ РИ-3	Итого
Именные указы	68	171	62	301
Сенатские указы	41	62		103
Инструкции и рескрипты	4	1		5
Грамоты	6			6
Уставы или регламенты	3	6	3	12
Утвержденные доклады	15		4	19
Правила	1	3	10	14
Положения		17	8	25
Утвержденные положения Военного совета		80	117	197
Утвержденные положения Сибирского комитета		138		138
Утвержденные мнения Государственного совета	4	131	312	447
Утвержденное положение Комитета министров	7	159	62	228
Утвержденное положение Совета министров			29	29
Утвержденные и одобренные законы			89	89
Утвержденные положения Комитета Сибирской жд			17	17
Высочайшие повеления		1	71	72
Другие виды законодательства	7	20	2	29
ИТОГО	156	789	786	1731

Следующая таблица №4 раскрывает предметно-тематический признак, т.е. показывает количественный состав законодательных актов, касающихся истории нашего государства, по роду основных направлений деятельности царского правительства. В начальный период присоединения царское правительство обращало внимание на вопросы политического характера, т.е. на вопросы урегулирования взаимоотношений с казахской знатью, привлечения ее на свою сторону, принятия российского подданства различными казахскими племенами и родами. Этой проблеме посвящено более 150 законодательных документов. Кроме того, остро в тот период стоял вопрос об урегулировании конфликтов между казахами и другими подданными России а также с казаками. Из анализа принятых царизмом законодательных актов видно, что этим вопросам было посвящено 86 документов, и только 11 из них были опубликованы в ПСЗ РИ. В начале XX века в связи с начавшимися преобразованиями в самой России появляется много законодательных документов политического характера, связанных с выборами в Государственную думу (но многие эти документы официально не публиковались).

Из данной таблицы №4 видно, что наибольшее внимание царизм обращал на вопросы внедрения российской системы судопроизводства на территории Казахстана. Именно новые законы создавали правовую основу для распространения российской власти, позднее они стали определять и регулировать отношения в казахском обществе, и, именно от них зависел успех проведения остальных нововведений на территории Казахстана. В общей сложности 285 законодательных документов способствовали укреплению позиции российского правительства на территории Казахстана и играли главную роль в распространении и внедрении царской колонизаторской политики на территории края.

На втором месте по количеству стоят вопросы внедрения российской налоговой системы, так как вся колониальная политика самодержавия, направленная на получение прибыли с новых территорий, была основана именно на ней. По данной проблематике было принято 237 документов. Налоговая система, разработанная российским законодательством, позволяла грабить казахские земли за счет эксплуатации самого казахского народа. Царское самодержавие не только не тратило никаких финансов на освоение края, но и получало еще от его эксплуатации огромные прибыли.

Не менее важным для царских властей был вопрос освоения новых источников сырья, разработка и освоение различных месторождений природных богатств края. Данный вопрос нашел отражение в 134 законодательных материалах. Эти законодательные материалы подтверждают мысль, что Россия с первых дней присоединения

Казахстана рассматривала его как источник сырья и рынок сбыта для своей развивающейся промышленности, т.е. как будущую колонию для получения максимум прибыли для развивающихся товарно-рыночных отношений в самой России.

По мере продвижения царизма на территорию Казахстана, захвата и отнятия казахских земель правительство вынуждено было законодательно подтверждать данные факты. Это способствовало появлению 141 закона, которые регулировали земельный и переселенческий вопросы на территории присоединенного края, но и то в интересах царского правительства. С середины XIX века земельный вопрос рассматривался в царских документах только в связи с начавшимся переселением. Поэтому земельная политика царского правительства в отношении казахских земель не нашла должного отражения, т.к. эти документы носили секретный характер. Все законодательные материалы по земельному вопросу были направлены на ущемление прав казахского населения.

Вопросы народного образования и духовного развития края нашли отражение в 203 законодательных документах. Почти все они были направлены на распространение и развитие русского языка, православия, политики русификация, ущемления прав казахского общества.

Если сравнить количественные данные принятых законодательных актов царским правительством и тех, которые были опубликованы в ПСЗ РИ, то сразу становится ясным, что не все документы были помещены в данное издание. Те проблемы, которые затрагивали устои самодержавия, интересы правящих кругов, по политическим соображениям почти не рассматривались и не публиковались в официальных изданиях. Следует обратить внимание, что законодательных актов рассматривающих вопросы урегулирования военных конфликтов между казахами и пограничным населением, вопросы урегулирования земельных отношений, в ПСЗ РИ опубликовано в небольшом количестве. Это также подтверждает факт, что данные документы носили секретный характер, подтверждающие колониальную направленность законов. Зато документов, рассматривающих незначительные проблемы, которые могли быть решены и местными административными органами, в ПСЗ РИ помещено достаточное количество – 673 документа.

В целом из таблицы №4 видно, что царское правительство в основном уделяло внимание вопросам политического (имеются в виду вопросы принятия российского подданства в начальный период присоединения различными родами казахского общества, подкуп и поощрение казахской знати), правового (распространение общероссийских законов) и экономического (разведывание и освоение казахских земель, освоение залежей природных ископаемых, усиление налоговой

системы) подчинения Казахстана. Политическое, экономическое, правовое подчинение Казахстана осуществилось на основе принятия соответствующих законодательных актов, т.е. под все нововведения империи подводилась правовая база, создавалась видимость законности проводимых мероприятий.

Таким образом, на основе систематизации, классификации, статистического метода, сравнительного анализа законодательных источников можно сделать однозначный вывод, что российское законодательство отражало официальную политику царского самодержавия, которое направлено было на защиту основ самодержавного строя, расширение своих территорий и усиление влияния (политического, экономического, военного, культурного и т.д.) на территории Казахстана.

Таблица 4. Характеристика законодательных актов по основным направлениям деятельности царского правительства

Основные направления деятельности царского правительства	Всего принято законодательных актов	Из них помещенные в ПСЗ РИ
Политические вопросы	156	50
Вопросы урегулирования конфликтов между казахами и пограничными народами	86	11
По административно-территориальному устройству Казахстана	98	87
По вопросам внедрения российской системы судопроизводства	285	238
По внедрению и развитию налоговой системы	237	204
По вопросам освоения новых источников сырья и сбыта продукции, развития товарно-денежных отношений	134	92
По решению аграрного вопроса и переселенческой политике	141	70
По проблемам народного образования и духовного развития	203	175
Другие вопросы	749	673

На основе выявленных законодательных актов была проведена систематизация российского законодательства и опубликован «Хронологический указатель законодательных актов Российской империи по истории Казахстана XVIII - начала XX века» [76]. Хронологический указатель состоит из 2089 законодательных источников, из них найдено в ПСЗ РИ – 1731, в архивах 87, в других источниках 271. В указателе законодательные акты расположены по хронологическому

принципу, что облегчает работу с ним. В таблице для удобства указан вид законодательного источника, его исходные данные в ПСЗ РИ, а также исходные данные других источников, где был опубликован или упоминается данный документ. При выявлении спорных моментов по поводу даты или названия документа ссылка дается на ПСЗ РИ, так как именно он является официальным документом царского правительства исследуемого периода.

Из анализа хронологического указателя законодательных актов Российской империи по истории Казахстана видно, что наиболее публикуемые были следующие законодательные материалы: инструкции и жалованные грамоты 1731 гг. по поводу принятия казахами российского подданства; грамота, данная хану Нуралы в 1749 г.; уставы 1822-24 гг.; сенатский указ «Относительно распространения на сибирских киргизов общих законов империи»; положения 1867-68 гг.; положение «Об управлении Туркестанским краем»; Степное положение 1891 г. Некоторые документы были опубликованы лишь в отдельных изданиях, а весь остальной массив законодательных источников в основном используется либо выборочно, либо в выписках, либо только упоминаются их названия. В целом, следует отметить, что материалы ПСЗ РИ и другие законодательные источники до этого публиковались и использовались фрагментарно, выборочно, бессистемно, без указания исходных данных.

Созданный хронологический указатель законодательных актов по истории Казахстана позволит их использовать в дальнейшем адресно, с использованием исходных данных. В целом систематизация законодательных актов Российской империи по истории колонизации Казахстана открывает широкие возможности для их дальнейшего комплексного использования и изучения в истории как в теоретических исследованиях ученых, так и для практического применения широким кругом читателей. Работа автора над выявлением и систематизацией законодательных актов Российской империи по истории Казахстана исследуемого периода будет продолжена. Поэтому автор не претендует на целостность и законченность данного хронологического указателя.

Таким образом, выявленный огромный фактологический материал (более 2000 документов) позволил систематизировать и классифицировать законодательные акты Российской империи XVIII - начала XX века по истории Казахстана. На основе проведенной классификации было выявлено, что все виды законодательных документов, характерных для России нового времени, принимались в отношении казахского края. Из приведенного количественного и качественного анализа видно, что законодательные акты царским правительством в отношении

Казахстана принимались с первых дней присоединения края и до конца существования монархии. Царское законодательство охватывало все вопросы устройства, управления и регулирования отношений в казахском обществе: от самых важных до незначительных, вмешиваясь в повседневную и частную жизнь казахского общества. Законодательные акты Российской империи по истории Казахстана подтверждают факт, что все они издавались в интересах царского самодержавия, защищали устой существующего монархического строя, планомерно проводили и внедряли в жизнь колонизаторскую политику и направлены были на уничтожение политической, экономической, духовной самостоятельности казахского народа.

II часть
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОЛОНИЗАЦИИ
КАЗАХСТАНА

Глава 1. ОБЪЕКТИВНОСТЬ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

Каждый исторический источник возникает в конкретно определенных условиях, является продуктом своего времени и вне этих обстоятельств не может быть правильно понят и интерпретирован. Его появление обусловлено конкретными историческими причинами, он имеет свою определенную цель. Выяснение исторических условий появления источника требует детального изучения эпохи, среды, условий, при которых он возник. Эта истина в особенности применима к законодательным актам, так как именно они отражают официальные действия правящих кругов в обществе в результате изменившихся обстоятельств. Законодательные акты не могут быть раскрыты и объяснены без учета интересов правящих кругов, которые они отражали, выяснения круга учреждений и лиц, принимавших участие в их составлении, целей, которые преследовались при их издании. «Возникая из реальности, любой исторический источник взаимосвязан с ней крепкими нитями, он не может рассматриваться как элемент, возникающий вне среды исторического окружения. Но эти связи особенно сильны тогда, когда речь идет о законодательных актах, здесь имеются уже две стороны взаимодействия с действительностью: истоки появления закона и формы его воплощения. Утвержденные царем законоположения представляют собой интересный материал для изучения происхождения и бытования закона» [14, с. 11].

Законодательный источник как материальный продукт целенаправленной деятельности правящих кругов был вызван к жизни определенными историческими условиями развития российского и казахского общества, целями и задачами, поставленными царским правительством в отношении присоединенных народов. Законодательные акты Российской империи, возникнув в определенной исторической обстановке, функционировали в этой реальности в соответствии с теми политическими, культурными, экономическими, социальными, хозяйственными условиями, которые она им определяла и устанавливала. По этому поводу И.Д. Беляев писал: «Связь между законом и внутренней исторической жизнью народа так неразрывна, что ни изучение законодательства не может быть вполне понятно без изучения внутренней жизни народа, ни изучение внутренней жизни – без изучения законодательства» [17, с. 34].

Хотя законы и издаются правительством, т.е. создаются по воле людей, но они не являются случайными. Законы царского правительства

отражали его официальную политику и сквозь них объективные законы общественно-экономического развития Российского государства. В XVIII - XIX веке во всем мире шел процесс борьбы за новые колонии, новые рынки сбыта и сырья. Россия, как крупная капиталистическая держава, не могла стоять в стороне от этого процесса. Поэтому присоединение Казахстана к России во второй четверти XVIII века было закономерным явлением. Эту мысль подтверждает историк А. Баймурзин: «Продвижение России в Среднюю Азию мы можем и должны рассматривать, прежде всего, как колониальный захват. Здесь был, конечно, и расчет на выгодную стратегическую позицию против Англии; захват Казахстана и Средней Азии в значительной мере был захватом ради дальнейшего расширения сферы влияния» [115, с. 98].

В начальный период присоединения у России не было сил для открытого подчинения казахского края, поэтому предпринималась гибкая политика, политика лавирования, подкупа казахской знати. Данная политика постепенного захвата казахских земель, уничтожения политической и экономической независимости нашла свое отражение в законодательных документах царского правительства. Следовательно, изучение этих законодательных материалов является первостепенной необходимостью для выяснения колонизаторской сущности политики царизма в отношении казахского народа. Для комплексного и объективного изучения истории данного периода важно рассматривать связь законодательных материалов с объективными процессами, происходящими на территории Казахстана и России. Благодаря систематизации, классификации и анализу законов оказывается возможным познание истории государства, без которых она, по мнению Сперанского, «не может иметь ни ясности, ни достоверности, так как законы изображают внутреннюю жизнь государства, они показывают, как нравственные и политические его силы слагались, образовались, возрастали и изменялись» [4, с. 156].

История Казахстана, начиная с середины XVIII века, неразрывно была связана с историей Российского государства. А развитие русско-казахских и казахско-русских отношений имеет еще более длительную историю. Конечно, такое положение дел наложило определенный отпечаток на всю историю нашего государства, определило особенности его развития в советский период и дает о себе знать на современном этапе.

Первое десятилетие XVIII века было особенно тяжелым в истории Казахстана. Известный казахский просветитель Ч. Валиханов по этому поводу писал: «Первое десятилетие XVIII века было ужасным временем в жизни казахского народа. Джунгары, волжские

калмыки, яицкие казаки и башкиры с разных сторон громили их улусы, отгоняли скот и уводили в плен целыми семействами» [116, с. 111]. Казахское государство, теснимое со всех сторон врагами, в первую очередь джунгарами, было вынуждено искать союзников в сложившейся ситуации. Все более частый обмен посольствами между Казахстаном и Россией в этот период не был случайностью. Казахстан во внешнеполитическом курсе России на Востоке занимал важное стратегическое значение. «Россия рано или поздно должна была подчинить себе этот кочующий народ, чтобы через то проложить путь торговому и политическому влиянию на Среднюю Азию» [37, с. 20]. Русское государство проявляло заинтересованность в расширении своих государственных границ в данном направлении. Казахстан являлся не только целью, но и средством в осуществлении восточной политики России.

По отношению к Казахстану с самого начала просматривались экономические и военно-политические интересы Российской империи. В развитии русско-казахских связей Россия преследовала свои корыстные интересы. Это диктовалось следующими причинами: 1) необходимо было установить политические и торгово-экономические связи со странами Средней Азии (Казахстан в этом плане рассматривался как связующее звено между этими государствами и Россией); 2) Россия стремилась укрепить свои позиции на берегу Каспийского моря и тем самым контролировать водные пути (Россия в этом регионе соперничала с Англией и путем привлечения Казахстана на свою сторону пыталась укрепиться в регионе); 3) надо было обеспечить безопасность прохождения торговых купеческих караванов через земли Казахстана; 4) в начале XVIII века остро стояла проблема безопасности восточных границ России от набегов джунгар; 5) земли Казахстана привлекали империю как источник новых богатых природных ресурсов для развивающейся промышленности, как рынок сбыта и дешевой рабочей силы.

Кроме того, значение казахского направления в восточной политике России усиливалось стремлением русской общественности переосмыслить роль своего государства на международной арене, основанной на имперской исключительности. «В основе имперского сознания находилась убежденность в праве России, – «наследницы» Византии и Римской империи, – распоряжаться как на основе «божественного», так и «естественного права», судьбами других народов. В полном согласии со средневековой официальной доктриной полагалось, что могущество государства и слава правящего монарха определяются размерами подвластной ему территории и количеством

подданных, а приобретение последних является естественным результатом победы на поле брани либо же сложных комбинаций дипломатической борьбы» [94, с. 108-109]. На основе этой теории русская власть стремилась расширить всеми средствами свои территории, повысить свой международный авторитет за счет присоединения новых колоний, стать крупной метрополией, диктующей свои политические, экономические и военные интересы всему миру.

Четкую и ясную оценку дал политике русских в Азии, раскрыл ее суть в своей работе Л. Костенко: «Изучая историю завоеваний России на азиатском материке, от обширной Амурской области до самых ничтожных владений, приобретенных в последнее время, мы видим, что всегда и везде вторжению предшествует одна и та же политика интриг и козней, сеяние семян раздора, подкуп, приманка, при помощи самых неблагоприятных средств. С начала обыкновенно завязываются торговые сношения с туземцами; затем пользуются какою-нибудь пустейшею ссорой, чтобы создать из нее повод к войне; где не представляется такого повода, там подкапывают почву посредством эмиссаров, стараются сманить князьков подарками, или отуманить их щедрым даянием водки, и тем втянуть в безвыходный очарованный круг. Основательную причину к войне, к нашествию, трудно было бы найти, и колоссальная империя русских создана не столько силою их оружия, сколько кознями их азиатских политиков. Далее, русские, вследствие выше упомянутых качеств, гораздо лучше знакомы с положением дел у азиатских народов, гораздо лучше знают обо всем, что происходит в соседних азиатских странах, чем англичане и другие европейцы. Благодаря неусыпной бдительности своих эмиссаров и неутомимому рвению своих дипломатов, петербургский кабинет, часто о самых тайных событиях в соседней стране, узнает скорее и обстоятельнее, чем само туземное правительство. Независимо от того, что в Петербурге существует специальное общество, имеющее возможность извлекать пользу из практического знакомства его членов с различными частями Азии, Россия нередко употребляет какого-нибудь киргиза, бурята, черкеса или монгола, которому дано русское воспитание, своим орудием, в его вполне или на половину покоренном отечестве» [12, с. 2-3].

Таким образом, Россия с начала XVIII века начала активно готовиться к наступлению и завоеванию территории Казахстана. В свое время Петр I выразил открытое желание о приведении в российское подданство «издревле слышимых и в тогдешнее время почти неизвестных обширных киргиз-кайсацких орд... Буде она орда в точное подданство не пожелает, то стараться, несмотря на великие

издержки, хотя бы до миллиона держать, но токмо чтоб только одним листом под протекциею Российской империи быть обязались» [37, с. 20]. По образному его выражению, «токмо де всем азиатским странам и землям оная орда ключ и врата и той ради причины оная де орда потребна под Российской протекциею быть и к Российской стране полезные способные меры взять». Однако в тот период международная обстановка России не способствовала захвату новых земель, да и военных сил было еще недостаточно для продвижения в глубь страны. Дальнейший ход исторических событий сложился не в пользу Казахстана. История распорядилась так, что, в конце концов, наше государство потеряло свою независимость и вынуждено было стать колониальной окраиной Российской империи.

Обращение Абулхайр-хана к Лине Иоанновне с просьбой о принятии российского подданства в корне изменило политическую обстановку на территории Казахстана и послужило началом нового этапа в истории нашего государства. Эти исторические факты обусловили появление ряда законодательных документов: жалованная грамота старшинам киргиз-кайсацкой орды Абулхайр-хану и всему войску «О принятии их в Российское подданство»; грамота похвальная киргиз-кайсацкому Абулхайр-хану «За приведение им в Российское подданство Большой кайсацкой орды, также и аральского хана»; высочайшая резолюция на проект статского советника Ивана Кирилова «О построении города при устье реки Орь, для подданных башкирцев и пришедших вновь в подданство киргиз-кайсацкому и каракалпакского населения...»; инструкция статскому советнику Ивану Кирилову, отправленного для постройки города при устье реки Орь «О распоряжениях по устройству и населению сего города и по сношениям с окрестными народами»; три грамоты ханам Меньшой Абулханру и Средней Шемяке и в Большую орду батырам: Бейом, Коадорби Тюлябий Сатай, Кангильды и Буляку и всей орде; именной, данный тайному советнику Татищеву «О распространении торговли России с киргиз-кайсаками; об определении в Оренбург двух киргизских старшин, для прекращения ссор между приезжающими туда купцами, и о принятии в российское подданство хана Большой киргиз-кайсацкой орды Юлборуса»; высочайшая грамота на имя хана Большой орды Юлбарыса «О принятии Большой орды в русское подданство» [76].

С первых дней присоединения царское правительство ставило для себя главную задачу и выработало курс на последовательное присоединение и подчинение всей территории Казахстана. В советский период было распространено мнение, что присоединение к

России спасло казахов от порабощения джунгаров, однако исторические факты свидетельствуют об обратном. Россия не оказала помощи казахскому народу в борьбе с джунгарами ни в годы Великого бедствия, ни позже, заняв выжидательную позицию. Она была заинтересована в ослаблении и казахов, и джунгар одновременно. «Необходимость удержания приобретенных Россией владений, установление со странами Центральной Азии торговых взаимосвязей сочетались с возрастающими потребностями страны в природных ресурсах, особенно в золоте, стимулируя стремление Петербургского двора к овладению, во всяком случае, к освоению земель, расположенных в стратегически важном направлении, где в постоянном противостоянии сталкивались далеко идущие интересы Джунгарского ханства и казахских ханств, раздираемых внутренними противоречиями» [94, с. 150]. Для изучения, освоения и возможности дальнейшего продвижения в казахскую степь еще при Петре I был принят ряд законодательных документов: «О завладении городом Еркетом, об отыскании золотого песка на реке Дарье»; «Об осмотре по Каспийскому морю бывшего протока реки Аму-Дарьи и прочих местах, и о положении на карту Каспийского моря с промером и описанием берегов оного»; «О производстве следствия о сибирском губернаторе Гагарине и о полковнике Бухгольце, о разыскании об иркетском золоте и о построении крепости на озере Зайсан»; «Об укреплении и населении крепости Ямышевской; о сделании мира с Контайшею и заведении купечества с ним» [76]. Эти документы подтверждают стремление Российской империи увеличить свои территории за счет присоединения новых земель и освоения ее природных ресурсов.

Казахское государство было естественным рубежом на юге России, сдерживающим натиск врагов. Остро в тот период стояла проблема урегулирования казахско-калмыцких и казахско-башкирских отношений, между которыми шла борьба за пастбища, непосредственно прилегающие к границам России. Поэтому главным условием принятия хана Абулхаира в российское подданство было установление мира с башкирами, калмыками и другими подданными, которые охраняли русские границы, совместно с которыми казахи должны были нести пограничную службу. Почти во всех документах XVIII века поднимается вопрос о набегах казахов на приграничные земли, урегулирование конфликтов между калмыками, башкирами, казахами. В связи с данными историческими событиями появляется ряд законодательных актов царского самодержавия, которые пытались урегулировать отношения между враждующими сторонами: «О

наблюдении осторожности от печаянного прихода и набегов каракалпаков и киргиз-кайсаков»; «О предосторожности от киргизских набегов»; «О посылке на Яик грамоты о прекращении набегов на киргизы и каракалпаков»; «О прекращении набегов со стороны киргиз-кайсаков, каракалпаков и калмыков»; «Об устранинии грабежей со стороны киргиз-кайсаков и каракалпаков»; «О примирении киргизов с калмыками» [76] и т.д. Появлению этих законодательных документов предшествовали многочисленные подготовительные материалы: переписка, отчеты, распоряжения царских чиновников. Эти материалы ждут своих исследователей в архивах России и Казахстана. Например, дело «О набегях киргиз-кайсаков на калмыков», сведения «О происшествиях в Меньшой киргизской орде», журналы Комитета министров «О междоусобной войне хивинцев с киргизами» и др.

В 1734 г. для закрепления вновь присоединенных земель была создана специальная Киргиз-кайсацкая экспедиция, затем переименованная в Оренбургскую, которую возглавил обер-секретарь Сената И.К. Кириллов. В 1737 году Оренбургская экспедиция была переименована в Оренбургскую комиссию. В своей работе А. Макшеев писал: «Задача, данная Оренбургской комиссии, заключалась в упрочении подданства киргиз-кайсаков. Для этого Кириллову было приказание разослать врученные ему грамоты ханам Малой и Средней орд, родоначальникам Большой орды и каракалпакскому хану, пригласить их к себе и от Большой и Средней орд потребовать присяги; киргиз-кайсаков удерживать в повиновении, смотря по обстоительствам, милостями и подарками, или строгостью и страхом» [117, с. 103].

В инструкциях, данных И. Кириллову, говорилось также о необходимости развития внутренней торговли, разведывания и возможности использовать природные богатства края. В частности, в документе отмечено: «Есть у киргиз-кайсаков и каракалпаков во владении горы подле Сыр-Дары, они называют свинцовые и берут свинцу столько, сколько хотят и льют пули, а не ведают, что свинец с серебром вместе бывает, то можно пробу сделать, сколько серебра содержит, а хотя бы серебра не было, довольно прибыли будет от свинцу, потому что не дорого провоз станет; а когда на озере Аральском пристань и суда заведут русские, то гораздо способно по несколько сот тысяч пудов вывозить... Что же ко внутренней коммерции, то в новом городе у Орь реки и на Аральской пристани в скором времени распространится может по тому, что кои купеческие караваны ходят из Ташкента, из Туркестана и из Ходжанта для покупки русских товаров в Бухару, те обратятся в помянутые новые места, ибо им гораздо способнее сюда приезжать, нежели в Бухару, да

из купечества сами для того способа на житье приедут из разных городов и мест, лишь бы им пристойная привилегия пожалована была, а именно: бухарцы, хивинцы, индейцы, армяне и другие, а может быть и европейские иноземцы поедут» [118]. Другой документ также зафиксировал стремление русских властей использовать в будущем природные ресурсы Казахстана: «Впрочем, что касается до металлов и минералов, кои найдены могут в ближних местах, в башкирском и киргиз-кайсацком владениях, в том поступать надлежащим образом, нища интересу нашему пользы. И приводя к тому тамошний народ ласкою и награждением, чтобы не точно известное скрывали и таили, но и вновь сыскивая объявляли, и для сего сделать в городе лабораторию, где всякие руды и минералы пробовать, и по усмотрению проб в действительное произведение вступать, сколь возможность допустит... А которые руды и минералы в дальнем расстоянии, где известно есть, что золото, лаль, изумруд, лапись лазори, в тех местах вскоре не вступать, и явного никакого вида не давать, но прежде через посылку в караванах надежных людей всякие известия собирать, и какие удобные к получению тех мест способы найдутся, о том писать к нам, а между тем надлежаще заблаговременно и безопасное приготовление иметь... и для удобства коммерции, нужно сделать на Аральском море с нашей стороны в киргиз-кайсацком владении пристань и завести свои суда с пушками, и тем морем действительно овладеть...» [119].

Постепенно продолжалось и строительство военных линий – укреплений, которые должны были стать военной опорой для дальнейшего продвижения и завоевания казахской степи. В 40-50 гг. XVIII века были построены следующие крепости на территории Младшего жуза: Воздвиженская, Рассыльная, Ильинская, Таналыкская, Уразымская, Кизильская, Магнитная, Каракульская, Прутоярская, Нижнеозерная, Перегибенская, Усть-Уйская, Елшанская, Красногорская, Губерлинская, Новосергиевская, Горькая, Иртышская, Кольвановская, Ишимская, Орская и другие. В результате такой политики сформировалась сплошная линия крепостей и форпостов от устья Яика до Усть-Каменогорской крепости протяженностью в 3,5 тыс. верст, заселенная в основном казаками [120, с. 100]. Об отношении казачества к местному населению наглядно говорит статья, опубликованная в Сибирском вестнике. В ней написано: «При заведении крепостей на Иртышской линии, особенно Ямышевской, которая в рассуждении близ лежащего соленого озера была первой, киргизы многократно делали на россиян нападение; всегда, однако же, были ими отражаемы. Непосредок должны были они совсем очистить Российские границы в Сибири и удалиться за реку Иртыш; оттуда по наносимым ими жителям обидам

и грабежу, воспрещено было допускать их кочевьями к границам ближе десяти верст. Несмотря, однако, на запрещение вкрадывались иногда они в границы с конскими табунами, и от неосторожности своей выжигали поставленное жителями сено, и травилы находящийся в скирдах хлеб, что производили обыкновенно зимою и во время большой непогоды, дабы при перегонах табунов не были приметны следы; но посылаемые с Российской стороны военные команды тотчас усмиряли их и прогоняли в степные их жилища, а за воровство и грабеж наказывали их телесно: отчего сделались они послушными и спокойными, и стали реже появляться на Иртышскую линию» [121, с. 96-97]. Строительство крепостей продолжалось и в дальнейшем, вытесняя казахов в глубь степи, отбирая их лучшие земли. Кроме того, на территории Казахстана было сформировано три казачьих войска: Сибирское, Оренбургское и Уральское, которые были наделены землями и рядом особых льгот. Эти факты говорят о том, что царское правительство с самого начала готовило почву и военные силы для дальнейшего завоевания территории Казахстана.

Параллельно со строительством крепостей и военных линий укреплений царизм использует и проводит давно испытанный способ ослабления сил противника – натравливание и разжигание вражды между различными народами данного региона. «Формальное признание казахами российского протектората даю России юридические основания для военно-политической экспансии в регионе. Лучшим способом для укрепления в Казахстане колониальные власти считали две меры: строительство укрепленных линий на русско-казахской границе из крепостей с военными гарнизонами и использование казахско-башкирско-калмыцких противоречий для подавления любых антирусских выступлений этих народов» [122, с. 99]. Эта мысль находит четкое подтверждение и в законах, принятых царизмом в данный момент. В высочайшей резолюции на проект статского советника Ивана Кирилова записано: «Понеже калмыки давно поданные ее императорского величества, так же и башкирцы, а к тому ныне прибыли третий народ киргиз-кайсацкий, а один с другим весьма несогласные, да и впредь всегда их в том же содержать надобно, и ежели калмыки какую противность покажут, то можно на них киргизцев обратить, как и было в прошлом году, когда калмыки против своего хана взбунтовались, то показывая службу, Абулхайрхан посылал войска на улусы Джоржи Назарова, который первый есть из калмыцких владельцев и кочует по Янку и Ёмбе рекам, и их там разорил, что они принуждены противные свои меры отложить и впредь на киргиз-кайсаков злобу иметь, а напротив того буде киргиз-

кайсаки что сделают, то на них калмык и башкирцев послать, и так друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения российских войск» [118].

В своей завоевательной политике царское правительство опиралось не только на вооруженные силы и колониальный аппарат управления, но и на казахскую феодальную знать. Уже в начальный период присоединения у царского правительства сформировалась идея привлечения знатных и влиятельных казахов к сотрудничеству с российской администрацией. В целях привлечения казахской знати на свою сторону, царизм осознанно шел на признание ее привилегированного положения в казахском обществе, действуя по принципу «разделяй и властвуй». Особенно эта политика важна была для закрепления своих позиций на захваченных территориях, для внедрения и распространения своей политической, экономической, административной и судебной системы. Эта политика царского самодержавия явилась необходимым условием разработки и принятия соответствующих законодательных актов. В одном из первых законодательных документов, появившихся после начала присоединения Казахстана к России, было записано: «...Чтобы они в подлинной нашей подданнической верности были, иногда страхом, а иногда вознаграждением нашей императорской милости, ежели кто из них какую службу покажет, дабы они видев страх не поднимали своевольства, а за вознаграждение другие ревность имели к нашей службе» [119]. В именном указе от 11 февраля 1736 г. также указывается на то, что необходимо оказывать всяческую поддержку знатным людям: «И ежели из оных мест, в будущее лето будут купцы в Оренбурге с караванами, или на житье: таких принимать, и под селение отводить им земли, по рассуждению вашему, и всякую им показывать ласку и удовольствие» [123].

В начальный период присоединения, чтобы привлечь казахскую знать на свою сторону, царское правительство делало различные ценные подарки, выделяло определенные денежные суммы, вело на равных с ними официальные переговоры, переписку, даже строило по заказу города. В 1764 г. вышел в свет сенатский указ «Об определении суммы из сибирских доходов для угощения киргизцев и прочих кунцов, приезжающих на Сибирские линии» [124]. Согласно этому документу, на развитие торговли с казахами в Семипалатинской крепости выделялось от 2000 до 3000 рублей. Кроме того, выделялась особая сумма в размере 1000 рублей для угощения знатных казахов: «... на подчивание киргиз-кайсаков и других азиатов, к ним приезжающих, определить до 1000 рублей из сибирских доходов...» [124]. Указом от 21 марта 1762 года было принято решение о строительстве в степи

«покою для султана Аблая и для знатнейших старейшин, а для скота их – дворы, причем два года заготовлять для них сено» [20, с. 89]. В секретном указе Екатерины II в 1764 г. была определена специальная ежегодная сумма, выделяемая на поощрения казахской знати: «На киргиз-кайсацкие расходы положено всего до 6000 р., а в прошлом году издержано как вы от 27 ноября доносили в Оренбургской и Троицкой крепости на киргиз-кайсацкие расходы 9.140 руб. 90 копеек...» [80, с. 27]. Интересы империи требовали поддержки от верхушки казахского общества, а законодательные акты подводили под нее правовую базу. В 1776 г. вышел очередной сенатский указ, подтверждающий данную политику царизма в отношении казахской знати, «Об отпуске тобольскому губернатору канцелярских денег на дачу подарков знатным киргиз-кайсакам» [125]. В нем говорилось: «Тобольской губернской канцелярии предписать на дачу знатным киргиз-кайсакам и хозяевам, от которых о выбегающих пленниках требования будут, в подарок и на отправление тех пленников с границы во внутрь России...отпустить 300 рублей из штатских доходов, так и впредь на такие же расходы отпускать, не делая никакого затруднения» [125].

По мере укрепления позиций России в Казахстане меняется и политика царской власти к местной знати. Постепенно царизм пытается не только подкупить и использовать, но и привлечь казахскую аристократию на административную службу. Однако цель и суть политики самодержавия осталась прежней – с помощью знати провести и утвердить свою политику в казахском крае. Идея поддержки и союза с аристократической верхушкой казахской знати красной нитью проходит через все преобразования, происходившие на территории Казахстана. «В поисках социальной опоры в кочевом обществе российская административно-политическая система абсорбировала отдельные звенья социально-политической структуры казахов, законодательно наделяя их властью, усиливаемой военно-политическими силами для исполнения новых функций применительно к целям и задачам Российской империи в казахстанском регионе» [126, с. 200].

По мере укрепления своих позиций на территории Казахстана русское правительство, особенно после падения Джунгарского ханства, стало все более активно и открыто вмешиваться в жизнь казахского общества, проявляя свой истинный колониальный характер. Первые попытки реформирования управления краем были осуществлены в конце XVIII века губернатором Оренбургской губернии О. Игельстромом. Суть данной реформы сводилась к уничтожению института ханской власти и постепенному внедрению на территории Западного

Казахстана российского управления. Данный план царизма был только очередной тактической задачей в общем стратегическом курсе завоевания и подчинения Казахстана. 2 мая 1784 г. вышел указ Екатерины II «Об обеспечении порядка в Малой орде, учреждении пограничного суда в Оренбурге» [41, с. 61-63], в котором были определены новые органы управления жузом. Согласно данному документу, в Оренбурге предусматривалась организация пограничного суда, действующего на основе российских законов. Через год, согласно именному указу «Об учреждении в Киргиз-Кайсацкой орде трех расправ» [127], были созданы на территории Младшего жуза расправы. Однако в связи с ростом народно-освободительного движения на территории Младшего жуза под предводительством С. Датова провести в жизнь эти реформы не удалось. Но законодательные основы для внедрения и изменения судебной системы были уже подготовлены.

Одним из основных вопросов, вокруг которого шла острая борьба, был вопрос о земле. С первых дней присоединения стали выходить законодательные акты, ущемляющие права казахов на землю, направленные на их отняtie. На территории Младшего жуза остро стоял вопрос о перекочевке на внутреннюю сторону, т.е. на земли между Уралом и Волгой. «Наряду с проводимой политикой политических ограничений и неприкрытого грабежа, российские власти всячески стремились ликвидировать традиционное хозяйственное устройство кочевников – это выразилось в полном запрещении перехода кочевниками за Урал на внутреннюю сторону, когда насильственно нарушались маршруты перекочевок» [94, с. 224]. По мере закрепления своих позиций Россия все больше и больше претендовала на новые земли, отбирая их у местного населения, ущемляя его во всех правах. Этим обуславливается объективность происхождения законодательных источников, направленных на обоснование земельной политики царского правительства.

В начале XIX века царское правительство, подготовив все необходимые условия, планомерно проводит на территории Младшего и Среднего жузов административно-территориальные реформы, направленные на внедрение российской системы управления. «Процесс развития правительственной политики России во взаимоотношениях с казахами приводит к тому, что к 20-м годам XIX века внедрение административных порядков Российского государства во внутреннее устройство казахского общества и их законодательное закрепление становятся объективно необходимыми для успешного осуществления целей и задач российского правительства в казахском и в целом

азиатском регионах» [50, с. 21]. В результате многочисленных законодательных актов, составляющих суть политических реформ начала XIX века, Казахстан постепенно теряет свою политическую самостоятельность и независимость. Власть России становится реальной на присоединенной территории Казахстана.

К середине XIX века территория южного Казахстана оставалась еще неподвластной России, поэтому во второй половине XIX века царское правительство ставит задачу – открытое вторжение и полное подчинение территории края. В связи с обострением русско-английских отношений во второй трети XIX века царское правительство активизировало свои позиции на территории южного Казахстана и Средней Азии. Однако неудачные военные походы России против Хивы показали неспособность и неготовность царизма к быстрому подчинению этих территорий. Для последующего продвижения России в глубь азиатского континента необходимо было тщательно подготовиться, усилить свои силы и создать военный плацдарм. С этой целью начинается строительство Сырдарьинской военной линии укреплений. Главная задача возведения Сырдарьинской линии заключалась в том, чтобы укрепить военные позиции России на данной территории и в последующем начать продвижение русских войск дальше на юг страны. В архивных документах написано: «Возведением укрепления на реке Сыр-Дарье можно... завершить систему водворения спокойствия по степи Оренбургского ведомства и Малая киргизская орда не будет различаться благоустройством от Внутренней Букеевской орды. Она представит, наконец, преграду хивинцам вторгаться в пределы этой степи, взимать зякет с подданных империи киргизов и возмущать их против нашего правительства» [128, л. 23].

Наступил этап открытой военной экспансии на территорию южного Казахстана, что также нашло свое отражение на страницах законодательных актов и в архивных материалах. Для этого Россия сосредоточила на территории края значительные вооруженные силы, которые были представлены регулярными и иррегулярными войсками, сведенными в два воинских соединения: Отдельный оренбургский корпус и Отдельный сибирский корпус. Много ценных и важных материалов по данному периоду хранится в Российском государственном военно-историческом архиве. Данные документы содержат огромный фактический материал по созданию, укреплению и расширению русских военных сил на территории Казахстана. Документальные материалы этих фондов в основном состоят из переписки с военным министром и учреждениями военного ведомства, рапортов начальников о состоянии гарнизонов, фортов, различные донесения, циркуляры,

директивы, годовые отчеты генерал-губернаторов, разведывательные сводки, описание маршрутов следования военных отрядов, сведения о формировании и снаряжении войск. В архиве сохранились сведения о военных операциях на территории Старшего жуза, Средней Азии, об осаде, штурме и взятии русскими войсками крепости Ак-Мечеть, Туркестана, о подавлении национально-освободительного движения казахов, о разграничении земель и возможности заселения Семиреченского края переселенцами из русских губерний и т.д. По материалам этих фондов можно документально проследить и проанализировать, как русское правительство осуществило военное завоевание южных земель Казахстана, каково было его истинное отношение к местному населению.

Особо хотелось бы выделить документы фонда №1441 «Отдельного оренбургского корпуса», в который вошли рапорты командиров войсковых соединений и переписки с учреждениями военного ведомства по вопросам строительства крепостей и фортов на реках Амур и Сыр, об образовании Сырдарьинской военной линии. В данном фонде, кроме переписки с учреждениями военного ведомства, также содержатся сведения начальников о состоянии и деятельности крепостей, топографические описания, различные материалы о формировании войск, о военных экспедициях, проекты заселения территории. По этим материалам можно проследить политику русского правительства по отношению к местному населению, с которым постоянно возникали конфликты, и каким образом эти конфликты подавлялись. Материалы фонда №1441 непосредственно связаны с вопросом создания и расширения Сырдарьинской военной линии. Среди материалов фонда сохранились дела: «Переписка с учреждениями военного ведомства о возведении на реке Сыр-Дарья форта Казалы» [129, л. 93], «Переписка с военным министром о перенесении Сибирского укрепления на реке Чу для соединения с Оренбургской линией» [130, л. 83], «Переписка с учреждениями военного ведомства о постройке крепости Ак-Мечеть» [131, л. 405], «Переписка с учреждениями военного ведомства о возведении на полуострове Раим укрепления и заселении его русскими жителями» [132, л. 239], «Проект положения о военном устройстве киргизской степи и Сырдарьинской линии» [133, л. 139]. Они написаны непосредственно участниками тех далеких событий и проливают свет на многие спорные исторические факты. Эти материалы являются историческими источниками и имеют большое значение по изучению военно-колонизаторской истории завоевания Казахстана. Позже все эти материалы легли в основу разработанных реформ царизма, проводимых на территории Казахстана.

Для укрепления военных сил в районе Сыр-Дарьи в 1847 году было построено укрепление Раим, которое в 1851 году, согласно царскому именному указу «Об именовании Раимского укрепления, возведенного в Киргизской степи при устье Сыр-Дарьи, Аральским», было переименовано в Аральское [40]. При выборе места учитывалось стратегическое расположение местности. В письме военного министра об этом четко сказано: «Отношение вашего высокопревосходительства от 21 минувшего декабря за №301, о выгодах возведения укрепления на полуострове Раим близ устья реки Сыр-Дарьи в Аральском море, с устройством на этом пункте русского поселения, я имел счастье до высочайшего сведения. Государь император, имея в виду сообщенное вашему высокопревосходительству от 26 декабря высочайшее разрешение о постройке трех укреплений в степи, соизволил отозваться, что, по мнению его величества, на реке Сыр-Дарье для возведения форта кажется удобнейшим, нежели избранный на реке Темир, но между тем необходим вопрос об окончательном выборе пункта для сей цели, обсудить подробно и обстоятельно» [128, л. 30].

Укрепления строились соответственно требованиям военного времени, укомплектовывались военными людьми, казаками для удержания казахов в повиновении, для подавления малейшего сопротивления. Об этом сообщает командир Отдельного оренбургского корпуса в своем рапорте: «Для упрочения спокойствия в Малой киргизской орде, по высочайшему его императорского величества воле, изложенной в предписании ко мне Вашего сиятельства от 2 апреля 1845 года за №238, возведены в том же году в Киргизской степи два укрепления: одно Оренбургское в восточной части орды, в 426 верстах от Орской крепости по реке Тургай, а другое – Уральское в средней части орды, в 406 верстах от той же крепости, на реке Ирғиз. В каждой из этих укреплений назначено по гарнизону в составе 400 военных чинов, ежегодно сменяемых в весеннее время и по два орудия. Из гарнизонов этих, одна половина во всякое время готова к действию в степи для прекращения беспорядков и восстановления спокойствия между ордынцами» [128, л. 239].

В 1848 году было решено возвести форт Казалинск для усиления военной мощи России в данном регионе. В рапорте старшего адъютанта генерального штаба штабс-капитана Макшеева сообщается: «Казалинский форт предполагается устроить между канавами Ак-чик и Кирғиз, которые могут значительно усилить его оборону, если: а) форт будет находиться от них на ружейный выстрел, как значится на представляемом при сем плане; б) канавы очистятся и наводнятся из реки Сыр и в) бока, их лежащие к стороне форта, будут срезаны напетом. Для удобного сообщения через канавы полезно иметь легкие накладные мостики, которые могут быть в случае опасности немедленно»

снимаемы. Все главнейшие строения предположены для безопасности внутри форга...» [129, л. 93]. Далее приводится смета необходимого количества сырья для строительства форпоста.

Новые укрепления позволили русским войскам продвинуться вверх по течению реки Сыр-Дарья и приблизиться к Кокандской крепости Ак-Мечеть. После 20-дневной осады в 1853 году крепость была взята русскими войсками. В этом же году крепость Ак-Мечеть была переименована в форт Перовский, соответственно царскому указу «Об именовании впредь фортом Перовским укрепление Ак-Мечеть, находящееся на правом берегу реки Сыр-Дарья» [135]. Таким образом, в 1853 г. было завершено создание Сырдарьинской военной линии, куда вошли районы от Раима до Ак-Мечети, которая стала военным плацдармом для дальнейшего продвижения русских войск и военного подчинения оставшихся южных территорий Казахстана. Даже простой перечень архивных документов, законодательных источников и их небольшой обзор позволяет сделать вывод, что царское правительство тщательно готовилось к военному вторжению и захвату территорий Южного Казахстана и Средней Азии.

В середине 60-х годов XIX века Россия в результате успешных военных действий подчинила себе территорию Южного Казахстана и Средней Азии. Завоевание Казахстана было завершено. Новые исторически сложившиеся условия выдвигали новые задачи перед царским правительством. «Факторы внешнего кластера служили дополнительным стимулом реформирования колониального устройства и изменения статуса и хозяйственно-экономического состояния казахского населения, входившего в состав Российской империи» [136, с. 40]. Теперь главная задача колониальных властей заключалась в том, чтобы юридически оформить колониальный статус Казахстана, унифицировать систему управления в разных регионах края и приспособить ее полностью к общемперской административной системе. Для этого царским правительством был принят ряд законодательных документов, появление которых было продиктовано изменившимися новыми историческими условиями. Это: временные положения «Об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» и «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях», которые разделили территорию Казахстана на три генерал-губернаторства и шесть областей. Принятые как временные меры, они продолжали действовать на территории Казахстана почти 20 лет.

В конце XIX века царское правительство провело еще ряд административно-территориальных реформ, которые окончательно закрепили колониальное положение Казахстана и определили дальнейшие формы его управления. На основе законодательных актов царизма, которые подвели правовую основу под колониальную

политику, продолжалась эксплуатация казахского края и населения. «Взаимоотношения метрополии и колонии подвергались небывалым изменениям и побудили колониальную администрацию и правительство осуществить давно задуманные преобразования – узаконить Временное положение 1867-1868 гг., внося существенные коррективы в те разделы, которые нуждались в серьезных обновлениях и дополнениях» [94, с. 430]. В результате, 12 июня 1886 г. было издано положение «Об управлении Туркестанского края», которое стало основным правовым актом, по которому жило население южного Казахстана до 1917 г.

В конце XIX века в жизни казахского общества произошли существенные социально-экономические изменения: распространение товарно-денежных отношений, развитие добывающей промышленности, строительство железных дорог, дальнейшее расслоение общества и появление новых социальных групп. Постепенно Казахстан вовлекался в общероссийский экономический рынок, со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами: он являлся рынком сбыта, источником сырья и дешевой рабочей силы для развивающейся капиталистической промышленности России. В данный период было принято царским правительством значительное количество законодательных актов, которые проводили официальную политику в жизнь. Однако быстро меняющаяся действительность и время диктовали необходимость принятия новых законодательных документов, которые бы соответствовали исторической реальности. Например, в 1891 г. было принято положение «Об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» или более известное в истории как Степное положение.

Почти все основные этапы нашей истории отразились на страницах законодательных материалов: присоединение Казахстана к России, политика царизма в начальный период присоединения, проведение в жизнь различных административно-правовых реформ, изменение судебной, налоговой систем, земельный вопрос, отношение официальных властей к казахской знати и шаруа, изучение и освоение природных богатств, развитие товарно-денежных отношений и многие другие. На конкретных законодательных материалах было выявлено, что определенные исторические условия обусловили появление того или иного законодательного акта, которые как в зеркале показывают реакцию правительства на те или иные обстоятельства. Именно политика царского самодержавия, направленная на расширение своих территорий, захват новых колоний, рынков сбыта и проводимая в соответствии с этим политическая линия в Российском государстве, обусловила принятие, внедрение и осуществление законодательных актов царизма на территории Казахстана в XVIII - начала XX века.

Глава 2.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕДРЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА

Колонизаторская политика царизма, по выражению Е. Бекмаханова, осуществлялась планомерно по трем основным направлениям: военное, экономическое и политическое. В XVIII веке преобладали два первых направления, так как Россия не обладала еще достаточными силами для полного подчинения Казахстана. Первые попытки ликвидации ханской власти в конце XVIII века не увенчались успехом. Лишь только к началу XIX века сложились благоприятные условия для империи чтобы провести первые административно-территориальные мероприятия по уничтожению политической самостоятельности Казахстана.

С первых дней присоединения Казахстана царским правительством вынашивалась мысль о приведении казахских земель под одно российское управление. Именным указом «Об учреждении Оренбургской губернии и о подчинении под ее ведомство Уфимской провинции» от 15 марта 1744 г. была образована Оренбургская губерния, в состав которой вошли и недавно принятые в подданство казахи. «Ее императорское величество... всемилостивейше указать соизволила, быть в Оренбургской губернии и именоваться Оренбургская губерния, и в ней быть губернатором тайному советнику Неплюеву, а в оной губернии ведомым быть всем тамошним по той Оренбургской комиссии вновь построенным, и кои ныне строятся, крепостям, и определенным в них регулярным и нерегулярным войскам и прочим поселившимся людям, которым указами позволено, и всякими делами и надлежащими сборами: ему же губернатору ведать и киргизский народ и тамошние пограничные дела так, как поныне в Оренбургской комиссии находятся» [137]. В 1781 г. согласно очередному именному указу, было образовано Уфимское наместничество, в состав которого вошла Оренбургская область с четырьмя уездами: Оренбургский, Верхоуральский, Бузулуцкий и Сергеевский, а города Уральск и Гурьев были присоединены к Астраханской губернии [138].

Первая попытка ликвидации ханской власти была предпринята во второй половине XVIII века в период разгара национально-освободительного движения под руководством С. Датова. «Разделение степи киргизцев сперва на три части с построением там городов, також где прилично для главнейших родов мечетей, школ и гостинных дворов, весьма полезны и нужны; и чем скорес вы к сему приступите, тем боле нам приятнее будет. Всемерно надлежит стараться Нуралы-

хану согласить поехать в Оренбург; а при том учтивым и пристойным образом взять его в Уфу, где и удержать, под предлогом собственной безопасности, доколе дела тамошние придут в порядок. И смотря по обстоятельствам, дальнейшее наше соизволение последует. Выбор нового хана, мы столь же невыгодным находим, как и начальства нынешнего; и для того сие всячески отделять, дабы не произвести в киргизцах подозрения, будто бы хотим их притеснить в управлении, должно советовать им иметь для доброго порядка правление, состоящее в их же лучших старшинах из главнейших родов, а когда станут отзываться о дозволении выбрать хана, то внушить им, что покуда настоящий жив, неудобно к тому приступить, со временем же сие лучше учредить можно» [41, с. 66-67]. Однако в XVIII веке изменение управления казахской степью проводилось очень осторожно, учитывались все обстоятельства дела, с тем, чтобы не отпугнуть казахов от нововведений и продолжать постепенное внедрение новой системы управления.

В начале XIX века империя продолжает меры по организации непосредственного управления приграничными казахами. Однако для полного и окончательного внедрения российской системы управления у России еще не было достаточных сил и поэтому эта политика проводится очень осторожно, делаются даже некоторые уступки. В частности, в документе «О нечинении Средней киргизской орды султанам и всему их обществу обид и притеснений» от 14 марта 1800 года можно прочесть: «Повелеваем вам (оренбургский военный губернатор Бахметьев) в прекращении всех жалоб оного, строгое впредь иметь смотрение, чтобы во вверенной вам губернии обид и притеснений подвластным сего общества от россиян и башкир не было. приказав всем и каждому обращаться с ними дружелюбно, отнюдь не отягощая никого напрасным взысканием за чужие продерзости, чинимые иногда киргиз-кайсаками Меньшей орды, наказу за оные по справедливости самих виновников» [139]. Массовый переход казахов через Урал, стремление России усилить свое влияние в Западном Казахстане, лояльность, проявленная Букей султаном в отношении царских властей, способствовали тому, что 11 марта 1801 года был подписан именной указ «О дозволении киргизскому народу кочевать между Уралом и Волгой и заводить по удобности в лесных местах селения», согласно которому была образована Внутренняя орда между Волгой и Уралом. В указе записано: «Председательствующего в ханском совете киргиз-кайсацкой Малой орды Букея султана сына Нурали Ханова, принимая к себе охотно, позволяю кочевать там, где пожелают, и в знак моего благоволения назначаю я ему медаль

золотую с моим портретом, которую носить на шею на черной ленте» [140]. Жители Внутренней орды первоначально были подчинены астраханскому генерал-губернатору. Лишь в 1808 г. вышел указ «О переходе степных киргиз на внутреннюю сторону Урала и о подчинении киргиз-кайсаков Меньшой орды Букея султана с народом его Оренбургской пограничной комиссии» [40, с. 175-177], по которому управление этой территорией было передано Оренбургской пограничной комиссии.

Одна из крупных реформ в Казахстане, которая положила начало ликвидации политической независимости и внедрения российской системы управления в крае, была проведена в 20-х годах XIX века. Основным разработчиком этой реформы был М. Сперанский, который в 1819 г. был назначен генерал-губернатором Сибири. В то время, как писал один из дореволюционных авторов в Сибири, «народ стонал от несправедливости и поборов». Поэтому М. Сперанский поехал в Сибирь в качестве не обычного губернатора, а, скорее всего, в качестве ревизора для установления порядка, имея для этого широкие полномочия. По этому поводу царь в письме М. Сперанскому писал: «С некоторого времени доходят до меня самые неприятные известия насчет управления Сибирского края... По сему нашел я полезнейшим, облечь вас в звание генерал-губернатора, препоручить вам сделать осмотр сибирских губерний и существующего до сего времени в оных управления»... Сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего края, и, сделав оному начертание на бумаге, по окончании занятия вашим самим привести оное ко мне в Петербург, дабы я имел способ узнать изустно от вас настоящее положение сего важного края и прочным образом установить на пребудущие времена его благосостояние» [45, с. 146].

Ревизия М. Сперанского вскрыла вопиющие картины злоупотреблений и произвола сибирской администрации и местных начальников. В отчете в Сибирский комитет М. Сперанский указывал, что общим предметом следственных дел было «лихоимство во всех его видах». Причину беспорядков и злоупотреблений он видел в отсутствии должного управления краем и законодательства. «Где нет законов, там всем управляет личная власть», – говорил он. В течение двух лет, что М. Сперанский находился на посту генерал-губернатора Сибири, он провел большую работу по борьбе с административными злоупотреблениями, по улучшению положения края и добился в этом значительных успехов и результатов. Как указывают источники, по распоряжению М. Сперанского за грабежи и взяточничество были преданы суду два губернатора, 48 чиновников, а всего замешанных в преступлениях

было 681 человек. Кроме того, с виновных в должностях преступлениях, прежде всего, – взятках, были взысканы деньги на сумму 22 847 000 рублей [43, с. 139]. За небольшое время работы в Сибири М. Сперанским было составлено десять проектов законоположений, включающих более 3000 статей, в число которых вошел и устав «О сибирских киргизах» [64, с. 55]. Специально для рассмотрения проекта реформ М. Сперанского был создан особый комитет под названием «Сибирского». Почти без изменений все законопроекты Сперанского были утверждены в 1822 г. М. Сперанский считал, что прежде чем осуществить реформу, необходимо тщательно изучить данный регион. Поэтому в ходе работы над проектом устава он лично объезжал кочевья казахов около Омской крепости, Семипалатинска, встречался с представителями казахской знати, и все, что видел и слышал, подробно записывал. К работе над проектом устава М. Сперанский привлекал многих передовых людей русского общества, а также представителей казахской молодежи Среднего жуза. В составлении проекта устава активное участие принимал будущий декабрист Г.С. Батюшков. Проект устава «О сибирских киргизах» сохранился в фондах РГИА [142, л. 1-53].

Незадолго до этого, согласно царскому указу «О разделении Сибирской губернии на два главных управления Западную и Восточную», Сибирь была поделена на две части: Западную – с центром в Тобольске и Восточную – с центром в Иркутске [141, л. 43]. В результате территория Среднего жуза казахов, состоявшая в подданстве России, вошла в состав Западносибирского генерал-губернаторства.

Устав «О сибирских киргизах» 1822 года положил начало ликвидации ханской власти и политической независимости Казахстана, вводил новое административно-территориальное управление на территории Среднего жуза. Во введении устава определено основное его содержание: «Сей особенный устав о киргизах содержит: во-первых, подробное изъяснение обязанностей их управления; во-вторых, особенные постановления о киргизах, по различию их с другими инородцами; в-третьих, порядок введения данного устава в действие» [41, с. 93]. Согласно уставу, территория сибирских казахов была отнесена к Омской области, управление которой находилось в руках генерал-губернатора. Традиционная система деления казахов по родам была заменена на новую: область сибирских киргизов делилась на округа – внутренние, которые располагались на территории России, и внешние, располагавшиеся вне территории империи, за пограничной линией. Округа, в свою очередь, делились на волости, волости на аулы. Во главе округов стояли окружные приказы, управление которым формально возглавлял старший султан. Управление округом было

определено следующим образом: «Аулы управляются старшинами. Волости управляются султанами. Для судебных разбирательств в аулах и волостях нынешние почетные киргизы, называемые биями, удерживают свое значение и название. Для управления целым округом избирают волости старшего султана. В каждом округе учреждается Окружной приказ. В приказе под председательством старшего султана присутствуют два российских заседателя, определяемые областным начальником, и два заседателя из почетных киргизов по выбору. Окружной приказ имеет полицейскую и судебную власть» [41, с. 94]. Таким образом, по уставу вводилась выборная система, что создавало видимость лояльности царских властей. Однако избранные кандидаты должны были быть утверждены в должности омским областным правлением, поэтому результаты выборов были полностью под контролем российских властей.

Устав состоял из 319 статей и следующих 10 глав: 1 глава «Разделение», в которой предусмотрено деление территории жуза на округа; 2 глава «Управление», определяющая организацию власти в округах, волостях и аулах; 3 глава «Наказ полицейский», который определяет компетенцию Окружного приказа, как высшего органа управления округом; 4 глава «Наказ хозяйственный», в ней определен порядок оплаты жалования старшим султанам, членам окружных приказов, отпуска денег из казны и их расходы, а также виды сборов и повинностей с местного населения; 5 глава «Наказ судебный» – рассматривает вопросы судопроизводства в казахской степи; 6 глава «Особенные установления» – касается вопросов народного просвещения, здравоохранения, карантинной службы, управление церковью, духовными делами, благотворительность; 7 глава «Ответственность», в которой описывается ответственность местной администрации за те конфликты и беспорядки, которые могли иметь место на территории края; 8 глава «Особенный наказ областному начальству» – посвящена особым обязанностям областного начальника в отношении коренного населения; 9 глава «Особенные права и обычаи киргизов» – устанавливала правовое положение казахов как российских подданных; 10 глава «Порядок приведения сего устава в действие» – обобщены изложенные положения и определены порядок приведения их в действие [41, с. 93-109].

Устав планировалось вводить постепенно, начиная с тех волостей, которые «особенно испрашивали себе покровительство и присягнули уже в верности подданства», а затем приглашались все остальные волости. Кроме того, в уставе написано, что необходимо «убеждением и показательством на самом деле пользы его для киргиз-кайсаков через покровительство волостей, поступивших в округи, и сохранение

в оных порядков» [41, с. 107]. Для предотвращения недовольства со стороны казахского населения вводимыми изменениями царское правительство освобождало казахов, которые принимали устав от уплаты налогов на 5 лет: «Каждый округ, со дня введения в оный нового порядка, пользуется пятилетней льготой от всех податей» [41, с. 29].

«Устав о сибирских киргизах 1822 года, как первая царская реформа, разрушил всю структуру традиционной власти, охватив все стороны социально-политической и хозяйственной жизни, углубив и без того острые противоречия внутри казахского общества...» [94, с. 304].

Соответствующий проект устава об отмене ханской власти и введении новой системы управления на территории Младшего жуза был разработан и подготовлен оренбургским генерал-губернатором П.К. Эссеном. В 1824 г. 31 января после доработки было утверждено мнение Комитета Азиатских дел «О преобразовании управления Оренбургским краем» [60, с. 29-32], который касался вопросов управления в Младшем жузе. В истории он больше известен как устав «Об оренбургских киргизах». Соответственно новому управлению территория Младшего жуза была поделена на четыре части: западную, среднюю, восточную и внутреннюю во главе с султанами-правителями, а общее управление жузом осуществлялось пограничной комиссией. В состав пограничной комиссии входили: председатель, 4 советника и 4 заседателя от казахов. В обязанности пограничной комиссии входило: сохранение порядка в степи, наблюдение за действиями местных чиновников, сбор налогов, судебные дела и т.д. «Три степени управления полагается в каждой части: 1. Управление аулов. 2. Управление племен, из аулов соединенных и 3. Управление целой части орды, из племен составляемой. Аул управляется старшиною, племя – частным правителем, часть орды – старшим султаном и ханом с особенным при том и другом советом. Все сии чиновники и члены совета определяются по выборам из киргизов» [60, с. 30]. Однако и здесь выборы носили формальный характер. Султанам-правителям полагался казачий отряд под командованием офицера, который должен был охранять султана, а также наблюдать за его действиями. «По завершении организационных моментов военный губернатор П. Эссен пригласил в Оренбург султанов Каратая Нуралиева, Темира Ералиева и Жуму Кудаймендиева для облачения их в звание султанов-правителей. Утверждаемая форма административного управления внешне напоминала функции старших султанов в Среднем жузе, с той лишь разницей, что и будничные обязанности, и правовые их преимущества были гораздо шире. Пост же султанов-правителей по своей продолжительности оказался более длительным, нежели старших султанов» [56, с. 19]. Этот законодательный

документ характеризуется незавершенностью, многие положения носили общий характер, но самое главное, что он положил начало установлению нового аппарата управления на территории Младнего жуза. «Очевидно, что законодательное утверждение центральным правительством такого неразработанного положения объясняется политическим и хозяйственным кризисом, переживаемым самими казахами Приуралья в конце XVIII - начале XIX веков и активизацией стихийных народных движений. Эти явления приводили к дестабилизации политического курса России в регионе» [50, с. 33].

В целом, реформы 1822-24 гг. в законодательном порядке способствовали внедрению и изменению административной, территориальной, судебной и других систем управления казахскими жузами. Начиная с этого момента, колониальная политика царского самодержавия стала проводиться в Казахстане на вполне законных основаниях.

Главной задачей устава 1822 года было внедрение российской системы управления в казахской степи. Для решения этой задачи на практике было решено открыть внешние округа на территории Среднего жуза. Новая система управления в корне меняла существующий веками уклад жизни в казахском крае. Для смягчения ситуации на территории края в уставе было отмечено, что традиционный принцип деления населения должен быть учтен при создании округов. Однако по мере продвижения царских сил в глубь степи, открытия новых округов, подавления сопротивления со стороны казахского народа эти положения все более игнорировались и не учитывались. Царское правительство стремилось представить введение новой системы управления в крае как заботу об обеспечении безопасности и благополучия казахского народа. С этой целью и для ознакомления казахского населения с содержанием устава в аулы были направлены небольшие отряды, в составе которых были переводчик, мулла, казаки и офицеры. «В декабре 1823 – январе 1824 г. в крепости, форпосты, расположенные на Сибирской линии, а также в кочевья наиболее влиятельных султанов и биев были направлены 14 казачьих отрядов для оглашения высочайшего рескрипта и выписок из статей устава 1822 г. В состав отряда входили чиновники особых поручений, мулла и переводчик, а также офицеры и казаки. Отправлен был отряд и в Пресновскую крепость...» [143, с. 46].

Не только разъяснительная работа способствовала внедрению нового административного устройства, вместе с этим царское правительство позаботилось об усилении вооруженных сил на территории жуза. Как пишет М. Красовский: «Для охранения вводимшегося в степи с 1824 г.

порядка с линии высылалась из казачьих полков стража. Военские отряды исполняли должность временного конвоя окружных приказов, при которых они состояли. Отбыв известный срок в степи, казачьи отряды возвращались на линию. Чем больше разрастались наши пределы на юг, тем высылка войск с линии становилась и для казны и для казаков слишком обременительной; кроме того, возможность повторения таких беспорядков, как, например, кенисаринское возмущение, указывала на необходимость содержания внутри степи постоянного военного резерва, который бы не возвращался на линию» [11, с. 155].

Охват новой административной системой по возможности всех кочевых коллективов Среднего и отчасти Большого жузов составлял главную задачу пограничных властей. Для этой цели использовались все средства: от прямой силы до подкупа и обмана. По представлению генерал-губернатора Западной Сибири было решено открыть вначале два округа в урочищах Каркаралы и Кокшетау. Для открытия первых окружных приказов в Казахстан были отправлены две экспедиции: одна в Каркаралинск под командование управляющего Омской областью полковника Броневского, а другая – в Кокшетау под руководством полковника Григоровского. Появление этих отрядов в степи вызвало яростное сопротивление со стороны казахского народа, которое вылилось в целый ряд национально-освободительных движений. Однако, несмотря на сопротивление казахов, округа постепенно были открыты в степи.

Появлению соответствующих указов об открытии внешних округов на территории Среднего жуза сопутствовала большая подготовительная работа, материалы которой сохранились в архиве. Например, журналы Сибирского комитета «О предложениях к открытию новых округов в степи Сибирских киргизов» [144], дело «О предварительных мерах к открытию внешних округов в Омской области» [145], материалы «О новом устройстве Киргиз-Кайсацой степи, собранные Куракиным и Безбородным при ревизии» [146], дело «Об открытии в Киргизской степи Аягузского, Акмолинского, Баян-Аульского, Уч-Булакского и Аман-Карагайского внешних округов» [147], в которых имеются сведения о числе казахских кибиток, рапорт военному министру о ходе военных действий, письма, записки, отчеты генерал-губернатора Западной Сибири.

Соответственно высочайше утвержденному указу «Об открытии в Киргизской степи первого внешнего округа и приказа под названием Каркаралинский» в 1824 г. был открыт Каркаралинский округ [148, л. 907]. В том же году был открыт Кокчетавский внешний округ: «Правительствующий сенат слушали рапорт исправляющего должность омского областного начальника, коим доносит, что на основании

высочайше утвержденного в 22 июля 1822 года устава «О сибирских киргизах», 29 апреля сего года открыт второй внешний округ с приказом под названием Кокчетавского» [148, л. 907]. Торжественное открытие приказа состоялось 29 апреля 1824 года, после принесения присяги на верность российскому престолу и клятвы на Коране состоялись выборы старшего султана, которым стал Губайдулла Валиханов. В прокламации генерал-губернатора Западной Сибири, адресованной казахам, в связи с открытием новых округов разъяснялись цели, с которыми вводился новый устав. В ней говорилось, что целью введения нового административно-правового кодекса явилось стремление «водворить в народе сем благоустройство, утвердить в нем согласие, спокойствие, тишину и общий порядок, доставить всем и каждому безопасное и нерушимое владение собственностью, предотвратить единожды навсегда вкоренившиеся варварские обычаи, пресечь самоуправство... словом, устроить народу киргиз-кайсаков и прочим пребывающим с ними племенами благоденствие и счастье» [136, с. 114].

Несмотря на сложность обстановки, сложившейся вокруг открытия новых округов, данный процесс медленно, но верно продолжал осуществляться. Уже в 1825 году был открыт Кушмурунский округ. 19 октября 1831 года выходит высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «Об открытии в Аягузском внешнем округе Омской области окружного приказа» [149]. Опасность роста национально-освободительного движения диктовала необходимость от царского правительства проведения осторожной и очень тонкой политики. Официальная церемония по случаю открытия и назначения старшего султана сопровождалась военным парадом, угощением и раздачей подарков за счет казны, устраивались торжества по обычаям местного населения, которые длились несколько дней.

Среди казахского общества не было единства по вопросу об открытии округов. Одна часть, возглавляемая наиболее передовыми представителями казахского народа, поднялась на борьбу против политики царизма, проводимой в Казахстане. Другая часть изъявила добровольное желание принять у себя новое устройство. От знатных султанов поступали просьбы об открытии окружных приказов в тех или иных местах. Это говорит о том, что эти султаны, таким образом, хотели сохранить свое влияние и положение в казахском обществе. «В 1824 году в Омск прибыла депутация из рода Аргын – владения султана Джумы и бия Шопа. Она передала пограничному начальнику просьбу знати разрешить роду организовать у себя отдельный округ согласно уставу. Подобные же ходатайства поступили от Досана Ханбабина, управляющего Бура-Найманской группой, от султана

Сюка Аблайханова, властвовавшего среди части уйсунских родов» [45, с. 157].

Об открытии нового окружного приказа при урочище Акмола ходатайствовал и потомок хана Семеке К. Кудаймендин. Правительство, учитывая выгодное стратегическое расположение местности, а также большое влияние Кудаймендина на местную знать, приняло решение об открытии нового округа. «Согласно предписанию генерала Вельяминова от 3 мая 1830 года, открытие Акмолинского внешнего округа было возложено на коменданта крепости Святого Петра (Петропавловской) подполковника Ф.И.Шубина» [150, с. 8]. Ознакомившись с докладом Сибирского комитета, император Николай I санкционировал 9 января 1832 года открытие Акмолинского округа на территории Казахстана: «Удостоенною высочайшего рассмотрения в 9 день января сего года... разрешено открыть в Киргизской степи четвертый внешний округ под названием Акмолинского, который, получив твердое основание и имея положение впереди прочих округов, будет защитой почти всех верноподданных волостей от хищнических набегов не подвластных России киргизцев» [41, с. 146].

На основе представления генерал-губернатора Западной Сибири, в соответствии с царским указом 9 марта 1833 года «Об открытии в степи Сибирских киргизов двух округов Баян-Аульского и Уч-Булакского», соответственно, были открыты еще два новых округа в казахской степи [151]. 29 мая 1834 года выходит царский указ «Об открытии Аман-Карагайского внешнего округа Омской области» [152]. В нем указано: «Сибирский комитет, не находя причин задерживать более сей округи, как о том настоятельной просьбы, так и потому что она близка ко внутренней линии... дозволить генерал-губернатору Западной Сибири открыть Аман-Карагайский внешний округ в течение нынешнего лета и назначить из Казначейства его расходы на 1834 год, половину штатной суммы, а именно 15.000 рублей, что по мнению Комитета будет весьма достаточно». В сентябре 1834 года омский областной начальник сообщал, что открытие Аман-Карагайского округа торжественно состоялось 30 августа 1834 года, а также состоялись выборы старшего султана Чингиса Валиханова [41, с. 174].

Для внедрения новой системы управления и подчинения казахов полностью своему влиянию царское правительство не жалело ни средств, ни сил. Так, для полного контроля над вновь созданными внешними округами в 1837 было создано Актауское укрепление. Согласно высочайше утвержденному наставлению, на актауского коменданта возлагалась обязанность: «1) Наблюдение за внутренним спокойствием в трех пограничных округах Акмолинском, Каркаралинском

и Аягузском; 2) Действительная защита верноподданных киргизцев во время их кочевки во всей южной полосе области, не исключая и голодной степи; 3) Постоянный надзор за неприкосновенностью границ: пресечение всякого своевольного перехода наших киргиз в чужие пределы и вторжений в наши пределы от соседних народов, наконец, 4) Покровительство движению торговых караванов» [153].

6 апреля 1844 года царь наложил свою резолюцию на открытие очередного внешнего округа в Казахстане. В законодательном документе «Об учреждении Кокбектинского окружного приказа» записано: «Из кокбектинских киргиз, разделяющихся на 12 волостей, образовать отдельный округ под названием Кокбектинский, с присоединением к нему четырех волостей Аягузского округа, именно: Мурун-Назаровский, Мурун-Куттушбетевский, Мурун-Кадыровский и Мурун-Кельджигинский» [154].

Таким образом, в течение полутора десятка лет с большими трудностями были открыты следующие округа: Каркаралинский, Кокчетавский (1824 г.), Кушмурунский (1825 г.), Аягузский (1831 г.), Акмолинский (1832 г.), Уч-Булакский, Баян-Аульский (1833 г.) и Аман-Карагайский (1834 г.). К середине XIX века появились Кокбектинский и Алатауский округа, завершившие организацию нового административного деления. В 1838 г. Уч-Булакский округ был упразднен с передачей волостей в состав Акмолинского и Кокчетавского округов. На месте Кушмурунского округа впоследствии в 1859 году был организован Атбасарский округ [155], а Аягузский округ был переименован в Сергиопольский с некоторыми территориальными изменениями [156].

Открытие округов на территории Казахстана встретило неприятие со стороны простого казахского народа. Оно было обусловлено тем, что казахский народ не хотел терять свою независимость, свободу и земли, и вследствие этого оказывал всяческое сопротивление внедрению новой системы управления, которое вылилось в ряд национально-освободительных движений. Царское правительство, в очередной раз используя принцип «разделяй и властвуй», подкупами и обещаниями склонило на свою сторону часть казахской знати. Например, в архивных фондах сохранились подтверждающие этот факт дополнительные материалы: «О награждении султанов Кокчетавского внешнего округа за заслуги перед русским правительством» [157], «О награждении некоторых султанов и биев Средней Киргизской орды за преданность правительству» [158].

Эти процессы углубили и без того острые социальные противоречия в казахском обществе. Кроме всего этого, царские чиновники стремились ускоренными темпами провести реформу в жизнь, не зная и не учитывая

местных особенностей. В целом, введение новой системы управления, открытие округов способствовало дальнейшему укреплению гражданской и военной колонизации Казахстана.

Предьдущие законодательные документы не учли все особенности и изменения, происходившие на территории жуза. По этому поводу генерал-губернатор Западной Сибири обращается с инициативным предложением к правительству об упразднении Омской области и образовании нового управления сибирскими киргизами [159, л. 21-45]. В результате чего в 1838 г. было принято положение «Об отдельном управлении сибирскими киргизами». В нем отмечалось: «Но управление сие, по мере расширения круга его действий в степи, обозначенное в то же время предметами внутреннего заведывания, естественно, должно было сделаться неудовлетворительным в отношении к помянутой главной его цели: опыт указал обратиться к другому, в настоящее время более соответственному намерениям правительства порядку, – именно к устройству отдельного управления собственно сибирскими киргизами...» [41, с. 176]. Документ состоит из введения и 6 глав, а именно: 1 гл. «Положения общие»; 2 гл. «Состав управления»; 3 гл. «Порядок определения и увольнения чинов»; 4 гл. «Порядок подчинения и степень власти»; 5 гл. «Порядок производства дел и предметы их»; 6 гл. «Положения особенные». Всего документ состоит из 37 статей. В результате этого положения Омская область упразднялась: «С тем вместе Омскую область упразднить, присоединив город Омск к Тобольской губернии, Петропавловск – к Ишимскому уезду оной, а города Семипалатинск и Усть-Каменогорск – к Бийскому, Томской губернии» [41, с. 177].

Главное предназначение положения было ускорить введение новой системы управления на территории Казахстана. Об этом четко написано в документе: «Пограничному начальнику поставляется в обязанность склонять независимых киргизов к подчинению общему порядку, вводимому в степи, действуя в сем случае с благоразумием, мерами увещания, и внушая им надлежащие понятия о выгодах сего порядка. Для вящего же успеха назначается киргизам годовой срок, по истечении коего должны быть приняты другие решительные меры и удалению их из округов» [41, с. 182]. Тем не менее, в документе особо подчеркивается необходимость соблюдения осторожности в проведении данных мероприятий: «Устройство в округах предназначенных заведений производится не иначе как по мере возможности, и равномерно по усмотрению генерал-губернатора» [41, с. 182].

Для общего управления сибирскими киргизами было создано специальное управление под названием «пограничное управление

сибирскими киргизами», которое находилось под непосредственным руководством генерал-губернатора Западной Сибири. «Пограничное правление составляет одно нераздельное присутствие, соединяющее в составе своем власть и обязанность губернского правления, казенной палаты и губернского суда» [41, с. 180]. Пограничное управление составляют: пограничный начальник сибирских киргизов в чине генерал-майора, который непосредственно подчиняется генерал-губернатору Западной Сибири; председатель пограничного управления в чине полковника или подполковника; четыре советника, в их числе один киргизский ассессор, стряпчий казенных и уголовных дел, канцелярия по прилагаемому штату. Пограничный начальник и председатель пограничного управления назначались и увольнялись непосредственно по указам императора.

Еще один законодательный документ должен был закрепить предыдущие шаги царизма в плане дальнейшего укрепления позиций России и колонизации края. Это было положение «Об управлении оренбургскими киргизами», обнародованное 14 июня 1844 года [160]. В нем говорилось, что оно было «принято для того, чтобы привести управление киргизами Малой орды в лучшее устройство, не делая, однако же, коренного преобразования, а, оставляя тот же порядок, какой доселе был, в главных его основаниях; дать Оренбургской пограничной комиссии, заведующей сими киргизами, большие средства для наблюдения за успешнейшим течением всех дел по Пограничному управлению» [160, с. 374]. Данный документ состоит из 8 глав и 100 статей, которые определяют управление казахами Младшего жуза. Вопросам управления посвящены две первые главы. Управление оренбургскими казахами переходило под непосредственное начальство оренбургского военного губернатора и сосредотачивалось в Оренбургской пограничной комиссии. Главы 3 и 4 рассматривают вопросы определения и увольнения чиновников, порядок их подчинения и взаимодействия. Следующие две главы посвящены рассмотрению вопросов основных обязанностей и ответственности пограничной комиссии, порядку производства дел. Пограничная комиссия приравнивалась к общим государственным учреждениям России и «объединяла в своем составе власть и обязанности губернского правления и палат казенной, государственных имуществ, гражданского и уголовного судов» [41, с. 219]. По сравнению с документом 1824 г. этот законодательный акт носил более заверченный характер. В нем было четко записано: «Занимаемые оренбургскими киргизами земли, составляющие в виде особой области части Всероссийской империи, состоят в ведении Министерства иностранных дел». Таким образом, в

этом документе официально заявлено, что казахские земли Младшего жуза являются собственностью империи. Эта была первая попытка закрепить юридически данное положение. Для усиления своего влияния на местное население в жузе был введен институт попечительства: «Для заступления за киргизов (при линии находящихся) по делам их с прилинейными жителями, назначается к ним шесть попечителей из русских чиновников, преимущественно из отставных военных» [41, с. 218]. Введение этого института также усиливало русское вмешательство в местные дела управления.

Необходимость введения нового управления, приближенного к местным условиям, обосновывали и сами царские чиновники. Так, в письме управляющего Министерством иностранных дел оренбургскому и самарскому губернатору записано: «Главное наше желание, чтобы не отдавать, а по возможности более и более привязывать киргизов к правительству, и для этого, а равно для удобнейшего сообщения управления сим народом, необходимо, чтобы все приноровлено было к кочевому его быту и к степени нравственного его состояния. Главное ... сколько возможно более упростить сие управление, отменить всякого рода излишние формальности, не свойственные быту кочевых народов и которые только влекут к проволочке дел и к излишней переписке. Мысль правительства, проявляющаяся в смысле всего положения состоит в том, чтобы, сколько можно, менее входить во внутренний распорядок киргизов, т.е. отнюдь, не вводить у них (и даже постоянно к сему не готовить) порядка внутреннего государственного управления, который по кочевому быту киргизов, им вовсе несвойственен, а предоставить им управляться и ведаться внутри степи своими обычаями, сколько это будет возможно, и своими киргизскими властями» [60, с. 33].

В 1854 г. выходит специальное положение «Об управлении Семипалатинской области» [161], в результате которого была образована Семипалатинская область. В ее состав вошли: «Киргизы, кочующие на внутренней стороне Сибирской линии, по правую сторону Иртыша; Кокбектинский и Аягузские внешние округа Сибирских киргизов; станица Копальская с прилежащими к ней укреплениями и землями; города Семипалатинск и Усть-Каменогорск, Бухтарминское и Заилийское укрепления» [161]. Областным центром данной области назначен город Семипалатинск. Кроме того, были созданы Семипалатинский и Копальский округа. В указе отмечены цели образования этой области: «По обширности Киргизской степи Сибирского ведомства, признав полезным изменить порядок ее управления с целью развить в этом крае внутреннюю промышленность и доставить

средства Сибирским киргизам левого фланга степи, живущим в отдалении от нынешнего главного их местного начальства, получать скорейшее разрешение по своим просьбам и жалобам» [162, л. 512]. Положение состоит из 4 больших глав и 129 параграфов, которые определяют общее управление областью, порядок производства дел областного управления, обязанности военного губернатора, роль полицейских управлений в городах, функции окружных приказов, вопросы распространения промышленности на территории области [162, л. 513-520]. Управление Семипалатинской областью осуществляли военный губернатор, который командовал всеми войсками, расположенными во внешних округах области, и областное правление. Они оба непосредственно подчинялись генерал-губернатору и Главному управлению Западной Сибири.

Постепенно царское правительство законодательно закрепляет свои позиции на территории Казахстана. В частности, 24 марта 1859 г. упраздняется пограничное управление в Младшем жузе, его управление было передано из ведения Министерства иностранных дел в Министерство внутренних дел России [163]. Этим законодательным документом царское правительство подчеркивало, что казахи Оренбургского ведомства теперь являются по закону подданными Российской империи. О необходимости таких действий писал в своей «Записке» А.М. Горчаков Комитету министров: «Теперь, когда зауральские киргизы обратились из полупокорного народа в настоящих поданных и граница России со стороны Средней Азии идет уже не по Уралу, а по Сыру и Усть-Урту, название пограничного нисколько не соответствует административно-судебному учреждению, на обязанности которого лежит не столько разбор ссор между обывателями Оренбургской линии и соседними киргизами, сколько управление сими последними: по степени зависимости своей от правительства, внутреннего административного устройства и внешней безопасности. Зауральская степь составляет ныне точно такую же область империи, как и степь киргизская Сибирского ведомства» [50, с. 40].

Административно-территориальное переустройство казахских земель осуществлялось в связи с общей политикой царизма в Среднеазиатском регионе. В результате этого в середине XIX века выходит несколько законодательных документов, которые касались территориальных преобразований в Казахстане. Например: «О некоторых изменениях по управлению Восточной и Западной Сибири»; «Об усилении способов главного управления Оренбургским краем»; «О преобразовании управления Куш-Мурунским и Кокчетавским округами области Сибирских киргизов»; «О переименовании степи Зауральских

киргизов в область Оренбургских киргизов и о новом порядке управления сею областью»; «О военном устройстве Киргизской степи Оренбургского ведомства и Сыр-Дарьинской линии»; «Об управлении Алатавским округом, который составляют киргизы Большой орды, кочующие в юго-восточных частях Киргизской степи Сибирского ведомства»; «Об изъятии Большой орды, составляющих Алатавский округ Семипалатинской области из заведывания Министерства иностранных дел и передаче их в ведомство главного местного военного начальника Западной Сибири»; «Об образовании Туркестанской области»; «Об упразднении управления Сыр-Дарьинской линии и образовании вместо оною, управление Туркестанской областью»; «Об управлении Туркестанской областью» [76]. Все эти законодательные документы говорят о том, что царское правительство постоянно пыталось законодательно закреплять вводимую систему российского управления и все связанные с этим изменения, которые происходили на территории края.

Завершение присоединения Казахстана, Среднеазиатских земель к России, укрепление российских позиций на южных границах выдвинули задачи нового устройства этих территорий и их окончательного слияния с Россией. Для облегчения централизованного руководства Казахстаном предполагалось установить общее управление для всей территории края. Это была не из легких задач, поэтому для ее осуществления потребовалось создать Особый комитет, который должен был рассмотреть и изучить все возможные варианты вносимых изменений. В состав комитета вошли К. Врангель, Имшеник-Кондратович, П. Солнцев, А. Орлов, Г. Ловицкий, К. Селевестрович, Н. Довеновский [94, с. 417]. Члены комитета, изучив возможности учреждения в Казахстане общего управления, пришли к убеждению, что исполнение этой меры потребует значительных расходов и представляет существенные неудобства в административном и военном отношениях. По инициативе военного министра и министра внутренних дел была организована специальная «Киргизская степная комиссия» в июне 1865 года, которая в течение двух лет подготовила проект нового положения. В разработке временных положений принимали участие и казахские представители: Ч. Валиханов, М. Сейдалин, М. Чорманов.

Согласно царскому указу 1867 года «Об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства», признавая необходимым «изменить гражданское и военное устройство пограничных с Китаем и Среднеазиатскими ханствами земель, входящих в состав генерал-губернаторств Оренбургского и Западно-Сибирского», было образовано Туркестанское

генерал-губернаторство, состоящее из Сырдарьинской и Семиреченской областей [41, с. 281]. Соответственно данному указу был разработан проект положения «Об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей» [41, с. 282-316], который рассматривался как временный документ до выработки общего положения. Документ состоит из 398 параграфов и 8 разделов: 1. Устройство администрации; 2. Устройство суда; 3. Хозяйственные общественные управления в Сырдарьинской области; 4. Подати, сборы и земские повинности; 5. Устройство финансовой части в крае; 6. Устройство почтовой части; 7. Устройство медицинской части; 8. Особые права и преимущества службы в Семиреченском и Сырдарьинском крае.

Управление новой территорией возлагалось на генерал-губернатора, а управление областями – на военных губернаторов. Кроме того, генерал-губернатор являлся командующим войсками Туркестанского военного округа. Генерал-губернатор непосредственно назначался и увольнялся по усмотрению самого императора. Также «туркестанский генерал-губернатор снабжается полномочием и высочайше утвержденною инструкцией для ведения дипломатических сношений с соседними владениями» [41, с. 282]. Из документа видно, что власть генерал-губернаторов на местах почти была неограниченной, он являлся полновластным хозяином на территории своего губернаторства. Ему подчинялся весь царский управленческий аппарат: канцелярия, военные губернаторы, областное правление и т.д. Общее областное управление осуществляли военный губернатор и областное правление. «Военный губернатор, по особому положению края, соединяет в себе военное и военно-народное управление во вверенной им областях. Военные губернаторы определяются и увольняются именными высочайшими указами и высочайшими приказами, по представлению военного министра» [41, с. 283-284]. Областное правление приравнивалось к губернскому правлению центральных районов империи. Областное правление возглавлял помощник военного губернатора, который назначался по представлению военного губернатора. Само областное правление состояло из трех отделений: распорядительного, хозяйственного и судебного. В статье 36 документа полностью расписан основной круг вопросов, которыми ведает областное правление. Административная и полицейская власть в уезде сосредотачивалась в руках уездного начальника. Основные обязанности уездных начальников определены в статьях 46-55. По отношению к кочевому населению уезды делятся на волости, управляемые волостными управителями, а они, в свою очередь, на аулы, которыми управляет аульный старшина. Основные правила местного управления расписаны в статьях 80-128.

Одновременно с этим узаконением был подготовлен другой законодательный документ, который касался преобразований в управлении казаками других районов. В соответствии с указом «О преобразовании управления киргизами Оренбургского и Сибирского ведомств» [164, л. 327] было решено создать 4 области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую и Семипалатинскую. Временное положение об управлении этими областями было утверждено 21 октября 1868 г. [41, с. 323-340]. Данный документ состоит из 268 параграфов 7 глав: 1 гл. «Административное устройство», 2. гл. «Устройство суда», 3 гл. «Подати, сборы и земские повинности», 4 гл. «О пользовании и владении», 5 гл. «О правах киргизов», 6 гл. «Об управлении духовными делами киргизов», 7 гл. «О школах в степи». Основными целями этой реформы было: создание единой и более эффективной системы управления для всего Казахстана, увеличение налоговых сборов, для покрытия все возрастающих расходов административных чиновников и для содержания войсковых подразделений, распространение общероссийского законодательства на территории Казахстана, создание правовых основ для дальнейшей колонизации края, т.е. объявление всех земель собственностью Российской империи.

Главное управление областями Уральской и Тургайской принадлежало оренбургскому генерал-губернатору, а Акмолинской и Семипалатинской – генерал-губернатору Западной Сибири. Управление каждой областью под непосредственным начальством генерал-губернатора разделялось на областное и уездное. Областное управление осуществляли военный губернатор и областное правление. Председателем областного правления был вице-губернатор. Права и обязанности всех должностных лиц определены настоящим положением. Управление уездом осуществлял уездный начальник, который назначался генерал-губернатором по представлению военного губернатора области. Кочевое население в каждом уезде делилось на волости, возглавляемые волостным управителем, а волости на аулы, которые возглавлял аульный старшина. Эти должности были выборными, но в конечном итоге кандидатов на выборы должны были утвердить российские власти. «Волостные управители и аульные старшины избираются на три года. Волостные управители и кандидаты их утверждаются губернатором, аульные старшины и их кандидаты – уездным начальником» [41, с. 328]. Волостные управители должны были наблюдать за сохранением спокойствия и порядка в волости, за соблюдением законов, за исправной уплатой подати и повинностей и т.д. Аульный старшина выполнял все эти обязанности в ауле и полностью подчинялся волостному управителю.

В результате проведения административно-территориальных реформ 1867-68 гг. Казахстан был поделен между тремя генерал-губернаторствами: Оренбургским, Западносибирским и Туркестанским. Каждое генерал-губернаторство состояло из двух областей, а всего их было шесть: Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская и Сыр-Дарьинская. На этих территориях сложилась следующая основная система административного деления: генерал-губернаторство – область – уезды – волость – аул. Согласно данному документу, Туркестанское генерал-губернаторство непосредственно подчинялось Военному министерству, Западносибирское генерал-губернаторство было отнесено к ведению Министерства внутренних дел, а Оренбургское генерал-губернаторство находилось в подчинении Министерства иностранных дел. Это говорит о том, что высшее управление всей территорией края не было единым, что по-прежнему вносило путаницу и определенные трудности. Академик С.З. Зиманов по этому поводу писал: «Вопросы, относящиеся к Казахстану, рассматривались в Сенате, Государственном совете, в министерствах иностранных и внутренних дел, государственных имуществ и военных дел, Сибирском комитете. Причем решение одного из этих учреждений часто оставалось неизвестным для других. Это и неудивительно, если учесть, что казахская степь была разделена в административном отношении между различными центральными управлениями и ни одно из них, можно сказать, не занималось вопросами всей политики в полном объеме. В текущей политике местные пограничные начальники имели значительную свободу» [45, с. 254].

Таким образом, временные положения «Об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей» и «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» продолжили, проводимую еще с начала XIX века, политику правового закрепления своих позиций на данных территориях. Эти положения установили на территории Казахстана новое административно-территориальное деление, которое в корне меняло традиционную систему управления, усилило процесс разложения патриархально-родовых связей внутри казахского общества, создало юридические условия для дальнейшей эксплуатации края. Как отмечал К.А. Жиренчин: «Неравноправность заключалась и в том, что на него, как на отсталую колониальную окраину, не было распространено действие многих буржуазных реформ, которые были проведены в метрополии, т.е. даже относительно малые свободы, которые провозглашались ими, были признаны неприменимыми к Казахстану. Казахстан, как

внутренняя колония Российской империи, исходя из положений реформ 1867-68 гг., не мог обладать и не обладал независимой законодательной властью» [63, с. 106]. Как образно высказался депутат первой Государственной думы Т.И. Седельников: «Это положение было одним из решающих поворотных моментов: оно проводило резкую и определенную грань между прошлым степи и ее будущим» [165, с. 20].

Эти положения по управлению казахским краем вводились как временная мера. Об этом сохранилась запись в документах: «Принимая во внимание, что в означенном проекте, обнимающем обширный круг предметов, содержатся весьма существенные отступления от действующих узаконений, равно имея в виду, что в делах, подобных настоящему, один лишь опыт может служить безошибочным надежным руководителем, Комитет, согласно заключению соединенных департаментов Государственного Совета, признал более осторожным, не утверждая ныне означенного проекта положения как закона постоянного, допустить применение оного в виде опыта...» [41, с. 320]. Однако эти реформы продолжали действовать на территории Казахстана почти 20 лет. Время и сама жизнь показали несоответствие как административной, так и судебной систем, введенных положениями на территории края, местной действительности. Они не учитывали особенностей традиционного уклада жизни казахского общества, разрушали его основы и, следовательно, встретили решительное сопротивление со стороны народа, которое вылилось в ряд национально-освободительных движений на территории Казахстана. Тем не менее, царское правительство не оставляло своей главной цели - «добиться постепенного слияния киргизских степей с прочими частями России».

Соответственно поставленным целям царизм провел еще ряд крупных изменений в отношении административного управления областями Казахстана, которые нашли отражение в следующих законодательных документах: «О военном управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях»; «Об открытии в Акмолинской области пятого Сары-Суйского уезда по реке Сары-Су»; «О передаче управления Внутренней Киргизской орды в ведомство астраханского начальства»; «Об упразднении Оренбургского генерал-губернаторства и о подчинении Уральской и Тургайской областей министерству внутренних дел»; «Об изменениях военного управления в областях Акмолинской и Семипалатинской»; «О сосредоточении высшего надзора по управлению областями Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской в лице генерал-губернатора»; «О преобразовании в областном управлении Сыр-Дарьинской области» [76] и др.

В результате принятия этих законодательных актов в 80-х годах XIX века произошли административно-территориальные изменения в управлении казахским краем. В 1881 г. соответственно царскому указу «Об упразднении Оренбургского генерал-губернаторства» ликвидируется Оренбургское генерал-губернаторство, а области Уральская и Тургайская непосредственно подчинены Министерству внутренних дел [76]. В 1882 г. соответственно царскому указу по предложению Военного министерства было упразднено Западносибирское генерал-губернаторство [94, с. 451]. Вместо него было образовано Степное генерал-губернаторство, в состав которого вошли Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области. Границы между Степным генерал-губернаторством и Туркестанским краем были определены указом от 15 марта 1886 г. «Об изменении границ между Туркестанским и Степным генерал-губернаторством» [166]. В связи с этим появилась необходимость выработки нового положения по управлению этими областями. Подготовительная работа по созданию проекта положения заняла длительное время, примерно около десяти лет.

Большая роль в освещении деятельности местных чиновников на окраинах России, органов управления, в раскрытии истинного положения дел в том или ином районе принадлежит материалам сенаторских ревизий. Институт сенаторских ревизий играл важную роль в надзоре за управлением в России, особенно на национальных окраинах. «С 1800 до 1915 года в России было проведено 120-125 сенаторских ревизий. Наибольшее число их, примерно 80, относится к первой половине XIX века. Затем количество их резко падает, а после 1880 года подобные ревизии не назначались свыше 20 лет. С 1905 по 1917 гг. было проведено 11 сенаторских ревизий» [167, с. 152]. Правительство считало, что данные ревизии являются наилучшим способом узнать истинное положение вещей в губерниях и провинциях. Эти ревизии помогали получить сведения о состоянии дел на окраинах, собрать материал для подготавливаемой реформы, ближе познакомиться с деятельностью местных органов управления. В последующем эти материалы ложились в основу тех или иных реформ, проводимых на вновь присоединенных территориях. Так, например, в 1880 году была проведена комплексная сенаторская ревизия 9 губерний России, в том числе и Оренбургской, сенаторами М.Е. Ковалевским, И.И. Шамшиным, А.А. Половцевым, С.А. Мордвиным. Министр внутренних дел ставил следующие задачи перед этой ревизией: «Ревизия ваша не будет простой сенаторской ревизией, какими они бывали прежде: здесь речь идет не о предании суду и отрешении от должности лиц, оказавшихся виновными в каких-либо

злоупотреблениях; нет, здесь надо посмотреть, как бы устранить общие неудобства нашего провинциального правительствующего порядка, как бы привести к единству, к согласию все то, что, быть может, не всегда в одном направлении было сделано законодательной властью за последнее время» [167, с. 238-239]. Ревизоры собрали огромный материал по всем разделам наставления, который поступил в особую комиссию для составления проектов местного управления под председательством статс-секретаря М.С. Коханова. В 1882-83 гг. по приглашению нового генерал-губернатора М.А. Черныяева в Туркестанском крае была проведена ревизия, которой руководил Ф. Гирс, тайный статский советник, бывший член Стенной комиссии. Эта ревизия была организована с целью более полного и точного изучения территории Туркестанского края. В своем отчете он отметил очевидные недостатки выборной системы при формировании местного самоуправления: «...Обыкновенное явление при выборах: борьба партий, желающих провести своих кандидатов... Каждая сторона для устранения противника не стесняется в выборе средств, прибегая к жалобам, доносам, большей частью ложным, а главным образом, к подкупам избирателей. При выборах иногда дело доходит даже до беспорядков...» [167, с. 239]. Тем не менее, Ф. Гирс был против отмены выборного начала в казахской степи. Он объясняет это тем, что, во-первых, русские чиновники все еще плохо знают туземцев и в случае неудачного назначения население будет винить русскую власть; во-вторых, если начальник растратил собранные налоги, то возмещение нельзя было потребовать с населения, которое этого начальника не выбирало; и, наконец, население дорожит выборным правом, поэтому нет оснований лишать их этого права, которое к тому же закреплено за ними российскими законами. Ф. Гирс предложил следующие меры: 1) возможность выбирать трёх кандидатов на должность волостного управителя с правом местного губернатора утверждать одного из них; 2) передача права сбора налогов от волостного управителя к сельским старшинам; 3) рассмотрение случаев подкупа избирателей в русском суде и, наконец, законодательное запрещение пятидесятникам (выборным) иметь полицейские функции и выступать в роли подручных волостных управителей [167, с. 240]. Эти предложения Ф. Гирса нашли отражение в дальнейших положениях по управлению Туркестанским краем. Как показывают материалы ревизий, процессы бюрократизации постепенно все глубже проникали в общество вновь присоединенных районов.

Вопрос о необходимости дальнейшего реформирования административной и судебной системы в крае все настойчивее стал

подниматься даже среди самих царских чиновников. В результате 12 июня 1886 г. было издано положение «Об управлении Туркестанского края» [41, с. 352-379], которое стало основным правовым актом, по которому жило население южного Казахстана до 1917 г. Положение состояло из 331 параграфа и 4 разделов: административное устройство, судебное устройство, поземельное устройство, подати и повинности. В состав Туркестанского края вошло три области: Сыр-Дарьинская, Ферганская и Самаркандская. В 1897 г. в состав Туркестанского генерал-губернаторства вошла и Семиреченская область. Власть генерал-губернатора «определяемому и увольняемому по непосредственному усмотрению его императорского величества» была еще больше расширена. Во главе области стояли военные губернаторы и областное правление. Военные губернаторы назначались и увольнялись по представлению военного министра, основанному на предварительном соглашении с министром внутренних дел, и генерал-губернатором Туркестанского края. Волостные управители, сельские старшины и их помощники назначаются по выбору населения на три года, однако военному губернатору предоставлялось право утвердить или не утвердить выборы. Эти положения юридически закрепляли колониальный статус Казахстана в составе России.

Принятые законодательные акты не успевали соответствовать тем переменам, которые происходили в жизни казахского края. На это указывает факт, что в дополнение приняты были следующие законодательные акты: «О некоторых частных изменениях в положении и штатах Туркестанского военного округа»; «О преобразовании в областном управлении Сыр-Дарьинской области» [76].

Быстро меняющиеся условия, необходимость завершить внедрение общей российской системы управления требовали разработки новых законодательных документов, которые бы соответствовали исторической действительности и отражали все те изменения, которые происходили в экономике, в обществе края. В марте 1891 г. было принято положение «Об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» [41, с. 387-399] или более известное в истории как Степное положение. Этот документ состоял из 168 параграфов, введения и 4 разделов. В первом разделе «Административное устройство» определены основные вопросы управления этими областями, права и обязанности генерал-губернатора, рассмотрены местные административные установления: областные, уездные, городские, управление оседлым населением, духовными делами инородцев. Главное управление этими областями передавалось степному генерал-губернатору, который непосредственно назначался и увольнялся

самим императором. Статья 17 предоставляла генерал-губернатору право «высылать вредных по политической неблагонадежности инородцев, в назначенные по соглашению с министром внутренних дел, местности империи на срок не свыше пяти лет» [41, с. 388]. Этим самым усиливалась единоличная власть генерал-губернатора в этом районе как административного представителя царской монархии. Областное управление образуют: военный губернатор и областное правление. В областях Семиреченской и Уральской военные губернаторы являются также наказными атаманами казачьих войск. Уезды находились в ведении уездных начальников, административные функции которых также были значительно расширены. Кочевое население в каждом уезде разделяется на волости, а волости на аулы. Сохранилась выборная система волостных и аульных начальников. За усердную службу должностные лица из инородцев награждались почетными халатами и денежными премиями. В целом данное положение упорядочивало систему управления Степными областями, отменяло временный характер предыдущих реформ 1867-68 годов, значительно расширяло функции администрации, содержало серьезные дополнения и уточнения судебного устройства, внесло изменения в налоговую политику. «Объективно сыграв положительную роль в урегулировании всей противоречивой, сложной системы хозяйственных и социально-политических процессов, реформа окончательно превратила край в колониальную окраину, ускорив освоение Казахстана, облегчив российским предпринимателям выкачивание громадных природных и иных богатств региона, усугубляя ситуацию фискальной политики правительства» [94, с. 437]. В связи с принятием этого положения А. Букейханов констатировал: «Говоря короче. введение в стране Степного положения, созданного бюрократическим путем, без всякого соображения с истинными потребностями населения, неуважение к закону со стороны власти, ставящей на место последнего свое усмотрение, полное пренебрежение к правам личности: административное насилие... пренебрежение к духовным и экономическим интересам киргиз, искусственно поддерживаемое невежество массы - все это привело население к обеднению, а его культурное развитие к застою» [168, с. 76].

Однако и эта реформа не соответствовала быстро меняющимся нуждам края, она по-прежнему отставала от жизни. Волокита, бюрократизм, неразбериха, которые царили в царских государственных органах, способствовали длительному времени прохождения закона. Как писали представители царской администрации: «Опыт дал уже указания на недосмотры, допущенные при его составлении и на

несоответствие некоторых правил и штатов современным условиям жизни Степного края» [169, л. 4]. Поэтому позже появляются новые законодательные акты, которые вносили поправки в существующее законодательство. Такие, как: «Об изменении некоторых постановлений положения об управлении Туркестанского края, касающихся административного его устройства»; «Об изменении статьи 18 положения об управлении Туркестанским краем»; «О перечислении Закаспийской области из состава Грузинской епархии в Туркестанскую»; «О предоставлении туркестанскому генерал-губернатору права передавать на рассмотрение состоящего при нем Совета вопросы по общему управлению Семиреченской и Закаспийской областями» [76] и др.

Таким образом, на примере законодательных документов царизма видно, что процесс правового закрепления колониального статуса Казахстана в составе России осуществлялся постепенно и растянулся почти на целый век. Вопрос административно-территориального устройства Казахстана был очень сложным и длительным, так как сам процесс присоединения Казахстана к России был противоречивым и неоднозначным. Стремление быстрее закрепиться и внедрить свое управление на завоеванных территориях, незнание и нежелание учитывать местные особенности, обширность казахских земель, отчаянное сопротивление проводимым реформам со стороны казахского народа, несоответствие данных преобразований быстро меняющимся историческим условиям, – все это способствовало тому, что административные реформы царизма не соответствовали объективной местной действительности. Это, в свою очередь, приводило к принятию многочисленных законодательных актов, которые дополняли, отменяли предыдущие законы или даже противоречили друг другу. В целом законодательство Российской империи исследуемого периода было направлено на укрепление и расширение позиций царского самодержавия на территории Казахстана, способствовало юридическому обоснованию российской системы управления и окончательному превращению его в колониальную окраину.

Глава 3.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ ИМПЕРИИ ПО ВОПРОСАМ ИЗМЕНЕНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА

Из анализа законодательных актов, принятых царизмом в отношении Казахстана, видно, что большое количество принадлежит законам, которые регулировали правовые вопросы, и те, которые были направлены на внедрение российской системы судопроизводства. Потому что именно они подводили юридическую основу для колонизации края, для успешного проведения административных, экономических и других реформ на территории Казахстана.

С первых законодательных документов, касающихся присоединенных территорий Казахстана, царское правительство обращало внимание на систему правосудия. В инструкции, данной статскому советнику Ивану Кирилову 18 мая 1734 г., в пункте 11 говорилось о необходимости выяснить и узнать, как обстоят дела с судебными разбирательствами в Младшей орде: «Впрочем, что касается до распорядка в суде и правосудии, о том смотреть на обычай каждого народа, как и почему в коем народе правые удовольствие получают, а виновных штрафуют, так и в помянутых судах установить; ибо наше всемиловитвейшее соизволение есть, чтобы все, кто бы какой веры и народ ни был, справедливостью и судом скорым довольствовались, и тем напрасные озлобления в волокитах, и незнающему наших Российских судных прав народу неправые в суде вымыслы пресечены были» [119, с. 325]. Далее в указе указывается на то, что надо создавать новые суды, в которые вошли бы представители от русской и казахской знати: «В тех судах быть первыми из наших русских людей по два или по три человека, а с их сторон такое число лучших людей ханских детей из султанов и из старшин...» [119, с. 324].

Казахи в начальный период присоединения всячески нарушали условия договора с Россией: совершали набеги на подданных России башкир и калмыков, грабили купеческие караваны, своевольно переходили и занимали пустующие земли за Уралом, Иртышом, Тоболом. Тем не менее, к концу XVIII века на присоединенных территориях стала все ощутимее проявляться колонизаторская направленность политики России в отношении казахских земель. Недовольство такой политикой вызвало естественный рост сопротивления со стороны казахского населения, которое вылилось в ряд национально-освободительных движений. В связи с этим царское правительство стало принимать соответствующие правовые меры по наказанию казахов, недовольных проводимой политикой царизма, и осуществлять решительные меры по внедрению российской системы управления и судопроизводства. В

1784 г. выходит в свет именной указ, в котором говорилось, что для разбирательства дел, возникших как между русскими, так и между казаками необходимо учредить в Оренбурге пограничный суд. Такой суд на основании сенатского указа «Об открытии в Оренбурге пограничного суда» [170] был открыт в 1786 г. под председательством обер-коменданта, в его состав входили два офицера, два купца, два поселанина, один султан и шесть киргизских старшин, которые должны были меняться каждые 3 года. При решении всех дел суду вменялось в обязанность поступать на основании российских законов. Пограничные суды были позже открыты и на территории Среднего жуза. На это указывает сенатский указ «Об открытии пограничного суда в Петропавловской крепости» [171]. Царское законодательство определило также штат и ежегодную сумму, которая выделялась на содержание новых судебных органов. На содержание пограничного суда в Оренбурге выделялось по штату 5400 рублей в год, а на содержание расправ и начальников по 3080 рублей и сверх того отпускала 91 четверть хлеба старшинам расправ [172, с. 612]. Организация новой системы судопроизводства, построенная на общероссийских законах, позволяла русским властям широко исполнять административные, полицейские и судебные функции на территории Казахстана. Таким образом, уже в конце XVIII века Россия пытается внедрить в систему судопроизводства законы империи и своих представителей.

О необходимости введения нового судебного органа в Младшем жузе говорилось в ответе Екатерины II на письмо О. Игельстрома «Об учреждении расправ в Малой орде, о ханской власти и прочее» [41, с. 72-73]. Для наведения порядка в судебных делах Младшего жуза указом от 7 декабря 1787 г. «Об учреждении в Киргиз-Кайсацкой орде трех расправ» [127] были открыты особые судебно-административные учреждения – расправы, которые подчинялись непосредственно Оренбургскому пограничному суду. В именованном указе Екатерины II «О разделении степи для киргизцев на три части; о построении городов, мечетей, школ и гостиных дворов; о разборе в пограничном суде одних судебных гражданских и уголовных дел и о заведении расправ», было написано: «...Расправам оным состоять под апелляцией пограничного суда, в Оренбурге учреждаемого» [173, с. 604]. Все мероприятия, направленные на изменение старой и внедрение новой административной системы управления и судопроизводства, получили в истории название «реформы Игельстрома».

Согласно прошению казахской знати Младшего жуза, в 1787 году были открыты в трех родах этого жуза еще две расправы. Это подтверждают следующие законодательные документы: «О

доставлении киргиз-кайсакам в случающихся между ними распрях и жалобах скорого и справедливого удовлетворения; и о снабжении их потребным числом мулл» [174]; «Об учреждении в трех главных родах Киргиз-Кайсацкой Меньшой орды еще по две расправы и по одному мулле, и о заведении одного суда в обществе Джагалбайменском» [175]. В 1791 г. разрешено было учредить расправу в Кердаринском роде [176], а в 1794 г. была образована Нуртаевская расправа [177]. В каждой расправе полагалось иметь по выбору народа председателя из старшин, по два заседателя и письмоводителя из татар. Эти старшины становились чиновниками, т.к. за свою службу получали денежное и продовольственное вознаграждение. В 1787 году генерал-губернатор О. Игельстром утвердил правила для расправ в Младшем жузе. По этим правилам расправа обязана была отправлять правосудие по внутриродовым уголовным и гражданским делам; удерживать население в «благочинии, добронравии и порядке»; обнародовать и проводить в жизнь все решения генерал-губернатора; наблюдать, чтобы байулинцы не делали набегии на границы с целью захвата людей и угона скота, а местное население не укрывало грабителей и награбленное. Расправа должна была состоять в переписке с Оренбургским пограничным судом, куда отправляла донесения и получала распоряжения. Однако на деле многие расправы так и не были открыты и долгое время существовали только на бумаге. Десятилетний опыт существования пограничного суда показал бесполезность этого учреждения, так как сюда поступало очень мало дел. и казахи почти не обращались туда за правосудием. По докладу Правительствующего сената от 19 июля 1804 г. вышло высочайшее повеление, отменяющее расправы. По этому поводу было написано: «По штату Оренбургской губернии положенные в число пограничных учреждений пять расправ в киргиз-кайсацкой Меньшой орде, яко не нужные и никогда на самом деле не существовавшие, отменить и жалование расправным судьям и старшинам главным и родовым до ныне отпускаемого тем, кои оное получают, продолжать по смерти или если до того времени не подвергнут себя по каким-либо обстоятельствам лишению оногo» [21, с. 39]. Таким образом, попытка введения в казахской степи суда, подчиненного русской власти и основанного на общеимперских законах, в конце XVIII века не увенчалась успехом.

В связи с таким положением дел по высочайше утвержденному штату 19 марта 1799 г. вместо пограничного суда и пограничной экспедиции была образована Оренбургская пограничная комиссия [21, с. 38]. Председателем комиссии по-прежнему был комендант, также в состав комиссии входили 2 русских асессора, а от казахов 1 султан и

2 старшины, которые переизбирались каждые три года. В пограничной комиссии производились дела: «следственные, скоротекущие, до казны относящиеся, и уголовные, по коим решения и представления вносятся на рассмотрение и апробацию главному местному начальнику, от коего по получению разрешения и исполняются оные, без всякой куда в высшее место апелляции в случае неудовольствия» [21, с. 39]. В этом же году вводится очередная попытка внедрения общих законов империи на территории Казахстана. Соответственно сенатскому указу 1799 г. «О поступании с преступниками, изблеченными в смертоубийстве на основании общих узаконений» [178] было решено осуждать киргиз-кайсаков за убийство на вечную каторгу на основании общих узаконений.

Царское правительство целенаправленно продолжало осуществлять политику «разделяй и властвуй», внося разногласия и раздор в среду казахской знати. Султаны и старшины, которые занимали определенные посты на службе у царских властей, пользовались огромными правами и привилегиями. Другие представители казахской знати, не поддерживающие новую власть, постепенно теряли свои полномочия. В 1806 году Александром I были утверждены «Правила для ханского совета» [41, с. 45-46]. Ханский совет состоял из председателя, утвержденного военным губернатором, и 6 советников, которые утверждались главнокомандующим войском Оренбургской линии. Данная организация обладала полицейскими, судебными и административными функциями с правом применения репрессивных методов для непокорных казахов. «Бесконечная смена форм управления жузом, построение военных укреплений и усиление воинских гарнизонов, искусственное создание беспорядков, активное вмешательство царских властей во все внутренние казахские дела с целью углубления раскола внутри казахской элиты – все это подготовило почву для окончательного завоевания и уничтожения казахской государственности» [179, с. 145].

Несмотря на то, что казахский народ оказывал упорное сопротивление введению новой системы управления, российских правил судопроизводства, царизм продолжал медленно, но верно осуществлять свою колонизаторскую политику в отношении присоединенного края. Новые попытки внедрения судебной системы подобной имперской были предприняты в начале XIX века. В 1822 году по высочайше утвержденному уставу «О сибирских киргизах» казахи Среднего жуза вошли в состав Омской области. Реформа затронула и судебную систему, главная задача в данном вопросе заключалась в том, чтобы распространить на Казахстан общероссийские законы. Вопросы судопроизводства посвящена 5 глава «Наказ судебный».

состоящая из 3 отделений: 1 отделение «Дела уголовные», 2 отделение «Дела искивые», 3 отделение «Дела по жалобам на низшие управления высшим». В статьях с 205 по 227 изложены основные положения судопроизводства в казахском крае. Все судебные дела киргизов делятся на три рода: а) уголовные, б) искивые и в) по жалобам на управление. Основные судебные функции теперь были сосредоточены в руках органов русской власти – заседателей окружных приказов. Окружным приказам, которые судили по общим законам России, были подсудны только уголовные дела казахов: государственная измена, убийство, грабежи и барымта, но и эти дела затем поступали на ревизию в областной суд. Все остальные дела считались искивыми и решались словесно судами биев по народным обычаям. Если кто-то был не согласен с решением суда биев, то дело передавалось в виде письменной просьбы областному начальству [41, с. 103-104].

Данные изменения суда коснулись и Младшего жуза. Управление жузом осуществлялось пограничной комиссией. По царскому указу от 4 января 1828 г. было определено положение и штат Оренбургской пограничной комиссии [180]. В ее состав входили председатель, 2 советника, 2 ассессора и 3 представителя от казахского народа. Для производства следственных и исполнения других дел было назначено 2 чиновника. В целом все важные судебные разбирательства подлежали суду пограничной комиссии, а незначительные дела оставались в ведении местных судов на основе обычного права.

Однако реформы 20-х годов XIX века года не успокоили казахский народ, а, наоборот, дали новый толчок для развития национально-освободительной борьбы. Постоянные столкновения между местным населением и казаками способствовали тому, что местные власти стали обращаться к правительству с инициативой и начали подготовительную работу для принятия новых узаконений относительно усмирения казахов. Об этом свидетельствуют архивные материалы. Например, до сих пор в фондах архивов сохранились дела: «О наказаниях, предусмотренных для киргиз-кайсака в случае совершения ими тяжких преступлений» [181], «О порядке рассмотрения гражданских и уголовных дел сибирских киргизов» [182], «Об осуждении военным судом киргиз Оренбургского ведомства за убийство и захват русских» [183]. В результате длительной подготовительной работы появился указ «О рассмотрении наказаний киргизов по гражданским и уголовным делам командующим Сибирской линией», в котором было написано, что «продерзости тех киргизов шалости и против их виновности, чинимые внутри России, яко народом более военным и кочующим, предоставить и впредь рассматривать и наказывать командующим

Сибирскими линиями генералитета законам» [183, л. 8]. В законе «О порядке производства дел по искам в тяжких обидах между отставными оренбургскими и уральскими казаками и тамошними инородцами», вышедшем в 1836 году [184], также указывалось о необходимости изъятия дел о тяжких обидах, наносимых казаками инородцам из ведомства уездных судов и о подчинении суду военных комиссий. В том же году был издан высочайший указ «О разбирательстве взаимных исков и притязаний полнейных российских жителей Оренбургской губернии с киргизами в оренбургской комиссии» [185], который подтверждает выше изложенные положения.

О необходимости подчинения казахов военному суду говорится в следующих указах: «О предоставлении права оренбургскому военному губернатору решать окончательно военно-судные дела...» от 24 июня 1837 г.; «О суждении киргиз за преступления военным судом» от 3 ноября 1837 г.; «О подсудности военному суду некоторых преступлений, совершенных киргизами, проживающими в Оренбургской губернии» от 18 ноября 1837 г.; «О суждении военным судом всех без изъятия лиц, постоянно или временно проживающих в Сибири» от 25 апреля 1857 г. [76]. Эти документы подтверждают факт, что в период разгара национально-освободительной борьбы под руководством К. Касымова для усмирения казахов царское правительство усиливает судебную ответственность местного населения и тем самым вводит повсюду военные суды. Как писал И. Крафт: «Судопроизводственные законы, действовавшие в киргизских степях, отличались большой неполнотою и весь продолжительный период, протекший до отделения суда от административных учреждений ознаменовался целым рядом поправок и дополнений законов о подсудности и о наказаниях. В то же время издавались исключительные законы о подсудности киргиз военному и даже полевому суду за разбой, долгое время не прекращавшийся в Малой и Большой ордах» [21, с. 43].

Несмотря на сопротивление со стороны казахского населения, царское правительство постепенно на территории Казахстана внедряло российскую систему судопроизводства и осуществляло политику подчинения всех проживающих на данной территории общероссийским законам. В связи с этим 12 декабря 1837 года появляется следующий законодательный документ «О распространении на сибирских киргизов положения 22 июня 1837 г.», которым «определено судить сибирских кочевых инородцев за преступления и проступки в русских городах и селениях, учиненных на основании общих законов» [186].

По мере введения устава от 22 июля 1822 года в степи сибирских киргизов встречались затруднения в управлении очень обширной

Омской областью. Поэтому в 1838 г. было принято положение «Об отдельном управлении сибирскими киргизами» [41, с. 176-182], согласно которому для управления сибирскими киргизами учреждалось в Омске областное административно-судебное управление под названием пограничное управление сибирскими киргизами. «Пограничное управление составляет одно нераздельное присутствие, соединяющее в своем составе власть и обязанности губернского правления, казенной палаты и губернского суда, и руководствуется правилами, для каждой из сих частей губернского управления постановленными» [41, с. 180]. По части военного управления при пограничном начальнике состоят: старший адъютант, аудитор, штаб-лекарь, переводчик и канцелярия. Это означало усиление военного присутствия на данной территории в связи с ростом национально-освободительного движения. В состав пограничного управления входили четыре советника, в числе их один киргизский ассессор, стряпчий казенных и уголовных дел. Представители местной знати выбирались под непосредственным контролем пограничного начальника. Судебный отдел рассматривал гражданские дела, если сумма иска превышала 2000 рублей, должностные преступления чиновников и уголовные преступления. По исковым делам в размере до 2000 рублей окончательные решения выносил окружной приказ, до 5000 рублей – пограничное управление [41, с. 176-182]. Кроме того, пограничному управлению было поручено скорейшее собрание, рассмотрение и представление на утверждение киргизских законов и обычаев. Это объясняется тем, что полностью перейти на российскую систему судопроизводства у российских властей не хватало сил. В это время в степи были еще популярны народные суды биев, на что было указано в документе: «Дела, возникающие между киргизами, разбираются по законам и обычаям сего народа, а дела между лицами гражданского ведомства – по общим государственным постановлениям» [41, с. 181].

Ввиду того, что в казахской степи не было достигнуто спокойствие, продолжались массовые беспорядки и погромы, 31 мая 1838 г. последовал высочайший именной указ «О невозвращении в орду киргиз, отсылаемых за преступления в арестантские роты» [187]. В этом документе было написано, чтобы киргиз, отбывших наказание в арестантских ротах, в родные места не возвращать, а годных из них и надежных отдавать в солдаты, прочих отправлять в Иркутскую губернию на поселение. Это положение было изменено 31 мая 1848 г. исключением первой части, предусматривающей отдачу киргиз в солдаты [188], но ссылка в Иркутскую губернию сохранялась до отмены ее в 1891 г. по Степному положению [189].

В самый разгар восстания Кенесары Касымова в 1844 г. было издано положение «Об управлении оренбургскими киргизами» [41, с. 216-226]. По данному документу сохранялась прежняя пограничная комиссия, осуществляющая общее управление оренбургскими казахами. Изменился только ее штат: вместо 2 советников 2 ассессоров и 3 представителей от киргизского народа, теперь полагалось по штату 4 советника и 4 заседателя от казахов. Управление в степи по-прежнему оставалось в руках султанов-правителей, но введены были еще мелкие административные подразделения – дистанции и аулы. Решением судебных дел занимались 2-е и 3-е отделения пограничной комиссии. Эти вопросы нашли отражение в ст.56-78. Подсудность казахов была разграничена между военным, общим и народным судами по свойству преступных деяний и по сумме исков. Военному суду казахи подлежали за измену, убийство, барымту, захват русских и возмущение против правительства. Суду по общим законам и решению пограничной комиссии подлежали дела о краже и мошенничестве на сумму 20 руб., о кормчестве, насилиях всякого рода, тайному переходу через линию и гражданские иски между собою на сумму свыше 50 руб. Все остальные дела подлежали решению народного суда по казахским обычаям. Вместе с тем ст. 78 положения указывает на то, что бии могут применять в качестве наказания следующие виды: отдача под надзор, заключение под стражу, вознаграждение убытков, публичная временная работа, телесное наказание розгами. А по наиболее важным проступкам могли быть назначены наказания: отдача в солдаты, ссылка в Сибирь. Эти виды наказания также в народный суд были введены под влиянием российского законодательства.

Однако в степи истинное положение дел оставалось прежним, так как ездить за сотни верст в Оренбург для решения судебных дел было сложно. В связи с таким положением дел И. Крафт писал: «Трудно себе представить, как могли разбираться киргизы в Оренбурге по всем искам на сумму свыше 50 руб., когда для этого пришлось бы приезжать сторонам за сотни и даже тысячи верст? Нужно было бы создать органы судебной власти внутри степи и тогда, может быть, народный суд постепенно уступил свое место суду более совершенному, в особенности при наличии полного свода киргизских обычаев. Ничего подобного сделано не было и огромное большинство дел, возникавших между киргизами, осталось по-прежнему в ведении народного суда и султанов-правителей» [21, с. 46-47]. Новым было введение института попечительства при пограничной комиссии. Главной причиной введения попечительского надзора стали многочисленные столкновения казахского населения с казачеством.

Поэтому главная задача попечителей была «защита и ограждение сих киргизов по всяким делам их с лишнейными жителями», т.е. они должны были наблюдать за скорейшим и правильным течением судебных дел между казахами и казаками. Как пишет исследователь А.Ж. Касымбаев: «Положение 1844 г. было призвано свести на нет основы степных законов и узаконить начинавшие складываться административно-судебные реалии в регионе» [56, с. 24].

Большое беспокойство у царских чиновников вызывала дача ложных показаний в суде, ложные доносы. В связи с этим 11 декабря 1844 г. появилось высочайшее повеление «О порядке осуждений киргизов за лжесвидетельство» [190]. Этим законом было установлено подвергать казахов общему суду за ложные, под присягой данные показания по всем гражданским и уголовным делам. «За принятие киргизами ложной присяги против своих единоземцев исключительно по делам: об измене, убийстве, грабеже, барымте и явном не повиновении установленным властям; равно как по всем вообще искомым и уголовным делам против русских и других людей, не принадлежащих к киргизскому племени, производить суд по точной силе российских законов» [190]. Царское законодательство по вопросу о лжесвидетельстве несколько раз менялось на протяжении определенного времени. Через несколько месяцев после издания закона 11 декабря 1844 г. было опубликовано уложение о наказаниях 1845 г., где лжесвидетельство не упоминается в числе преступлений, подсудных общему суду. По закону 19 мая 1854 г. к уголовным преступлениям, за которые сибирские киргизы подлежали общему суду, отнесено и лжесвидетельство. В декабре 1864 года вышло положение Сибирского комитета «О распространении общих законов империи, касательно наказаний за несправедливые доносы и ложные при следствии показания» [191]. Но по реформам 60-х годов XIX века ни лжесвидетельство, ни лживые доносы не упомянуты в числе преступлений киргиз, подсудных суду по общим законам. Только по положению «Об управлении Туркестанским краем» киргизы подлежали общему суду за лживые доносы и лжесвидетельство (ст. 141 положения). С 1 октября 1893 г. этот закон был распространен и на Степные области.

В 1845 г. было издано положение «О наказаниях уголовных и исправительных» [192], которое определяло подсудность казахов, различавшееся по административному делению территории, ими населяемой. Сибирские киргизы, как говорилось в уложении, судятся вообще по своим законам и обычаям. Однако за измену, убийство, разбой, барымту и явное неповиновение властям они подвергаются

наказаниям по общим законам империи. Киргизы Оренбургского края по делам об измене, убийстве, разбоях, барымте, захвате русских и настрое против правительства должны были судиться военным судом. Общему суду по законам империи они подлежали за воровство, кражу, мошенничество на сумму свыше 30 руб., насилие и переход через линию. По всем остальным преступлениям киргизы судились по своим народным обычаям. Народному суду предоставлялось право определять следующие виды наказания: отдачу под надзор; заключение под стражу; вознаграждение за убытки; публичную временную работу; телесное наказание розгами. В наиболее важных делах разрешалось отдавать в солдаты или ссылать в Сибирь на поселение. Примечательно, что за одни и те же преступления казахи, проживающие на разных территориях, подвергались разным наказаниям. Естественно, что такое различие в ответственности перед законом вызывало много трудностей, непонятностей, что приводило к различным столкновениям и с властями, и между собой, и казаками.

По мере продвижения русских войск на территорию Старшего жуза царским правительством было признано необходимым усилить ответственность казахов Старшего жуза за важные преступления. Именным высочайшим указом от 3 декабря 1852 г. было решено: «киргизов Большой орды, которые будут пойманы на месте и уличены в барымте, убийстве и грабеже, предавать военному суду» [193]. По исковым делам бии получили право присуждать, кроме штрафов, к телесным наказаниям и аресту от семи дней до месяца. Вместе с тем был ограничен круг лиц, которые имели право быть биями.

Русское правительство вело беспощадную борьбу с барымтой, т.е. насильственным угоном скота, которое было характерным явлением на территории Казахстана в XVIII - XIX веках: ею занимались и казахи, и прилинейные жители, и казачество. Многие жители стали увеличивать свое поголовье скота за счет конокрадства, которое постепенно стало принимать широкие размеры. Для прекращения конокрадства было принято высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «О мерах по прекращению конокрадства в Западной Сибири» [194]. По этому документу были установлены следующие правила: удаление в степь киргиз, кочевавших на землях казенных селений; отдача в солдаты тех, которые изобличались в краже или приводе краденых лошадей. Казаки, которые помогали казахам сбывать краденый скот или покрывали грабителей, предавались военному суду и прогонялись сквозь строй. В дальнейшем специально для борьбы с конокрадством были учреждены в сибирском казачьем войске особые должности из числа 8 следственных приставов по

делам о конокрадстве. Кроме того, властям вменялось в обязанность «походящим до них сведениям и объявлениям и покраже лошадей, приступать немедленно, по горячим следам, к надлежащим розыскам... Как окружным судам, так и губернскому суду предписать, дела о конокрадах решать без очереди и без всякого замедления» [194]. За оказанную помощь в поимке конокрадов предполагалось вознаграждение в размере трех рублей серебром.

В возведенных в степи укреплениях отсутствовали органы следственной власти для производства дел по преступлениям среди должностных и частных лиц. Для устранения этого неудобства в мае 1854 г. было принято высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке производства следственных дел о лицах гражданского ведомства, проживающих в степных укреплениях Оренбургского края» [162, л. 534]. В нем говорилось, что все следственные дела лиц гражданского ведомства возложены на местное военное начальство укреплений, а затем они будут передаваться в судебные места Оренбурга. «Впредь до устройства в степных местах Оренбургского края гражданского управления, производство следствий по всем вообще делам о преступлениях гражданских лиц, пребывающих в тех укреплениях, предоставить тамошнему военному начальству с тем, чтобы последние из упомянутых дел, по окончании следствия были предаваемы для обсуждения через штаб Оренбургского отдельного корпуса в ближайшие гражданские судебные места» [162, л. 534].

В 1854 году сибирские киргизы, состоявшие в ведении пограничного управления, были разделены на две области: Семипалатинскую и область Сибирских киргизов. Положением «Об управлении Семипалатинской области» [161] были введены некоторые изменения по судебной части. По делам, решенным судом биев, предоставлялось право подать жалобу окружному приказу, который мог пересмотреть дело, созвав старших и почетных биев (не менее трех) или приступить к производству подобных дел следственным порядком. Окружные приказы пользовались правами судов первой степени и производили дела на русском и татарском языках.

Перечень составов преступлений, подлежащих рассмотрению по общероссийским законам, был расширен новым законодательным документом от 19 мая 1854 г. «Относительно распространения на сибирских киргизов общих законов империи» [195], который ввел некоторые изменения в подсудности сибирских киргизов. За уголовные преступления киргиз: измену, убийство, разбой, барымту, возбуждение своих соплеменников против правительства, явное неповиновение властям, преступления по должности, подделку и

умышленный перевод фальшивых государственных кредитных бумаг и монет, принятие ложной присяги и все преступления, и проступки, учиненные киргизами в городах и селениях подвергать суду по общим законам империи. Все прочие дела, не исключая кражи у частных лиц, а также гражданские между киргизами, признаны подлежащими разбору суда биев по народным обычаям. Недовольные решением суда биев могли в месячный срок приносить жалобы в окружной приказ. Хотя бии и избирались народом, но теперь они окончательно утверждались в этом звании окружным приказом. «Звание биев сохраняют все те, кто ныне ими пользуется, но на будущее время оно может быть предоставляемо только султанам, аульным старшинам, служащим не менее 6 лет и вообще, лицам всемилостивейше чем либо награжденным или отправлявшим какие либо должности правительством утверждаемые и не иначе как по выборам общества и с утверждения окружных приказов» [195]. Таким образом, царское правительство в очередной раз пыталось ограничить права казахских биев. Подобный упор на отмену привилегий биев и султанов прослеживается и в последующие годы.

В Младшем жузе ситуация была также беспокойной, генерал-губернаторы доносили о часто повторяющихся случаях разбоя и насилия со стороны местного населения. Вследствие чего вышел указ от 4 ноября 1854 г. «О предавании военному суду киргизов Малой орды, оказывающихся виновными в нападении на наши почты, военные транспорты и купеческие караваны» [196]. Данным указом повелевалось: «Для пресечения сих беспорядков и в виде временной меры, впредь до усмотрения, предоставить ему, генерал-губернатору, власть: киргизов помянутой орды, оказывающихся виновными в нападении на наши почты, военные транспорты и купеческие караваны, следующие по военному пути между Сыр-Дарьсю и Уралом, предавать военному суду на основании полевого уголовного уложения, с окончательным утверждением приговоров и с немедленным приведением оных в исполнение» [196].

В 1855 году меняется система выборов старших султанов. Теперь на эту должность могли претендовать не только чингизиды, но и почетные казахи со стажем службы в колониальном аппарате не менее девяти лет. Эти изменения нашли отражение в высочайше утвержденных положениях Сибирского комитета «О порядке избрания по Киргизской степи» [197], «О назначении кандидатов на должности старших султанов во всех внешних округах Киргизской степи» [41, с. 187]. В документе написано: «Старший султан избирается на три года и утверждается с одобрения военного губернатора генерал-губернатором.

Право быть избранным в старшие султаны предоставляется всем вообще султанам и лицам, пожалованным офицерскими чинами, ограничив впрочем, число сих последних лишь теми, кои прослужили не менее трех лет заседателями окружных приказов или волостными управителями; в число же избирателей, сверх лиц султанского происхождения, допускаются все вообще, имеющие офицерские чины, а равно и те из почетных киргизов, кои прослужили в классных должностях по выборам девять лет, хотя бы они и не имели офицерских чинов. Заседатели от киргиз в окружной приказ избираются биями и старшинами из почетных киргизов на два года с утверждением военного губернатора» [41, с. 188].

Постепенно меняется и порядок выборов в волостные управители, теперь их место могли занимать также любые знатные казахи, поддерживающие царскую политику. В высочайше утвержденном положении Сибирского комитета «Об изменении порядка выборов волостных управителей в Киргизской степи и в Семипалатинской области» (1861 г.) записано: «В управители киргизских волостей избираются лица султанского происхождения, а также все имеющие офицерские чины, знаки отличия военного ордена, медали почетные кафтаны, пожалованные при грамотах генерал-губернатора, и те из ордынцев, которые хотя и не имеют никаких отличий, но пользуются особым уважением народа. Сии последние, в случае избрания их большинством голосов, определяются исправляющими должности управителей до того времени, когда приобретут знаки отличия, дающие право на утверждение их управителями» [198]. Таким образом, русские власти делали все, чтобы расколоть казахское общество, посеять внутри него раздор и недовольство. Царизм привлекал на свою сторону местную знать, которая поддерживала его политику, переходила на русскую службу и всячески за это поощряло ее.

На территории Старшего жуза, до введения там надлежащего управления и суда, в 1862 г. были введены временные правила. По этим правилам казахи этого жуза за барымту, убийство, грабеж, совершенные в соседних округах Средней орды, подлежали военному суду, а за те же преступления, совершенные в месте своего кочевания, а также виновные в измене и явном неповиновении властям, подвергались наказаниям по усмотрению генерал-губернатора Западной Сибири. За убийство старших султанов или лиц, имеющих чины или медали, виновные подлежали военному суду, приговоры которого подтверждались генерал-губернатором Западной Сибири. По всем остальным делам, возникающим между киргизами Большой орды, предоставлено было им обращаться в народный суд.

В 1865 г. была образована Туркестанская область, в которой было введено военное управление. В Туркестанской области по временному положению 6 августа 1865 г. [199] был учрежден военный суд, действовавший по законам военного времени и оставался почти в полной неприкосновенности народный суд. За убийство и ограбление туземцев русскими и наоборот, а также барымту виновные предавались суду военно-судных комиссий, которые руководствовались полевым уголовным уставом. Все дела, возникающие между киргизами, подлежали суду биев, который созывался чиновником, управляющим туземцами. Дела между сартами (оседлыми туземцами) решались их собственным судом, но приговоры по уголовным делам подлежали утверждению военного губернатора.

В целом законодательные нововведения царизма в первой половине XIX века с трудом приживались в казахской степи, об этом свидетельствуют законодательные документы, которые были рассмотрены выше. В 1862 году Ч. Валиханов по этому поводу писал, что «40-летнее русское владычество... не имело никакого влияния на древний киргизский суд биев... ясно, что он вполне удовлетворяет настоящему развитию киргизского народа. Удовлетворительность суда биев самым блистательным образом доказывается официальными источниками, именно незначительность жалоб на первоначальное решение биев. Русские истцы или русские ответчики во многих случаях предпочитают суд биев русскому следствию» [116, с. 90-91].

К середине XIX века судопроизводство было различным на территории каждого казахского жуза, не было единой системы, за одни и те же преступления казахи разных жузов подвергались различным наказаниям: либо по народным, либо по общеимперским законам. Эту мысль подтверждает и Ф. Лобысевич, он пишет в своей работе «Киргизская степь Оренбургского ведомства»: «Судебная часть у киргиз чрезвычайно сложна. Они судятся судом военным, судом на основании общих законов империи и судом народным (преимущественно по взаимным искам и тяжбам на всякую сумму)» [9, с. 25]. В западном Казахстане существовала пограничная система управления, судебные функции сосредоточены были в руках различных органов власти от начальника аула до генерал-губернатора. В Среднем жузе действовали окружные приказы, созданные еще М. Сперанским в 1822 г. А в южных пограничных районах со среднеазиатскими государствами действовал военный суд и применялись полевые законы. «Теперь всюду с официальным русским управлением известной части степи существует свое, так сказать, неофициальное, замедляющее и останавливающее действие поставленных

правительством властей. Первое – руководствуется точным смыслом русских постановлений, во многих случаях мало или совсем не приноровленных к понятиям казахов, второе – управляют народом на основании его обычаев», – отмечается в источниках [200, с. 181]. По сути дела, в первой половине XIX века происходила борьба между двумя структурами власти: традиционной и новой, которая отложила определенный отпечаток на общественно-политическую жизнь казахского общества.

К середине XIX века присоединение Казахстана было окончательно завершено. Перед царским правительством со всей необходимостью встает задача создать единую систему управления в присоединенных территориях. Реформы 60-х годов XIX века способствовали дальнейшему распространению общеимперской судебной системы и общеимперского законодательства. «Подготавливая реформы судебного устройства в казахской степи в 60-х годах XIX века, колониальная администрация исходила из того, что преступления, наносящие «убыток» интересам колониальных властей или вредящие государству, должны рассматриваться имперским судом» [46, с. 39]. Все нормы имперского права состояли из двух групп: норм права, общих для всей территории Российской империи, и норм права, установленных специально для Казахстана и учитывающих особенности региона. Данные реформы вводили новую сложную систему судопроизводства, которая была различна для русского, казачьего и казахского населения. По точному выражению Е. Бекмаханова: «Система управления казахской степью приобрела ярко выраженный военно-оккупационный характер» [201, с. 177].

В результате указа 11 июля 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство и соответственно принят проект положения «Об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями» [41, с. 282-316]. Вторая часть этого положения, состоящая из 5 глав, определяла вопросы судопроизводства на территории этих новых областей. Эти территории подчинялись непосредственно Военному министерству. Высшая власть в генерал-губернаторстве принадлежала генерал-губернатору, который имел широкие административные, судебные, политические, военные и другие полномочия. Он непосредственно был подотчетен царю и лично от него получал особые распоряжения, т.е. генерал-губернатор выполнял функции посредника между центральными и местными органами власти. Вся власть в области принадлежала военному губернатору, который назначался непосредственно императором и подчинялся областному правлению, возглавлявшимся вице-губернатором. Областное правление совмещало функции губернской канцелярии, судебной и казенной

палат губернского правления. В функции судебного отделения входила подготовка к слушанию уголовных и гражданских дел и ведение переписки по судебным и следственным делам. Судебная часть Туркестанского генерал-губернаторства была поделена между различными органами: военно-судными комиссиями, областным правлением, уездными судами, уездными начальниками и народными судами биев [41, с. 293-294]. Вопросам устройства суда, подсудности казахов, сартов и другие вопросы судопроизводства определены в ст. 129-244 данного положения. Военно-судные комиссии решали дела по военным законам и общим законам империи. По военным законам осуждались дела казахов, обвинявшихся в измене, возбуждении своих соплеменников против правительства, нападении на почты и военные транспорты, убийство христиан и других лиц, изъявивших желание принять христианство и убийство должностных лиц [41, с. 294]. По общим законам империи осуждались киргизы, совершившие разбой, грабеж (за исключением барымты), нападение на купеческие караваны, побег в чужие владения, поджоги, явное сопротивление властям, изготовление и распространение фальшивых монет, похищение казенного имущества [41, с. 295-298]. Таким образом, военно-судные комиссии рассматривали наиболее важные уголовные дела и те преступления, которые угрожали спокойствию колониальных властей.

В ведении областного правления находились дела о преступлениях по должности и гражданские дела по искам на сумму свыше 2000 руб., а также по всем искам, связанным с интересом казенных управлений. На правах мирового съезда рассматривались все жалобы на приговоры и решения уездных судей, жалобы на медленность и неправильность действий судей. Уездные судьи пользовались правами и исполняли обязанности мировых судей и судебных следователей. В качестве мировых судей они разбирали и решали все судебные дела, не связанные с лишением или ограничением прав состояния, и гражданские дела за исключением подсудных областным правлениям и уездным начальникам по искам не свыше 2000 рублей. Приговоры судей считались окончательными, если в качестве приговора выносилось внушение, замечание, арест не свыше 1 месяца и денежные взыскания на сумму не свыше 100 рублей. По гражданским делам решения считались окончательными по искам на сумму не свыше 100 рублей. Как судебные следователи, уездные суды производили следствия по всем делам, подсудным военно-судным комиссиям. Уездным начальникам были подсудны все дела по взысканиям по денежным обязательствам, залогам и закладам [41, с. 294].

Наряду с судами, осуществлявшими законодательство по общим законам империи, продолжал действовать и народный суд. «В виду

исключительных условий, в которых находился вновь присоединенный край, для водворения в нем порядка и спокойствия, требовалось установление управления и суда на иных чем в других областях началах. Необходимо было поддержать престиж русской власти и предоставить самому населению разбираться по обычаям во всех делах, строго преследовать всякие правонарушения, способные вызвать беспорядки и волнения среди недавно покоренного населения», – писал И. Крафт [21, с. 53]. Суду биев были подсудны все остальные незначительные уголовные дела, возникающие между казаками, дела по гражданским искам на небольшую сумму. Би́и решали окончательно дела ценностью не свыше 100 руб. (5 лошадей, 50 баранов). Для решения дел более 100 руб. назначаются периодические волостные съезды биев, на которых обязаны были присутствовать все би́и волости. Народный суд состоял из 4-8 биев в каждой волости, избираемых населением и утверждаемых военным губернатором. Би́и разбирали дела единолично или в составе волостных и чрезвычайных съездов. Эти съезды были последней инстанцией для всех дел, подведомственных народному суду. У оседлых киргизов суд осуществляли казии по искам на сумму не свыше 100 руб. и съезд казиев по всем остальным искам и уголовным делам. Суд биев производился гласно и публично. Казахи при взаимном согласии, выраженном в подписке, могли обращаться с просьбою о решении их дела к русскому суду [41, с. 298-300].

Хотя царское правительство ставило своей целью создание единой системы управления и судопроизводства, тем не менее, как мы видим на деле, на территории Казахстана действовали различные судебные органы. «Изложенная организация судебной части в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях, объясняемая особенностью положения края, еще так недавно завоеванного, имела тот существенный недостаток, что при всем желании составители проекта дать населению скорый и действительный суд вносила сложные понятия о подсудности и устанавливала различный порядок судопроизводства. Рядом с уездными судьями, руководствовавшимися судебными уставами императора Александра II, действовали в качестве судебных органов уездные начальники, военно-судебные комиссии с прежними аудиторами, областные правления со смешанною и довольно неясною компетенциею и, наконец, архаический народный суд, располагавший неограниченным правом судить и миловать даже за такие важные преступления, как убийство и барымта» [21, с. 58-59]. Кроме того, судебными функциями на территории края обладал и административный аппарат управления. Об этой особенности судопроизводства

И. Крафт пишет: «Вероятно, местными особенностями края объясняется и то обстоятельство, что все судебные органы в областях находились в прямой зависимости от администрации, хотя составители проекта были сторонники устройства отдельного суда, независимого от администрации» [21, с. 59].

21 октября 1868 г. было принято положение «Об управлении в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях». Судебная часть в этих областях была организована с небольшими изменениями в отличие от южных районов [41, с. 329-334]. В данном документе вопросам судебного устройства посвящена глава 2 «Устройство суда», состоящая из 4 глав. Киргизы подлежали военному суду на основании общих законов за следующие преступления: измену, сопротивление властям, нападение на почты и казенные транспорты, повреждение телеграфов, убийство должностных лиц и лиц, изъявивших желание принять христианство. Дела об этих преступлениях рассматривались в военно-судных комиссиях. По общим имперским законам казахи судились за убийство, разбой, грабеж, барымту, нападение на купеческие караваны, побег в чужие владения, поджоги, фальшивомонетчество, похищение казенного имущества, нарушение уставов казенных правлений и преступление по должности местных киргизских властей. Судебная власть была разделена между уездными судьями и областными правлениями, причем первые исполняли обязанности мировых судей и судебных следователей. Приговоры уездных судей считались окончательными, когда ими определялось взыскание, замечание, выговор, арест не свыше 3 дней и денежное взыскание не свыше 100 рублей [41, с. 331].

Областные правления пользовались правами и исполняли обязанности палаты уголовного и гражданского суда и съездов мировых судей. В областях были учреждены должности областных прокуроров. Организация народного суда была такой же, как в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях, за исключением того, что убийство и барымта были изъяты из ведения народного суда. Эти разногласия в судопроизводстве вносили беспорядок и недовольство. За убийство в пределах Сыр-Дарьинской области казахи подлежали народному суду и платили только кун, а за такое же преступление в Тургайской области казахи осуждались общеимперскими законами и подвергались каторжным работам или ссылке. «Такое различие могло казаться тем более не понятным, что точных границ между областями проложено не было и как те, так и другие киргизы, принадлежали к одним родам, находились на одинаковой ступени гражданского развития» [21, с. 64].

В целом видно, что правовая система Казахстана в результате данных реформ претерпела значительные изменения. Политика царского правительства была направлена на дальнейшее разрушение и ликвидацию традиционного суда биев, падение авторитета казахской знати и дальнейшее распространение общей российской системы судопроизводства на территории Казахстана. Расширился перечень преступлений, отнесенных к уголовным. Широко стали применяться такие виды наказания, как арест, телесные наказания, принудительные работы. «Правовые реформы, проведенные царизмом в Казахстане в 60-х годах XIX века, были направлены на слияние правовой системы Казахстана с правовой системой всей Российской империи» [122, с. 136].

На основании временных положений 60-х годов XIX века русская система судопроизводства стала активно внедряться в казахский край. Время и сама жизнь показали несоответствие местной действительности как административной, так и судебной систем, введенных положениями на территории края. Они не учитывали особенностей традиционного уклада жизни казахского общества, разрушали его основы и, следовательно, встретили решительное сопротивление со стороны народа. Тем не менее, царское правительство не оставляло своей главной цели «добиться постепенного слияния киргизских степей с прочими частями России».

О том, что практика колониального управления, введенная реформами 60-х годов XIX века, оказалась малоэффективной, свидетельствуют многочисленные архивные материалы. Среди них дела: «О порядке рассмотрения дел в отношении киргизов, нарушивших законы империи» [202], «О предании киргиз-кайсаков русскому суду по общим уголовным законам империи против существующего строя» [203], «О делах подсудных народному киргизскому суду» [204], «Проекты положения об устройстве управления и судебной части во Внутренней киргизской орде» [205], «О реформе киргизского суда в Уральской области. О коренной реформе народного суда в Туркестанском крае» [206].

В результате многочисленной переписки, прошений и обсуждения материалов царских чиновников появились следующие законодательные материалы: «О предоставлении уездным начальникам Степных областей Оренбургского края и Западной Сибири права налагать административные взыскания на должностных киргизов»; «О временном усилении личного состава судного отделения Акмолинского областного правления»; «Об устройстве мировых судебных установлений в губерниях Оренбургской и Астраханской»; «Об изъятии Внутренней киргизской орды в судебном отношении из ведения Тургайского областного

правления»; «О сосредоточении высшего надзора по управлению областями Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской в лице генерал-губернатора» [76] и т.д. Суть этих законов сводилась к одному знаменателю: усиление российского законодательства и судебной системы на территории Казахстана. В связи с этим усиливается власть губернаторов на местах, им предоставляется право принимать единоличные решения. В частности, в инструкции, данной генерал-губернатору Западной Сибири Н.Г. Казнакову, было написано: «В видах совершенного искоренения неблагонамеренных и своевольных действий киргизов, я признал необходимым предоставить вам ... особые права, с целью сохранения во вверенном вам крае общественной безопасности и предупреждении совершения преступлений особой важности. На сим основании уполномочиваю вас: 1) ... 2) киргизам, коим неблагонамеренные действия не могут быть юридически доказаны, не подвергая суду, определить взыскания и рассылать их в отдаленные места Сибири административным порядком; 3) тех же киргиз, которые будут уличены в таком неповиновении и измене и взяты с оружием в сражениях против наших войск, предавать военному суду по полевым уголовным законам на основании которых утверждать окончательные судебные приговоры и приводить оные немедленно к исполнению» [207, л. 2]. Об этих фактах свидетельствуют следующие указы: «О наделении генерал-губернатора правами по преданию военному суду и выселении в отдаленные места без суда киргизов, уличенных в неповиновении властям»; «О предоставлении военному губернатору Семиреченской области в отношении Верненского, Джаркентского и Пишпекского уездов прав, указанных в п. 3 и 4 ст. 16 положения о мерах и охране государственного порядка и общественного спокойствия» [76]. По поводу постоянного принятия царским правительством новых правовых документов М. Кул-Мухамед писал: «Нормативно-правовые акты, принятые с целью осуществления реформ в Казахской степи, были направлены на решение указанных исторически неоправданных антигуманных задач. Надо сказать, что политическая, социально-экономическая, духовная реформы, начатые в конце 60-х годов, продолжались вплоть до падения царской монархии, что проявлялось в принятии все новых нормативно-правовых актов» [208, с. 8].

В результате всех этих дополнений и изменений в законодательстве местные административные власти все настойчивее стали поднимать вопрос о необходимости реформирования судебной системы в крае. В результате 12 июня 1886 г. было издано положение «Об управлении Туркестанского края» [41, с. 352-379]. Организации

судопроизводства посвящен второй раздел «Судебное устройство» данного положения. Он состоял из трех глав, которые определяли судебные установления, действующие на основании общих законов империи и народного суда [41, с. 362-372]. Согласно данному положению, вся судебная часть края переходила в ведение Министерства юстиции. В областях были учреждены областные суды, а в уездах мировые судьи и их помощники. Областные суды рассматривали и решали тяжбы и иски на сумму свыше 2000 руб. Все остальные дела подлежали разбору мировых судей в уездах. Мировые судьи рассматривали иски по личным обязательствам и договорам, а также об имуществе на сумму не свыше 2 тыс. руб. Также мировой судья имел право рассматривать дела по желанию истца, подведомственные народному суду. При областных судах находились судебные следователи и областной прокурор. Однако, несмотря на попытку отделить судебные функции от административных, высшая власть по-прежнему сосредотачивалась в руках генерал-губернатора. «Главное управление Туркестанского края вверяется генерал-губернатору, определяемому и увольняемому по непосредственному усмотрению его и.в.» [41, с. 353]. Кроме того, генерал-губернатору предоставлялось право высылать «вредных, по политической неблагонадежности, туземцев в назначенные по соглашению с министром внутренних дел местности на срок не свыше пяти лет» [41, с. 353]. В исключительных случаях генерал-губернатор имел право предавать виновных военному суду [41, с. 354]. Генерал-губернаторы в Степных областях были как бы наместниками царя. «Нормативно-правовые акты, посвященные управлению степными областями и Туркестанским краем, наделили губернаторов неограниченными полномочиями (финансовые, карательные). Генерал-губернатору авансом отпускались сверх сметы ежегодно 200.000 рублей на передвижение войск и другие непредвиденные расходы. Эти средства использовались и для наведения порядка в степи. Поэтому генерал-губернатор стал в глазах инородцев «полуцарем» (ярымпатша)» [208, с. 33].

По новому положению усиливалась ответственность казахского населения по общим законам. В ст. 141 документа записано: «Лица, принадлежащие к туземному населению, привлекаются к ответственности на общем основании за нижеследующие преступления: 1) против веры христианской; 2) государственные; 3) против порядка управления; 4) по службе государственной и общественной; 5) против постановлений о повинностях государственных и земских; 6) против имущества и доходов казны; 7) против общественного благоустройства и благочиния: а) нарушение Устава карантинного, б) нарушения постановлений

против повальных и прилипчивых болезней и в) нарушения правил, установленных на случай скотских падежей; 8) против общественного спокойствия и порядка: а) составление злонамеренных шаек и пристанодержательство, б) лживые доносы и лжесвидетельство по делам, судимым по общим законам империи, в) укрывательство беглых, г) порча телеграфов и дорог; 9) против законов о состояниях; 10) против жизни, здоровья, свободы и чести: а) убийство, б) нанесение ран и побоев, последствием коих была смерть, в) изнасилование, г) противозаконное задержание и заключение; 11) против собственности: а) насильственное завладение чужим недвижимым имуществом и истребление граничных меж и знаков, б) поджог и вообще умышленное истребление чужого имущества, в) разбой и грабеж, г) похищение казенного имущества и подлоги русских документов» [41, с. 364]. Кроме того, общему суду подлежали все дела, совершаемые казахами в отношении русских и в пределах русских селений. В целом мы видим, что имперскому суду подлежали дела, направленные против колониального режима, его официальных представителей, против политики христианизации. Положение 1886 г. сохраняло колониальную направленность и способствовало дальнейшему законодательному закабалению казахского народа.

Относительно преобразований, проводимых в судопроизводстве на территории Казахстана, можно судить по статье «Судебная реформа в Туркестане и Степных областях», опубликованной в «Киргизской степной газете». В ней, в частности, говорится: «Вопрос об упорядочении судебных учреждений в Туркестане и Степных областях имеет за собой довольно длинную историю; он возник еще в 20-х годах нынешнего столетия, и еще не разрешен окончательно теперь, через 70 с лишним лет. Туземное население имело свое обычное право, на основании которого разрешались почти все дела между туземцами в народных судах, для усвоения других правовых воззрений оно еще не было подготовлено. По мере того, как развивалась русская колонизация, появились новые заселенные русские места, складывались торговые центры, усиливался и запрос на русский суд, появились и различные судебные учреждения» [209].

Новое положение вновь установило разницу в судебном устройстве, в порядке судопроизводства и даже в ответственности перед законом за одинаковые правонарушения в разных регионах Казахстана. Необходимо было пересмотреть судебные положения и в степных областях, чтобы привести их к одному знаменателю. Поэтому в 1891 г. был принят указ «О введении в действие положения об управлении Степными областями и об изменении некоторых статей

положения об управлении Туркестанским краем» и положение «Об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» [76]. Соответственно данному положению, судебная часть в этих областях была организована на основе правил о судебном устройстве в Туркестанском крае. Областные и мировые судьи также назначались министерством юстиции по согласованию со степным генерал-губернатором. В связи с этим «Семиреченские областные ведомости» писали: «Событие это, имеющее большое значение для всех названных областей, особенно важно для нашей области, стоявшей в последнее время, по характеру существовавшего порядка управления, особняком от своих северных и западных соседей. Новый закон приравнивает Семиречье, в порядке управления к другим областям наших Среднеазиатских владений. Учрежден отдельный гражданский суд, во многом изменен порядок судопроизводства и сделаны возможные дополнения к существовавшему порядку административного управления» [210].

Однако и эта система судопроизводства не соответствовала тем изменениям, которые произошли в судебной системе самой России по реформам 1864 г. Поэтому в очередной раз принимаются различные дополнения к законам и положениям. Например: «О распределении между оренбургским и троичским окружными судами прав и обязанностей по делам, возникшим в Туркестанской области»; «О подсудности дел казахов, принадлежащих к различным уездам или волостям, народному суду»; «О некоторых изменениях в действующем узаконении»; «Об учреждении должности помощника мирового судьи в Туркестанской области» [76] и т.д.

В результате многочисленных писем, прошений, обращений был выработан проект новой реформы судопроизводства в Казахстане. В 1897 г. Министерство юстиции рассмотрело проект судебно-правовой реформы в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах. И только через год, 2 июня 1898 г. было утверждено мнение Государственного совета «Об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях» [211], которое ввело отдельные принципы российской судебной реформы 1864 г. Соответственно новому закону, судебная часть в областях Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской образуется и действует на основании особых утвержденных правил. По этим правилам судебная власть в данных областях принадлежала: участковым мировым судьям, судебным следователям, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему сенату по судебному департаменту. Окружной суд, заменивший областной, был апелляционной

инстанцией по отношению к делам, решенным мировыми судьями. Окружной суд рассматривал уголовные дела с участием присяжных заседателей. Судебные палаты являлись апелляционной и надзорной инстанцией по отношению к окружным судам. Участковые мировые судьи исполняют обязанности мировых судей и судебных следователей, а также в пределах своих участков опекунские дела и, где нет нотариусов, – нотариальные. В каждой области, кроме Тургайской, учреждался судебный следователь, который должен производить следствие по предложению лиц прокурорского надзора. Кроме того, в каждой области создавались окружные суды, которые имели право надзора за мировыми судьями своего района. «С углублением колонизации правительство усилило роль и влияние имперского права, законодательства, судоустройства, вытесняя значение народных судов и обычного права казахов. Судоустройство, введенное в крае в соответствии с судебным уставом 60-х годов в России было сильно урезано в своих демократических началах. В регионе по-прежнему отсутствовал суд присяжных, не было гарантировано право обвиняемого на защиту. Вся судебно-правовая система была приспособлена к интересам колонизации края», – отмечает Г.З. Кожухметов [212, с. 108].

В городах Ташкенте и Омске были открыты судебные палаты, в которые вошли следующие окружные суды: округ Ташкентский – ташкентский, самаркандский, новомаргеланский и верненский; округ Омский – омский, семипалатинский, тобольский и тюменский. Окружные суды уральский, оренбургский и троицкий вошли в состав Саратовской судебной палаты. Окружные суды имели право не назначать защитников. Этим правом суды пользовались особенно часто, когда дело касалось революционного или национально-освободительного движения.

Несмотря на очередную попытку систематизировать судебное производство, усилить влияние общеимперского суда, данные нововведения почти не затронули народного суда. «Действие новых судебных учреждений хотя и распространяется на все население края, но в отношении к сельскому и инородческому населению мировые и общие установления ведают только дела, неподсудные сословным и народным судам. Таким образом, огромная юрисдикция народного суда, превышающая по своим размерам права мировых судей, оставлена в своей силе и на будущее время. В новые суды будут поступать, как и прежде, лишь дела о наиболее важных правонарушениях кочевых и оседлых инородцев...» [21, с. 82]. На основе анализа состава населения казахского края И. Крафт указывает, что «около 13% жителей будут всецело пользоваться благами судебной реформы. Остальное население,

т.е. 87%, будет довольствоваться своими народными судами...» [21, с. 83]. Потому что, как указывал Ч. Валиханов: «Нет никакого сомнения, что тот закон хорош для народа, который ему более известен: закон родной, под которым человек вырос и воспитывался, как бы закон этот ни был несовершенен, должен казаться ему лучше, понятнее и яснее самых мудрых законодательств, взятых извне или навязанных сверху» [213, с. 333].

Следовательно, в конце XIX века в Казахстане царское правительство по-прежнему вынуждено было сохранить народный суд, так как не находило возможности регулировать правовые вопросы среди казахов общеимперскими законами. «Исходя из негативного опыта по ликвидации суда биев, колониальная администрация признала факт, что процессуальное обычное право казахов, выработавшееся в течение столетий и вошедшее в себя народную мудрость и отражавшее реальный менталитет казахского народа, а также уровень его правосознания, в большей мере приспособлено к борьбе с правонарушениями в казахском обществе, чем колониальные судебные институты [94, с. 459]. В период роста национального самосознания, подъема национально-освободительного движения казахского общества царское правительство вынуждено было не только оставить привилегии суда биев, но и значительно расширить его права. Об этом говорит и тот факт, что брачные и семейные дела, в отличие от реформ 60-х годов, опять были переданы на рассмотрение народному суду, также изымались из ведения имперского суда дела о барымте. В материалах архива по этому поводу читаем: «На основании ст. 162 и 163 временного положения 1868 г. об управлении в степных областях брачные и семейные дела киргизов, хотя и подлежат ведению народного суда, но решения последнего, по жалобам сторон, пересматриваются Уездными начальниками и в некоторых случаях восходят к губернатору, решения которого признаются окончательными. Такой порядок решения брачных и семейных дел кочевников подлежит изменению с введением в действие высочайше утвержденного 25 марта 1891 г. Степного положения, т.к. в силу сего закона, согласованного с Положением об управлении Туркестанского края, киргизам предоставлено по упомянутым делам разбираться своим судом, на основании господствующих у них в сем отношении обычаев» [214, л. 1]. В этой связи Т.М. Культеев пишет: «Сохранение в той или иной степени царским правительством суда биев объясняется его желанием приспособить суд биев к задачам колониального управления. Осторожность и нерешительность центральной власти в замене суда биев общеимперским судом были обусловлены тем, что суд биев

продолжал иметь обоснование в конкретно-исторических условиях казахского общества, в то же время он не мог полностью соответствовать колониальной политике царизма» [47, с. 73].

В правовой жизни, с введением 1 ноября 1909 года суда с участием присяжных заседателей, завершилось преобразование судебного строя в Казахстане [215, л. 159]. По итогам правовых преобразований степной генерал-губернатор отмечал в своей переписке: «Под сенью единого закона, под охраною общеимперских судов, соприкосновением с государственными правовыми началами, окрепнет еще новая [пропущено] и вкоренится у киргиз-казаков Степного края твердое сознание нераздельности и общности их судеб с единой державой Российской» [60, с. 128].

Таким образом, на основе анализа законодательных актов Российской империи мы проследили, как внедрялась и постепенно менялась судебная система империи на территории Казахстана в исследуемый период. Из выше сказанного, можно сделать выводы, что в конце XVIII века была сделана первая попытка внедрения новой системы управления и судопроизводства на основе общих законов Российской империи. Однако эта попытка оказалась неудачной. Одни и те же вопросы судопроизводства находили отражение в нескольких документах. Это подтверждает тот факт, что у царского правительства не было достаточно сил, чтобы сразу изменить существующую многовековую систему обычного права казахов. Следовательно, «создавая сложную судебную систему в покоренной стране, правительство стремилось к тому, чтобы иметь в Казахстане дешевый и отвечающий целям правительства судебный аппарат. Царизм был заинтересован в таком аппарате, который способствовал бы проведению колониальной политики царского правительства и сохранению патриархально-феодалных отношений внутри казахского общества. Вот почему царизм сохранял наряду с общеимперской системой суда суд биев до самого последнего периода своего существования» [47, с. 65].

Судебная система Казахстана в результате очередных реформ к концу XIX века приобрела новый колониально-правовой статус. Все управление Казахстана в судебном отношении было подчинено общим судебным изменениям России, принятым в 1864 г. Однако это не способствовало успеху внедрения российской системы суда в Казахстане, так как она была направлена на ущемление прав казахского населения, что вызывало отчаянное сопротивление с его стороны. В целом, несмотря на попытку унифицировать судебную систему, сделать ее схожей с общероссийской, она на территории Казахстана имела свои особенности и отличительные черты. Во-

первых, российская система судопроизводства была направлена на уничтожение традиционного казахского правосудия; во-вторых, существующие исторические условия заставляли российскую судебную систему подстраиваться под них, так или иначе учитывать местные условия и особенности; в-третьих, царское правительство было вынуждено сохранить народный суд; в-четвертых, в судопроизводстве того периода тесно переплетались российская судебная система, нормы обычного права казахов и шариата; в-пятых, судебные функции на территории Казахстана не были разграничены между судами и административными органами; в-шестых, царское законодательство соответствовало его политической надстройке и было направлено на закрепление колониальной системы в Казахстане. Таким образом, это было Российское колониальное законодательство, своим острием направленное против прав казахского народа, его политической независимости и культурного саморазвития.

Глава 4.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ О ВНЕДРЕНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ РОССИЙСКОЙ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА

Вновь присоединенные казахские земли Россия рассматривала как источник сырья, рынок сбыта и получения новых доходов. Присоединяя казахские степи, царизм рассчитывал на получение новых прибылей не только с природных источников края, но и с местного населения. С первых дней присоединения Казахстана к России царскими властями поднимался вопрос об обложении присоединенных территорий налогами и различными повинностями. Система налогообложения, введенная царизмом на территории Казахстана, четко и ясно показывает, как постепенно осуществлялся процесс экономического закабаления казахского народа. Поэтому исследование законодательной базы налоговой системы, применяемой в завоеванных землях, играет большую роль в раскрытии колонизаторской сущности политики царского самодержавия.

В России была разработана специальная система налогообложения для нерусских народов Сибири, Поволжья, северных районов. Инородцы платили так называемый ясачный налог. «Ясак – это натуральный налог скотом, шерстью, кожей, собираемый Россией с народов Сибири и Поволжья еще с момента завоевания этих регионов империей. Этот налог, с принятием российского подданства Младшим и Средним жузами, был распространен и на кочевников казахов» [216, с. 64]. Эту мысль высказывает и Г.Ф. Миллер: «Ясак (яса) означает собственное уложение, устав, закон (Чингисханова яса); отсюда производное значение: все, что установлено, уложено, установленный военный сигнал, установленная обязательная дань. Ясак (как обязательная дань) рассматривался как признак подданства и отличался от фиктивно-добровольных подношений. Русские унаследовали ясак от татарских завоевателей: так после завоевания Казани, они продолжали взимать ясак с туземцев, как и при казанских ханах. Ясак собирался преимущественно пушниной, но, в виде исключения, имели место случаи сбора ясака скотом, железными изделиями, рыбой и т.д.» [217, с. 406].

Вся законодательная база царского правительства была направлена на порабощение казахского края, она показывает, как постепенно его население вовлекалось в систему российского налогообложения. В одном из первых документов, связанных с приведением казахов Младшего жуза в подданство России, а именно в инструкции, данной

переводчику восточных языков Мегмету Тевкелеву, в 1731 г. было записано: «Приводить его Абулхаир хана добрым способом, представляя иметь пристойные резоны к подданству, а для подтверждения его верности он согласился бы платить ясак и дал заложников – аманатов, которые будут содержаться в Уфе» [218]. Приняв российское подданство, хан Абулхаир обязывался выплачивать, как и все инородцы в России, ясак. «Письменно и словесно обязывался он: 1) Охранять безопасность границ российских, смежных с землями его орды. 2) Защищать купеческие караваны наши и провожать их через степи киргизские. 3) Давать из подвластных своих, подобно башкирам и калмыкам, подкрепление войску русскому в случае нужды. 4) Платить дань или ясак звериными шкурами» [8, с. 185]. Но, как дальше указывает А. Левшин, ни одно из этих условий в начальный период присоединения не выполнялось, в частности, и выплата ясака.

Главная задача царизма в этот период заключалась в том, чтобы экономическим путем закрепиться на вновь присоединенных территориях. Выполнению этой главной задачи были подчинены все направления деятельности царской администрации. Для поощрения принятия российского подданства казахам, которые его принимали, делались различные привилегии. Так, например, с имущества казахов, желающих принять российское подданство, не взималась пошлина. В указе «О не взимании пошлин с имущества киргиз, желающих вступить в российское подданство» от 7 октября 1799 г. написано: «С имущества киргизцев, кои пожелают вступить в российское подданство, пропущены будут в ее пределы, пошлин не взыскивать» [219]. Подобный указ «О дозволении переселившимся в Россию на вечное кочевье киргизцам, производить мену скота и своих произведений с российскими подданными беспошлинно» вышел в 1809 г. [220].

В конце XVIII века сбор налогов и пошлин еще не носил системного характера. В связи с этим Екатерина II писала в 1769 г. оренбургскому губернатору Рейнсдорпу: «Известно нам, что ведомства главного комиссариата подушные деньги не только весьма медленно в повеленные места свозятся, но из некоторых мест и поныне за сей год никакого привоза не сделано. А как при нынешних обстоятельствах крайне нужно, дабы сии доходы, сколько возможно поспешнее доходили...» [79, с. 31-32]. В основном пополнение казны осуществлялось за счет взимания пошлин за те или иные перевозимые товары. Это подтверждают следующие законодательные документы: «Об отдаче при Гурьев городке учеров с рыбной ловли, таможенными и питейными сборами в содержание Яицкому войску»; «О сборе пошлин при Оренбургской и Троицкой крепости»; «О заведении и размножении в Оренбургской

губернии железных и медных заводов одним только частным людям, об отсылке из Оренбургской губернии в Берг-Коллегию поступающих с оных заводов в казну сбора»; «О порядке взимания определяемого количества пошлин с товаров, как с русских, так и с азиатских купцов, торгующих в Оренбургской и Троицкой крепости»; «О поступании при написании владенных записей на вымененных по Сибирской и Оренбургской линиям разных наций азиатских пленников и о взимании пошлин сообразно 2 и 3 пункта указа»; «О взимании акциза при ввозе соли Бессарабской, Эбелейской и другой из Киргизской степи по 60 копеек ассигнациями» [76] и т.д.

Вместе с тем царизм пытался использовать и другие различные формы и способы получения прибыли от местного населения. В начале XIX века стала применяться система продажи билетов казахам за прохождение через линию укреплений. Л. Костенко по этому поводу писал: «В начале этого столетия для получения хоть какого-либо дохода или пользы с киргизов, приступили к сбору небольшой подати со скота при перепуске его через линию на зимовку; а именно – определенно взимать: с лошади по 1 коп., с коровы или быка по 1 деньге, а с барана (или овцы) по 1 полушке в месяц. Но сборы шли плохо, а между тем расходы на управление краем увеличивались с каждым годом; власть же наша в степи не усиливалась» [5, с. 109].

Несмотря на то, что система сбора налогов и различных повинностей в начале XIX века еще до конца не оформилась, тем не менее, их существование значительно осложняло и без того тяжелое положение казахского народа. Не выдерживая тяжелого экономического положения, казахская беднота часто вынуждена была продавать своих детей в рабство. Сам факт, что царское правительство поощряло продажу казахских детей в рабство, показывает, какова была истинная суть политики, проводимой в Казахстане. Узаконено это положение было в 1757 г. царским указом, а в 1808 г. был принят указ «О распространении правил о водворении киргиз и о покупке российскими подданными киргизских детей по всей Сибирской линии», согласно которому разрешалось покупать казахских детей и лицам не дворянского происхождения [221]. По этому поводу один из русских буржуазно-либеральных журналов писал: «В 1808 г. русские подданные свободных состояний получают от русского правительства право покупать и выменивать киргизских детей, однако по достижении рабами 25-летнего возраста они делались свободными. Это был еще либеральный закон, так как до его издания казаки, стрельцы и разные служилые люди отнимали у киргиз жен, детей и работников. Некоторые воеводы из женщин организовывали гаремы, которые потом выгодно

распродавали. Цены на живых людей стояли сравнительно низкие: 7-летняя остяцкая девочка стоила 20 копеек, мальчик 25 копеек; цена на взрослых колебалась от 10 до 20 рублей. Центром торговли была Ирбитская ярмарка» [49, с. 6]. Данная практика продажи детей наша свое дальнейшее подтверждение указами от 30 апреля 1819 г. «О вымениваемых у киргизов, калмыков и других азиатцев» [222] и от 8 октября 1825 г. «О времени служения киргиз-кайсаков, калмыков и других азиатцев, приобретенных меною до 1808 года и после оногo, и о воспрещении на будущее время приобретать людей сего рода меною и куплею» [223]. Согласно последнему документу, дети, проданные в рабство до этого закона, свободу не получали, а приобретение новых детей впредь запрещалось.

Желая привлечь казахов на свою сторону, поддерживая их переход на жительство на Оренбургскую линию, в 1808 г. был принят царский указ, данный военному губернатору Волконскому «О водворении кочующих поблизости Оренбургской линии киргизцев» [224]. По этому указу вводилась 10-летняя льгота от платежа налогов для тех, кто переселялся на внутреннюю линию: «Из донесений ваших и других сведений, ко Мне доходящих, усмотреть, что кочующие по близости к Оренбургской линии киргизы, от разных случаев, пришли в столь бедное состояние, что многие из них не находят средств к пропитанию, с одной стороны, производят на границе беспорядки, а с другой, продают даже своих собственных детей в вечную волю; к прекращению сих злоупотреблений и к доставлению сей части киргиз способствующих их содержанию, признал Я нужным положить следующие меры: ... всем переселившимся киргизам определить 10-летнюю льготу от платежа податей и всякого рода службы...» [224]. Однако эти меры носили временный характер, и уже указом 9 декабря 1813 г. «Об избирании голов между ясачными, о киргизах и прочее» [225] эти льготы были отменены. Казахи, оказавшиеся в составе России, были отнесены к разряду ясачных людей, и все были обложены податью.

С каждым годом, по мере закрепления своих позиций в Казахстане, царское правительство внедряло все новые формы сборов и повинностей. 12 августа 1820 г. был утвержден сбор с казахов, нанимавшихся в работники к жителям Оренбургской пограничной линии. «Находя распоряжение о дозволении киргизам наниматься в работники у жителей оренбургской линии и об установленном при сем случае с выдаваемых билетов денежном сборе соразмерно сроку найма: на один год по 6 руб., на 4 месяца по 2 руб. и на один месяц по 50 коп., – весьма полезным, я утверждаю оное во всей его силе....

составившуюся от сбора сего сумму присоединить к капиталу на заведение Азиатского Неплюевского училища предназначенному; равным образом и впредь сбор сей обращать на пользу того же училища» [40, с. 185]. Таким образом, видно, что для правительства это был очень выгодный источник пополнения казны и решения отдельных проблем, а, с другой стороны, станичные чиновники обеспечивались дешевыми рабочими руками. Труд обедневших кочевников, наемных рабочих широко использовался также на рыболовных промыслах в Каспийском море, на соляных и лесных разработках. Так, например, один из рыбопромышленников по этому поводу писал: «Нанимать казаков в работники нам нельзя, невыгодно, потому что казаку всякий раз доводится передавать лишнюю плату в сравнении с даваемой киргизу платою, около 3-4 руб. в каждую путину; кроме этого, казака-работника кормить надобно таким же куском хлеба, как едим мы сами, а киргизы-то съедят у нас только по одной ржаной лепешке с рыбьим жиром» [43, с. 134]. Количество денег, собираемых за выдачу билетов, с каждым годом росло. Всего же сбор денег за выданные билеты наемным рабочим с 1820 по 1837 год составил 537032 р. 94 к. [43, с. 134]. В одном только 1865 году «доход от билетного сбора и штрафных денег за держание киргизов в русских селениях с просроченными видами или вовсе без оных... составлял 50 188 руб.» [94, с. 190]. О доходности этого мероприятия можно судить и по тому, что 7 мая 1838 г. председатель Оренбургской пограничной комиссии Ладыженский дал специальное указание всячески поощрять байгушей наниматься в работники и выдавать им билеты «всегда безостановочно по первому требованию».

Административно-правовые реформы 20-х годов XIX века определили не только новую форму управления казахскими жузами, но и систематизировали систему обложения казахского населения, установив различные виды подати и налогов. В 4 главе «Наказ хозяйственный» устава 1822 г. есть специальное отделение «Сборы и повинности», в которой говорится о сборах, являющихся либо обязательными, либо добровольными для казахов. Эти сборы и повинности собирались с местного населения на разные нужды округов и волостей, а также на нужды Российской империи. Однако, предвидя недовольство местного населения в связи с открытием внешних округов, царское правительство, пытаясь предотвратить «смуты и беспорядки», а также для скорейшего внедрения реформ в жизнь, на пять лет освободило всех казахов от уплаты налогов. «Каждый округ, со дня введения в оный нового порядка, пользуется пятилетнею льготою от всех податей. В течение льготных лет могут от киргиз принимаемы быть одни только добровольные приношения

для больниц, школ и на благотворительные заведения, как скотом, так вещами и деньгами» [41, с. 99]. Вместе с тем, в документе указывалось на то, что допускались добровольные подношения представителям казахской знати по местным обычаям и традициям. Здесь имеется в виду обычай саун, который включал различные обязательства, связанные с подношением скота (согым, журшылык, жылу и т.д.). Это давало возможность местной знати использовать свое привилегированное положение для обогащения за счет бедных сородичей. Добровольные подношения должны были поступать в окружные приказы, которым «поставляется в обязанность наблюдать, дабы пособия сии отнюдь не были вынужденные» [41, с. 100].

Основным видом налога с кочевников оставался ясак, который собирался по волостям. Размер ясака был определен уставом следующим образом: «По окончании льготного времени собирать с киргизов ежегодно ясак скотом, со сто голов одну; с верблюдов ясак не собирается» [41, с. 100]. Для сбора ясака областное правление составляло смету на каждый год, чтобы выяснить, сколько требуется лошадей для ремонта в казачьи полки, сколько для больниц и других благотворительных заведений степи, оставшийся скот продавался, а вырученные деньги шли в доход государству. Сборы ясака должны были производиться один раз в год, в летнее время. Количество скота, собираемого в порядке ясака, расписывалось по волостям на каждые три года. Кроме уплаты ясака, казахи должны были принимать участие в осуществлении связи и доставки из аулов в областное управление и обратно различных деловых бумаг.

Для поощрения перехода казахского населения к оседлости в 1827 г. царские власти приняли специальный указ «Об освобождении оседлых инородцев Западной и Восточной Сибири от всех ясачных и других сборов» [226, л. 407]. В связи с этим в документе было написано: «Как оседлые инородцы платят ныне подати на основании устава 1822 г., по тем сословиям в кои они вступили, то освободить их со времени вступления сего от всех ясачных и других сборов, коим они подлежали по разным постановлениям до сего указа. Для сложения собственного ясачного сбора, расчленить оный в каждом роде по душам и потом все количество сего, какое бы надлежало вносить инородцам, вышедшим в оседлые, исключить из окладных книг со времени их перечисления из оставшихся в роль кочевыми или бродячими взимать, впредь до переобложения их токмо то, что за сим исключением следовать будет» [226, л. 407].

В связи с ростом национально-освободительного движения казахского народа, недовольного открытием округов, отнятием земель, ущемлением

прав, увеличением различных поборов и повинностей, царское правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки. «Царские управители Казахстана пытались временными уступками, снижением налогов привлечь на свою сторону казахское население, недовольное произволом местных властей и русской администрации» [227, с. 15].

По истечении срока освобождения казахов от уплаты ясака во вновь открытых округах этот вопрос неоднократно рассматривался Сибирским комитетом и другими официальными учреждениями. В мае 1831 г. было утверждено положение Сибирского комитета «О порядке взимания ясака с сибирских киргизов в Каркаралинском и Кокчетавском округах» [228], в котором даны ответы на вопросы, касающиеся сбора ясака с местного населения, и определены новые льготы по уплате ясака. В данном документе сказано, что от уплаты ясака освобождаются султаны, управляющие округами, бии и все знатные казахи, находящиеся на службе царского аппарата. Но, чтобы под их именем не скрывали свой скот другие люди, было введено следующее ограничение: «а) у каждого старшего султана, управляющего округом, считать свободным от ясака не более, как 300 лошадей, 200 быков (коров) и 200 баранов (овец и козлов); б) у каждого старшины, бия или почетного киргиза... считать свободным от ясака не более как 200 лошадей, 100 быков и 100 баранов; в) у каждого султана, управляющего волостью, считать свободным от ясака не более как 100 лошадей, 100 быков и 100 баранов» [228, с. 391]. По данному указу менялся размер ясака. Так при сборе ясак теперь учитывался и молодой скот, поэтому предлагалось: «а) брать ясака не со ста голов одну (как предназначено в уставе 1822 г., ст. 134), но с быков (разумеется, как выше сказано и коров) взимать со 150 голов одну; с баранов (козлов, овец и коз) со 150 одну; с лошадей с 200 голов одну; б) сверх того, если в волости будет избыток скота, не составляющий полной дачи, например, 850 лошадей: то с сего избытка, т.е. с 50 лошадей, ясака не взимать» [228, с. 391]. По данному законоположению казахам разрешалось платить ясак в денежной форме и, соответственно, устанавливался его размер: «Киргизам Каркаралинского и Кокчетавского округов позволять, если они пожелают платить ясак деньгами в течении первых трех лет по 35 руб. (ассигнациями) за лошадь, по 25 руб. за быка и по 2 руб. за барана» [228, с. 392]. Данное положение способствовало дальнейшей замене натурального налога денежным и развитию товарно-денежных отношений в крае.

Содержание земских подвод, ремонт дорог и другие различные общественные работы выполнялись также за счет местного населения.

Они либо отработывали его натурой, либо оплачивали из собранного ясака непосредственно скотом или деньгами. Подтверждение этому факту мы находим в высочайше утвержденном положении Сибирского комитета «О содержании земских подвод в Омской области от Акмолинской округи до урочища Актау» [229]. По указу 1832 г. «О сложении ясака на три года с инородцев, вступающих в христианскую веру» утверждались льготы на 3 года от уплаты налога для лиц, которые приняли православие [230]. Этими льготами царское правительство экономическими методами поддерживало политику проведения христианизации в Казахстане.

Для получения прибыли царское правительство использовало все методы. Так, например, казахи должны были платить налог казакам за переход скота на прилинейную линию. В высочайше утвержденном положении Сибирского комитета от 19 марта 1854 г. записано: «Всех киргизов, не причисленных в крестьяне, кочующих на землях казенных селений, удалить немедленно во внешние округа и впредь внутри линии дозволить им кочевать на одних только землях линейного казачьего войска, получающего за это ремонтную пошлину, которая составляет один из главнейших источников доходов войска» [231]. По этому поводу Ф. Лобысевич писал: «В 1834 г. граф Перовский, для ограждения линии от набегов киргиз, проектировал целую линию укреплений от крепости Орской в верх до Сибирской границы по киргизским землям, которые с постройкой этих укреплений отошли в состав земель Оренбургского казачьего войска, а киргизы оттеснены в глубь степи и вынуждены были, за перепуск скота своего на новую линию, зимовку (в том месте не было, куда их оттеснили, не было корму) платили казакам за мелкую скотину 2 коп., за рогатый скот 5 коп., а за лошадь и верблюда 10 коп. ассигнациями, что продолжается до сего времени, с добавлением еще платы за распахку полей, доходящей за одну десятину от 1 руб. 50 коп. до 3 руб.; через это положение прилинейных киргиз сделалось еще крайне тягостным» [9, с. 9].

Постепенно с укреплением русских позиций на территории Казахстана система налогообложения совершенствуется и ужесточается. В 1837 г. царское правительство ввело в Младшем жузе постоянную подать, так называемый кибиточный сбор, который должны были платить все казахи. Размер кибиточного налога составлял 1 руб. 50 коп. с кибитки. Кибиточный налог не был дифференцированным, бедные киргизы платили наравне с богатыми, иногда отдавая последнее свое имущество. Кибиточный сбор производился дистанционными начальниками и начальниками аулов, а затем собранные деньги передавались через султанов-правителей в пограничную комиссию. За

правильное поступление кибиточного сбора персонально отвечали султаны-правители. Часто кибиточный сбор заменялся скотом или другими продуктами. Иногда казахи отдавали по 6-8 пудов пшеницы, так, в то время пуд муки стоил 20-30 копеек. Это способствовало развитию спекуляции в крае. Часто сборщики налогов продавали собранный скот, хлеб и т.д., а в казну платили деньгами. Разница между вырученной от продажи суммой и величиной кибиточного сбора оставалась в их пользу. Как указывает Е. Бекмаханов, по далеко неполным подсчетам Оренбургской пограничной комиссии, с 1837 по 1846 год только в Тургайской области было собрано кибиточного сбора на сумму 572. 344 рубля серебром. За период с 1837 по 1844 г. количество кибиток, плативших налог, выросло с 25 тыс. до 59 тыс. кибиток [43, с. 133].

По-прежнему производился денежный сбор за кочевание казахов на прилинейных землях. Его количество, по распоряжению местных властей, несколько изменилось. «Сбор производился по числу скота – с лошади по 9 коп., с рогатого скота по 6 коп., с овцы, козы и барана – по 3 коп. Только за три года, с 1837 по 1839 год, сбор за кочевание составил 60078 руб.» [43, с. 135]. Если казахи оставались зимовать или переходили в глубь прилинейных земель, власти брали от них письменное обязательство и одного казаха-аманата – в залог по своему выбору до их возвращения. Казахи обязывались вести себя спокойно, не причинять никому никакого вреда, не производить порубки леса и потрав.

В начале 40-х годов XIX века, в разгар национально-освободительного движения под руководством Кенесары Касымова, царские власти боялись увеличить размер налога и отменить льготы, установленные для новых открывшихся округов. Например, казахи Акмолинского, Баян-Аульского, Учбулакского и Аман-Карагайского округов до в 1841 г. не платили ясак. Кроме того, в этом же году округа Акмолинский, Кокбектинский и Аягузский по указу «О сборе ясака с киргиз округов Западной Сибири с 1841 по 1844 г.» опять были освобождены от уплаты налога «впредь до особого распоряжения» [232]. Если до этого ясак оплачивался ассигнациями, то теперь эта сумма была переведена в расходе на серебро: «а именно, за лошадь 10 руб. серебром, за быка 5 руб. 27 коп. серебром и за барана 58 коп. серебром» [232, с. 148].

Даже после подавления восстания царские власти боялись поднять размер налога на территории Среднего жуза. В 1848 г. был издан царский указ «Об освобождении сибирских киргизов внешних округов от возвышения ясака еще на одно трехлетие», в котором

говорилося: «...Признать со своей стороны возвышение в настоящее время ясачного оклада киргиз, при платеже оного деньгами, преждевременным и по сему полагаем: избавить сибирских киргизов от возвышения ясачного оклада, при платеже за скот деньгами, еще на два трехлетия, т.е. с 1849 по 1855 г., оставить означенный сбор на прежнем основании» [233].

Положение 1844 г. «Об управлении оренбургскими киргизами» систематизировало налогообложение в крае. Оно устанавливало следующие виды доходов от казахов: «а) плакатный сбор по 15 коп. серебром в месяц за билеты, выдаваемые киргизам, находящимся у линейных и внутренних жителей в работники, а также, находящимся вне степи в отлучке от своих жилищ; б) сбор штрафных денег за просрочку билетов по 30 коп. серебром за каждый месяц; в) сбор с киргизов, именуемый кибиточным по 1 руб. 50 коп. серебром в год с каждой кибитки» [41, с. 224]. Деньги, собранные за билеты, отправлялись на содержание Оренбургского Неплюевского училища. Штрафные деньги использовались на письменные принадлежности, а также поступали в состав вновь учрежденного пенсионного капитала. «Кибиточный сбор состоит в исключительном ведении Министерства иностранных дел по азиатскому департаменту и расходы из оного производятся не иначе как с высочайшего разрешения, по докладу министра иностранных дел» [41, с. 224]. Кибиточный сбор собирался дистанционными начальниками, начальниками аулов и затем доставлялся в пограничную комиссию. Султаны правители лично отвечали за правильным сбором кибиточного налога. При пограничной комиссии учреждался особый пенсионный капитал, который «предназначался на пенсии и единовременные пособия лицам, оказавшим услуги и особенную преданность правительству» [41, с. 225].

Из материалов законодательных актов видно, что казахское население оплачивало еще и все услуги наиболее верноподданных чиновников и представителей казахской знати. Кроме того, за счет средств, собранных с населения казахского края, оплачивались командировочные и другие расходы царских чиновников и казачьих офицеров. По этому поводу в высочайше утвержденном положении Комитета министров «Об увеличении суммы, определенной на прогоны и порции чиновникам областного правления оренбургскими киргизами и на разъезды и канцелярию попечителям сих киргизов» написано: «На основании высочайше утвержденного 14 июня 1844 г. штата управления оренбургскими киргизами, на прогоны чиновникам ведомства областного правления, командируемым по делам службы в степь и на линию, а равно на производство им суточных денег,

ассигнуется ежегодно из кибиточного сбора 2.000 рублей серебром: на разъезды же шести попечителей прилинейных киргизов и на канцелярию их назначено по 150 руб. в год каждому, всего 900 руб. серебром» [234]. Или читаем в именном указе 1857 г. «Об усилении способов главного управления Оренбургским краем»: «Государь император изволит оставаться в полной уверенности, что с усилением вверенного вашему превосходительству управления на вышеизложенных основаниях, увеличатся без сомнения и местные денежные средства, которые дадут возможность в непродолжительном времени, обратить все означенные расходы на местные источники самого края. в облегчении государственного казначейства» [235]. Эти факты подтверждают и следующие законодательные материалы: «О производстве жалования двух сотенным отрядам оренбургского и уральского казачьего войск, состоящих при султанах правителях средней, восточной и западной части Киргизской орды»; «О производстве жалования по усиленным окладам офицерам уральского казачьего войска, командирам в двухсотенном отряде и султанам правителям западной части Киргизской орды»; «О командировании ежегодно генералов для осмотра укреплений Оренбургского и Уральского»; «О выдавании чиновникам, командированным в Киргизскую степь, подъемных денег и о производстве жалования чиновникам Оренбургской пограничной комиссии»; «О квартальных деньгах офицерам, состоящим на службе при Оренбургской пограничной комиссии» [76] и др.

В положении «Об управлении Семипалатинской области» 1854 г. определены виды налогов для местного населения данной области. Этим вопросам посвящены ст. 106-112, четвертого раздела «Сбор повинностей» в третьей главе. В ст. 106 записано: «Внутренние сибирские киргизы, со скота им принадлежащего, как то: лошадей, рогатого и баранов платят ясак с 60 голов по одной штуке, по ценам, высочайше утвержденным в 1852 г. для внешних окружных приказов. Ясак поступает в общий государственный доход» [162, л. 519]. За несвоевременную уплату ясака или за сокрытие скота виновные подвергались наложению штрафа: «В первый раз платежу двойного ясака за открытый скот и личному наказанию, смотря потому, произошло ли это от невнимания или нерадения, или от утайки; во второй раз взысканию тройной ясачной подати, пени 15 руб. серебром и личному по суду наказанию» [162, л. 519 об.].

Реформы 60-х годов XIX века окончательно определили основные виды официальных налогов и податей, собираемых с казахского населения. Положение 1867 г. увеличило кибиточный сбор для казахов Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей до 2 руб. 75 коп. с кибитки

[41, с. 303]. Кибитками считались и дом, и землянка, и ветхие постройки. Подсчет кибиток производился один раз в три года. «По числу кибиток и волости определяется причитающаяся на нее сумма кибиточного сбора. Раскладку причитающейся на волость суммы по аулам производят волостные съезды выборных по благосостоянию аулов или при одинаковом благосостоянии, по числу кибиток» [41, с. 304]. В ст. 272 документа говорится о том, что волостные и аульные старшины не освобождаются от уплаты налога, однако в награду за службу по решению всей общины они могли быть освобождены от кибиточного сбора с раскладкой причитающейся суммы на все общество. Это давало возможность казахской знати скрыто эксплуатировать оставшееся население. Для оседлого населения Сыр-Дарьинской области устанавливались харадж в размере 1/10 урожая и танапный сбор, размер которого определялся главным начальником края. Собранная сумма должна поступить в уездную кассу не позднее 1 марта следующего года. 5% от всей собранной суммы шло на содержание членов управления.

Положение «Об управлении Акмолинской, Семицалатинской, Уральской и Тургайской областями» сохранило основные подати, сборы и земские повинности, которые применялись к другим областям. Однако «с киргизов Оренбургского и Сибирского ведомств устанавливался кибиточный сбор по 3 руб. в год с кибитки. Данное положение отменяло билетный сбор, зато вводило паспортный сбор. «Киргизы, отправляющиеся на заработки, получают паспорта от волостных управителей без задержания, за исключением лиц неодобрительного поведения, которым отлучаться из кочевья не дозволяется» [41, с. 336]. Кому выдавать паспорт, а кому нет, решал главный начальник края.

Кроме этих видов налогов в обязанность оседлого и кочевого населения входило: «содержание лиц местного управления, ... исправление арычных мостов, гатей, спусков и подъемов на почтовых трактах, выставка во время летней кочевки кибиток для больных, отвод кибиток и доставка топлива командирваемым по делам службы в аулы чиновникам» [41, с. 336]. Хотя в мирное время поставка верблюдов и лошадей на различные нужды отменялась, зато в случае военных действий военные губернаторы и уездные начальники имели право использовать их с уплатою за перевозку. Таким образом, казахи, кроме прямой уплаты налогов, выполняли еще массу всевозможных повинностей, которые тяжелым бременем ложились на плечи кочевников. На этот факт вынуждены были обратить внимание даже царские чиновники. Так, сенатор А.К. Гейнс во время ревизии края писал: «Во время ревизии я сочитал, как дорого стоит киргизам мой

объезд. Было всего три экипажа. Почти на каждых 25 верстах были выставлены две или три кибитки и согнано около 15 лошадей, с тремя или четырьмя киргизами и двумя бабами для постановки кибиток и т.д. Подобные расходы особенно чувствительны киргизам, потому, что повторяю еще раз, они падают исключительно на бедных людей» [94, с. 383].

Губительную роль в разорении казахских аулов сыграли и так называемые «воинские поиски». «Воинскими поисками» назывались карательные экспедиции, снаряжаемые в степь, якобы в поисках злоумышленников. Карательные отряды громили аулы, угоняли скот, отбирали имущество. О тяжелом положении казахов в те годы Ф. Лобyseвич писал: «...поборы денежные, поборы верблюдов для поднятия тяжести отрядов, выходящих в степь, а тут еще неудавшаяся хивинская экспедиция, потребившая до 15000 верблюдов, из которых большая часть погибла в пути, а остальные не возвращены султанам-правителям, – сильно расстроили материальный быт киргизского народа» [9, с. 10]. Эти все факты говорят о том, что даже карательные экспедиции, направленные для подавления сопротивления казахов, содержались опять-таки за счет самого местного населения.

Положение 1886 г. сохранило свою колониальную направленность, что нашло свое прямое отражение в налоговой системе, устанавливаемой на территории Казахстана. По данному законодательному документу увеличивался размер различных налогов и повинностей. Размер кибиточного сбора увеличился до 4 руб. «Обложению налогами подвергались не только кибитки, но и землянки, и другого рода жилища, т.е. и те лачуги из камыша, в которых жили байские батраки. Подать взималась со всего населения одинаково. Крупный бай, середняк, бедняк – все платили в одинаковом размере, т.е. с каждой кибитки. «Кибиточный сбор, налагавший одинаковую сумму, следующую к уплате, и со стороны ничего не имеющих казахов, и со стороны тех, которые владеют многими тысячами голов скота – сам по себе уже несправедлив» [94, с. 383]. В случае неуплаты кибиточного налога применялись репрессивные меры: «Волостной управитель, с разрешения уездного начальника, даваемого по соглашению с податным инспектором, приступает в присутствии аульного старшины и волостных выборных аула, к продаже имущества недоимщика, за исключением кибитки и то части скота, которая составляет крайнюю необходимость в его хозяйстве. В случае недостатка имущества неисправного юртовладельца, недоимка оплачивается остальными юртовладельцами, по раскладке аульного схода, а при неисправности аула – остальными аулами волости. при раскладке схода волостных выборных» [41, с. 377]. Таким образом,

кибиточный сбор осуществлялся в любом случае, без исключения и собирался со всех членов аула.

Все оседлое население казахского края облагалось по новому положению поземельным налогом. Хараджный и танапный сборы с оседлого населения отменялись. «Земли, как населенные, так и ненаселенные, принадлежащие частным лицам, обществам и установлениям или состоящие только в постоянном их владении, пользовании и распоряжении, облагаются в доход казны государственным поземельным налогом» [41, с. 375]. Размер поземельного налога определялся казенною палатою сроком на шесть лет и вносился в казначейство по формам окладных листов. Формы окладных листов, податных книг, различных квитанций и т.д. составлялись казенною палатою и утверждались лично генерал-губернатором.

Земские повинности, количество которых неимоверно возросло, также были законодательно оформлены и подтверждены. «Натуральною земскою повинностью отбываются следующие потребности: 1) содержание в исправности искусственного орошения; 2) содержание указательных знаков по дорогам, подверженным снежным заносам, и в снабжении, в чрезвычайных случаях, проходящих войск юртами и топливом, вознаграждением за сие по утвержденным генерал-губернатором ценам» [41, с. 377]. Теперь земские повинности выполнялись и в денежной форме, которые делились, в свою очередь, на областные и общественные. Для того, чтобы показать, насколько эти повинности были тяжелыми для местного населения, приводим полностью выдержку из ст. 317 положения: «На счет денежных областных земских повинностей удовлетворяются следующие потребности: 1) меры обеспечения народного продовольствия; 2) меры к развитию местной торговли, промышленности, скотоводства и к улучшению культуры хлопка и шелководства; 3) расходы по народному здравью и оспопрививанию; 4) расходы по предупреждению падежей скота, по охранению хлебных посевов и других растений от истребления вредными насекомыми и животными; 5) участие в расходах по устройству и содержанию учебных заведений, учреждаемых правительством; 6) постепенное устройство постоянных помещений для квартирующих в области войск; 7) производство таких, не относящихся к государственным сооружениям, гидротехнических работ, которые по значительности размеров, не могут быть выполнены средствами отдельных обществ; 8) содержание должностных лиц по введению поземельного и податного устройства в крае; 9) восполнение обществам переселенцев для устройства искусственного орошения, школ и церквей; 10) отопление, освещение и содержание в исправности

казенных помещений, занимаемых генерал-губернаторами и военными губернаторами; 11) пенсии двадцати семи семействам туземцев, производящиеся на основании высочайшего повеления 9 августа 1882 г.» [41, с. 378]. Из данного пункта положения видно, что все содержание управления края, его социально-экономическое развитие полностью осуществлялось за счет различных сборов, налогов и повинностей с местного населения. Получалась парадоксальная ситуация: проведение колонизаторской политики царское самодержавие осуществляло за счет самих колонизируемых, не тратя ни копейки и получая за это прибыль в виде налогов. Как пишет К. Кусайинулы: «При проведении русской системы управления ставилось целью свести до минимума материальные затраты государства...» [227, с. 13].

Несмотря на то, что официальные власти пытались установить хоть какие-то льготы для кочевого населения, местная администрация вносила свои коррективы в сбор налогов. Многие повинности и денежные сборы являлись различного рода дополнениями к законам, которые устанавливала местная администрация. Их собирали по необходимости в любое время года. Казахи, кроме того, выполняли много различных повинностей: содержание в хорошем состоянии почтовых дорог и дорог вблизи военных укреплений, строительство мостов через оросительные системы, исправление плотин, чистка магистральных арыков и выполнение других многочисленных общественных работ.

Положение об управлении Степными областями 1891 г. подтвердило всю созданную систему налогообложения, принятую положением 1886 г. Все затраты, связанные с управлением областей, восполнялись за счет кибиточного налога (его размер остался прежним 4 руб. с кибитки), поземельным налогом с оседлого населения и земскими повинностями в виде натуральных и денежных. «Для удовлетворения потребностей, подлежащих исполнению посредством областных денежных земских повинностей, облагаются: 1) кочевое население; 2) земли, отведенные в надел сельских обществ, как инородческих, так и русских; 3) недвижимые имущества в городах; 4) фабричные и заводские помещения; 5) торговые и промысловые свидетельства, патенты и билеты на содержание торговых и промышленных заведений» [41, с. 399]. Размер обложения налога предполагалось определять ежегодно, совместно с земскими сметами. Это давало возможность дальнейшего увеличения налогообложения.

О неимоверно тяжелом положении казахского населения, опутанного сетью различных сборов и повинностей, писал А.К. Гейнс во время своей поездки по казахской степи: «Киргизы обязаны:

содержать членов местной администрации, доставлять чиновникам, следующим не по почтовым трактам, средства на проезд, исправлять почтовые и кочевые пути, выставлять кибитки для больных и командированных в степь чиновников и доставлять последним топливо. Эти повинности отбываются натурою или деньгами. Денежными сборами отбываются также все расходы, устанавливаемые самими киргизами на удовлетворение разных общественных потребностей... Как тяжело отзывалась на киргизской жизни неправильность сбора чегына (шыгына, т.е. убытка) и как велики были при этом злоупотребления киргизских властей» [94, с. 383].

Налоговые сборы и повинности приносили казне огромные прибыли. Так, в брошюре «Убыточен ли Туркестан России?» приводятся следующие цифры получения прибыли российской казною за период 1868-1896 гг.: «Не имея под руками соответственных цифровых данных, определить сумму этого дохода, конечно, невозможно, но, принимая в соображение количество населения этих областей и размер кибиточной подати как главного дохода казны и допуская, что ничтожные расходы по управлению этими областями покрываются другими доходами – можно принять, что они за 28 лет дали едва ли не меньше 28.000.000 руб. Таким образом, прямой, непосредственный, доход казны за 28-летний «дефицитный» период, полученный с Туркестана и присоединенных вместе с ним областей – исчисляться в $42+28=60$ мил. руб.» [60, с. 126].

Налогообложению подлежали не только земли, кибитки, но и все недвижимое имущество, фабричные и заводские помещения, торговля, различные промыслы и т.д. Даже осуществление переселенческой политики, распространение христианства, русификация – все это проводилось путем усиления системы налогообложения казахского населения. Подводя правовую основу под систему сборов налогов и повинностей, царское правительство узаконивало колонизаторскую политику, проводимую на территории Казахстана, создавало ей экономическую основу.

Налоговая законодательная политика продолжала совершенствоваться и осуществляться в дальнейшем. Местная администрация составляла всевозможные ведомости, списки о количестве кибиток, о размерах подати и налогов и т.д. Эти вопросы находились постоянно в ведении царского правительства, на основании которых составлялись новые законодательные документы. Об этом свидетельствуют многочисленные подготовительные материалы законодательства, сохранившиеся в РГИА: дела «О кибиточном сборе с киргиз Акмолинской и Семипалатинской области», «О размерах кибиточного сбора с киргиз

Оренбургского и Сибирского ведомства», «О мерах обложения сбором Киргизских степей», «Об увеличении кибиточных сборов с киргизского населения Степных областей», журналы заседания Комитета министров «Об обложении податью киргиз-кайсаков», «Об оставлении без изменения размеров кибиточного сбора с киргиз Степных областей в связи с введением Степного положения» и др. В соответствии с этими материалами почти ежегодно принимались соответствующие законодательные акты, регулирующие систему налогообложения с местного населения. Эти факты подтверждают следующие законоположения: «О взимании оброчной подати в Степных областях на основании положения об управлении Степными областями» (1892 г.); «Об утверждении земских смет и раскладок в Степных областях на 1893 г.» (1893 г.); «О сметах и раскладках земских повинностей в Степных областях на 1894 г. и об утверждении росписей денежным земским сборам и расходам Степных областей на сей год» (1894 г.); «О смете и раскладке земских повинностей Туркестанского края на 1894 г. и об утверждении росписей денежным земским сборам и расходам Туркестанского края на сей год» (1894 г.); «Об установлении на трехлетие с 1895 по 1897 гг. включительно оклада оброчной подати с сельских обществ в областях Акмолинской и Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» (1895 г.); «О смете и расходах земских повинностей Туркестанского края на 1895 г.» (1895 г.); «О земских сметах и раскладках на 1896 г. в Степных областях» (1896 г.); «О смете и раскладке земских повинностей в Туркестанском крае на 1896 г.» (1896 г.); «Об окладах государственной оброчной подати с сельских обществ в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской областях на трехлетие с 1898 по 1900 гг. включительно» (1897 г.); «Об установлении окладов государственной оброчной подати с земель, состоящих в пользовании оседлого населения Степных областей» (1902 г.); «О введении в городских поселениях Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей государственного налога с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках» (1905 г.); «Об окладах государственной оброчной подати с земель оседлого населения Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей» (1905 г.); «Об установлении подешатных окладов государственной оброчной подати с земель оседлого населения Семиреченской, Уральской и Тургайской областей и о распространении на последнюю из названных местностей правил раскладки означенной подати, действующей в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях» (1908 г.); «О сметах и раскладках земских повинностей Туркестанского генерал-губернаторства

и Степных областей на 1908-1909 гг.» (1908 г.); «Об установлении подесятинных окладов государственного поземельного налога с богарных и необрабатываемых земель в областях Самаркандской, Ферганской и Сыр-Дарьинской» (1909 г.); «О сметах и раскладках земских повинностей в Акмолинской и Семипалатинской областях на трехлетие 1913-1915 гг.» (1913 г.); «О сметах и раскладках земских повинностей в Уральской и Тургайской областях на трехлетие 1913-1915 гг.» (1913 г.); «О повышении окладов государственного поземельного налога, а также государственной оброчной подати (п. 2)» (1914 г.) [76].

Таким образом, рассмотрев основные законодательные материалы царского правительства, которые вводили и утверждали царскую систему налогообложения на территории Казахстана, можно сделать следующие выводы. Система налогообложения вводилась постепенно, учитывая степень закрепления позиций царизма на территории Казахстана. Если в начальный период присоединения Казахстана, только номинально устанавливался ясачный налог, то к середине XIX века виды различных сборов, повинностей и их количество значительно увеличилось. Натуральная форма налога постепенно была заменена его денежной формой. Реформы второй половины XIX века окончательно завершили и законодательно закрепили систему российского налогообложения в Казахстане. Вся система налогообложения сводилась к тому, чтобы подчинение казахского края происходило за счет эксплуатации местного населения. Из анализа источников видно, что вся колониальная политика империи строилась и осуществлялась на экономическом закабалении казахского народа, а законодательные документы по внедрению и распространению российской системы налогообложения стали ее стержнем.

Глава 5.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА ИМПЕРИИ, РЕГУЛИРУЮЩАЯ ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВОПРОСЫ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

Суть любой колонизации, в конечном счете, сводится к захвату новых территорий, освоению свободных участков земли, пригодных для переселения и обработки, рынков сбыта и источников сырья. Поэтому в процессе присоединения Казахстана к России на первый план царские власти ставили именно эти задачи, и вопрос о земле занимал одно из центральных мест в хозяйственно-экономической политике царского самодержавия. «Поступательное экономическое развитие России было тесно связано с ее завоевательной политикой, которая была необходима для снятия внутреннего кризиса, и это было возможно лишь методом расширения территории. Новые завоеванные земли для экономики России служили в качестве источника государственных доходов и как новый рынок для реализации российских товаров. В социальном аспекте присоединенные земли предназначались для перемещения избытков населения из центра» [60, с. 4].

В начальный период присоединения почти во всех законодательных документах упоминается необходимость исследования природных богатств и освоения новых территорий. В высочайшей резолюции 1734 г. записано: «А что касается до богатых металлов и камней, коя главная польза есть, а у сего народа в непорядке и презрении состоят, о том попеченне главное имели бы и иных польз от коммерции сыскивали» [118]. Для этого при всяком удобном случае посылались геодезисты, землемеры и разного рода люди, имевшие задание выяснить расположение местностей, природные богатства, количество скота и т.д. Например, в именном указе 1739 года записано: «А для посылки с тем караваном искусного в географии отправить велено из Академии наук» или в указе 1754 г.: «Обретающего в земле в металлах и минералов богатства искать, и заводы в пользу государственную и общую заводить, и пользоваться теми заводами всем свободно; а понеже не безызвестно есть, что в Оренбургской губернии, по обширности оной местности, разных родов руд и различного камня паходится довольно... Кто бы какого чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь золото, серебро, медь, олово, свинец и железо, також и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребные земли и камня. Кто таковые новые металлы и минералы изобрящет, и охоту

будет иметь к устройению заводов, тем сысканные и обретенные руды и различных цветов камня, с описанием, где кто найдет, объявлять в Москве в Берг-коллегии, и в учрежденных и определенных от Берг-коллегии Горных начальствах и командах, которые должныствуют им добрым советом вспомоществовать, как с оными поступать» [76].
Таких примеров можно привести множество.

Именно земельный вопрос наглядно и открыто раскрывает суть колонизаторской политики, проводимой официальными властями на территории Казахстана. Среди правящих кругов царской России не было единого мнения по поводу решения земельного вопроса в Казахстане. Одни считали, что в Казахстане проживают кочевники-скотоводы, для которых не существует земельного вопроса, а, следовательно, можно свободно распоряжаться этими землями. Другие говорили о непригодности пустынных земель Казахстана для развития земледелия и хлебопашества, и поэтому их необходимо было по возможности приспособить для нужд империи. Но никто не учитывал того, что для кочевников земля являлась главным источником существования, никто и думать не хотел об интересах местного населения. Поэтому в земельном вопросе главная задача сводилась к освоению и присоединению новых земель, переселению на нее русских крестьян и казаков, получение максимум прибыли от ее эксплуатации. «Вопрос стоял о порабощении народа и прииспособлении проблемы землепользования в крае к целям колониальной политики», – писал академик С. Зиманов [45. с. 248].

На правах крупной империи Россия стала открыто претендовать на земли казахов и на самих казахов как на подданных Российского государства. С первых дней присоединения, смутно представляя себе специфику аграрных отношений в Казахстане, царское правительство стало проводить политику, направленную на ущемление прав местного населения в вопросах владения землей. Впервые вопрос о запрещении казахам переходить на правый берег Яика был поставлен в инструкции, данной И. Кириллову в 1734 г.: «Ежели Абулхаир хан или другие киргиз-кайсацкие ханы и орды пожелают кочевать близ того города, то им назначить довольные места, где бы они могли постоянно кочевать и притом смотреть, дабы от тех орд своевольных на другую сторону Яика переходов не было» [119. с. 323]. С самого начала царское правительство стало распоряжаться казахскими землями как собственной территорией. В инструкции, данной И. Кириллову в 1736 году, записано: «Когда из Ташкента и из Туркестана и из прочих принадлежащих к Туркестану городов градодержатели будут искать нашей все милостивейшей протекции: оных, под какими ни есть

кондичиями, привлечь для коммерции Оренбургской; и ежели из оных мест в будущее лето будут купцы в Оренбурге с караванами или на житье: таких принимать и под селения отводить им земли, по рассуждению вашему и всякую им показывать ласку и удовольствие» [123, с. 740].

Большую помощь в освоении казахских земель оказывали казаки, которые явились социальной опорой русской колонизации и первыми переселенцами на территории Казахстана. Именно они начали своевольный захват казахских земель, стали ущемлять права казахов на свою землю, применять репрессивные методы. Строительство военных крепостей и освоение близ лежащих земель ограничивали традиционные кочевья казахов. Все земли, расположенные вдоль пограничных линий, более 10 000 кв. км (так называемая «десятиверстная полоса»), изымались из пользования казахов, издревле проживающие здесь казахские аулы подлежали выселению из этого района. Указом от 19 октября 1742 года «О запрещении кочевок киргизских родов близ Урала, Яицкого городка и крепостей» [76], запрещалось казахам переходить реку Яик, в случае неповиновения к ним могло быть применено оружие. В документе было указано: «Указом повелено, как киргиз-кайсацким ханам, султанам, так и всем вам, старшинам и народу, объявить, чтоб вы в получении сего ее императорского величества высочайшего указа близ крепости отнюдь не кочевали и через реку Яик нигде не переходили» [120, с. 101]. Целый ряд законодательных актов 40-60-х годов XVIII века запрещал казахам пасти свой скот на землях между Уралом и Волгой, переходить на правый берег Иртыша, Тобола, Ишима, кочевать вдоль северного берега Каспийского моря. Так, по указу от 5 марта 1744 г. пойманных казахов следовало направлять в ссылку за нарушение закона [76]. Чтобы у казахов даже не было повода перегонять свой скот на правый берег, по указу 1747 г. «Об усилении гарнизона в Гурьев городке и о выжигании трав в окрестностях этого города для предосторожности от киргизцев» [20, с. 22] производилось массовое осеннее выжигание степи по одну сторону реки. Эти законодательные акты послужили основой и толчком для земельной колонизации казахского края. Эти земли уже были зафиксированы как государственный фонд России и переданы для пользования казачеству. Запрещение перехода объяснялось желанием не допустить столкновений с калмыками и не разжигания межнациональной вражды, хотя именно этот метод был излюбленным в проведении политики царизма «разделяй и властвуй».

Царское правительство и в дальнейшем продолжало запрещение казахам выпаса скота в районе реки Яик, о чем последовал рескрипт

Елизаветы от 2 сентября 1756 года. Согласно данному документу, казахам запрещалось перегонять свой скот на западную сторону Яика в зимнее время. 24 декабря 1757 года последовала грамота Елизаветы хану Нуралы, подтвердившая запрет казахам перегонять скот через Яик [39, с. 547-548]. Аналогичный указ Коллегии иностранных дел от 6 марта 1755 г. [20, с. 42] препятствовал казахам Среднего жуза переходить на «жилую сторону» Иртыша. Действие этих указов не распространялось на ханов и наиболее влиятельных казахов, которые получали право перегонять скот на правобережье Яика и Иртыша при условии передачи местной российской администрации аманатов на время пользования пастбищами. Предоставив казахским скотовладельцам определенные привилегии, царские власти получали тем самым в их лице серьезную опору для проведения своей политики. Эти царские указы еще более обострили земельные отношения в данном регионе. Объективную оценку положения того времени дает директор азиатского департамента К.К. Родофиникин, специально приезжавший в Оренбургский край для ознакомления с состоянием казахской степи. Вот что он писал: «Теперь киргизы терпят, во-первых: от неумеренных плат, требуемых с них казаками за перепуск скота в зимнее время на внутреннюю сторону для тебеневки, – затем от различных неправильных притязаний линейных жителей на места, лежащих за Линиею. Но, кроме сего, им делаются разные притеснения в отношении к зимовкам, к добыванию соли из озер, в степи лежащих... Подобные стеснения встречаются киргизы и в отношении к зимовкам близ линии. Известно, что внутри степей мало имеется приютов для скота в зимнее время. Те из киргизских родов, которые там кочуют, вынуждены бывают на зиму удалиться иногда на Сыр-Дарью и в другие отдаленные участки орды. Тем более важны для ордынцев, постоянно кочующих близ нашей линии, места по прилинейным рекам, где еще сохранился кой-где уже редкий в степи лес и камыш, доставляющий им приют от свирепствующих в зимнее время буранов, топливо от холодов и пищу для скота» [45, с. 129].

Кроме отнятия земель, строительства крепостей, царское правительство поощряло заселение пустующих земель различными приезжими людьми. Об этом прямо говорится в указе от 9 октября 1762 года «О позволении селить отставных нижних чинов на Сибирской линии»: «Вашему императорскому величеству Сенат всеподданнейше представляет, что и по рассуждению Сената, как на Сибирской линии на пустых местах, так и в других губерниях, где удобно, отставных драгун и солдат, по мнению Военной коллегии, селить надлежит; и для того их поселения, как на проход, так и на обселение в награждение денежным жалованием и провиантом довольствовать из

Сибирских неположенных в штат доходов, равно как указами в Казанской губернии таковых отставных селить велено» [236].

Земельные вопросы постоянно находились в центре внимания царского правительства, что нашло отражение в подготовительных материалах, сопутствующих появлению того или иного закона. Например, дела «О предоставлении киргиз-кайсакам Меньшой орды пастбищ между Самарой и Уральском» [237], «О наделении кочующих киргиз земель» [238], «О переселении киргиз-кайсаков Средней орды в пределы России на вечное кочевание» [239], журналы Комитета министров «О поселении киргиз в Оренбургской губернии» [240], «О разграничении земель 1865 г. и об учреждении особой комиссии для разбора поземельных споров» [241], дело «О разрешении некоторых кочующих племен киргизов перейти на восточный берег Урала» [242] и т.д. Решения, принятые по этим вопросам, нашли отражение в следующих законодательных материалах: «О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телеутского озера, о построении там, в удобных местах крепостей, и о заселении той страны...» (1760 г.); «О состоянии дел в Оренбургской губернии» (1770 г.); «О не продаже пустопорожных земель в Оренбургской губернии» (1770 г.); «Об отводе из лежащих по Иртышской линии земель, на которых производить казенное хлебопашество тамошним казакам» (1773 г.); «О переселении киргиз-кайсаков из дальних степей во внутренность России» (1788 г.); «Об отводе пастбищ бухарским киргизам в удобных местах по берегу Урала» (1803 г.); «О распоряжениях для отвода земли в Астраханской губернии калмыкам и киргиз-кайсакам» (1803 г.); «О назначении земель калмыцкому и другим кочующим народам в губернии Астраханской и кавказской» (1806 г.); «О переходе киргиз на внутреннюю сторону Урала» (1808 г.); «О невзыскании с военнослужителей Оренбургской губернии за отмежеванные им земли десятинных и пошлинных денег» (1820 г.); «Об отводе земли под кочевья киргиз Внутренней орды» (1828 г.); «О наделении землями войска Уральского и киргиз Внутренней Букеевской орды» (1833 г.); «Об определении времени выжигания полей и степей в Оренбургском крае» (1850 г.); «О переселении кочующих на землях Уральского казачьего войска киргизов во Внутреннюю и Зауральскую орды» (1859 г.); «От отводе земель в Сибири под устройство винокуренных заводов» (1862 г.); «О праве киргиз переходить внутрь линии для найма в работы» (1867 г.); «О разграничении земли между Уральским казачьим войском и букеевскими киргизами» (1871 г.); «О распределении долины левого берега реки Урал между казаками и зауральскими киргизами» (1871 г.) [76] и т.д.

Хотя запретительные меры и имели место в отношении кочевков казахов, но, тем не менее, в начальный период присоединения они всячески нарушались. В результате постоянных столкновений с властями и с соседними кочевыми народами казахи вплоть до середины XVIII века переходили на правый берег Иртыша и Яика. Но строительство новых линий военных укреплений создало непреодолимый барьер на пути казахов. В 1755 году Коллегия иностранных дел вообще предложила закрыть выход к внутренней территории, а позже было запрещено подходить к Иртышу ближе, чем на 10 верст. Подобная ситуация складывалась и вокруг Яика. Следовательно, земельный вопрос обострился еще больше, многие казахские роды вынуждены были откочевать на юг и искать другие пути выхода создавшейся ситуации. Такая политика царизма вызвала естественный протест возмущения со стороны казахского народа. «Нормальному течению русско-казахских связей препятствовали колониальные устремления российских властей. Российская колониальная администрация всегда отдавала приоритет военно-политическим планам, нежели хозяйственным. Поэтому частые внутренние междоусобицы, вражда между соседними народами, провоцируемые российскими властями, а иногда и прямые карательные акции, направленные против казахов, подорвали экономическую стабильность казахского общества. Захват под укрепленные линии и крепости огромной территории нарушал традиционные пути кочевков казахов, отрезал их от богатых пастбищ на севере и отрицательно сказался в целом на жизнедеятельности народа» [94, с. 189-190].

Не вникая в суть земельных отношений, считая вправе полностью распоряжаться присоединенными территориями, в 1763 году императрица писала оренбургскому генерал-губернатору: «Мне кажется, легко можно ответить киргиз-кайсацкому хану на его доказательства о дозволении перейти со своим скотом Яик. Он признается за подданного России, следовательно, он послушен будет и не пойдет со своим скотом, где им заказано, понеже всякий российский подданный не смеет переходить, где ему не позволено. А есть ли у них корму для скота не довольно, то покупают за деньги или выменивают на товар, или запасают на зиму, что им советуется делать, и если они хотели порядочно селиться, то бы им удобнее было все нужное для человеческой жизни иметь» [79, с. 16].

Царские власти широким фронтом продолжали осуществлять меры по упрочению своих позиций в степи, всячески стремясь отеснить казахские кочевья от создаваемых линий военных укреплений и строящихся на них крепостей, которые уже к началу 50-х годов XVIII века полукольцом охватили казахские земли от берегов

Каспийского моря до верховьев Иртыша. К этому времени были сформированы Яицкое, Оренбургское и Сибирское казачьи войска, которые получали льготы и земельные наделы на наиболее плодородных и выгодных участках. «Продвижение укреплений в степь, постепенное образование новых линий, которые возводились без учета маршрутов сезонных кочевий казахов, способствовали изъятию из эксплуатации кочевников территорий кыстау и джайляу в Западном, Северном и Восточном Казахстане и, как следствие, усиливали объективный кризис кочевого хозяйства» [136, с. 28].

Строительство на территории Казахстана линий военных укреплений вело к потере больших земельных массивов. Как писал С. Асфендияров: «Изъятие большого количества земли, утрата богатых, тучных пастбищ по Ишиму, Тоболу, Иртышу и Уралу, конечно, в первую очередь отражались на массе слабых родов – на бедноте. Насилия, грабежи, убийства, сопровождавшие завоевание, вызывают брожение и недовольство в казахских массах; начинаются вспышки восстаний против насильников-завоевателей» [37, с. 130]. Нерешенность земельного вопроса приводила к дальнейшему обострению земельных отношений, запрещению царскими властями перехода скотоводов на внутреннюю сторону, ущемлению прав родовых старшин, открытому грабежу и насилью над народом со стороны хана, султанов, уральского казачьего войска и царской администрации. В своих воспоминаниях капитан И.Г. Андреев, прослуживший около 50 лет на границе Южной Сибири и Казахстана, писал: «В рассуждении наглостей и чинимых от сего народа к российской стороне грабительств, сначала были по всем линиям чрезвычайные запрещения для оных; к границам российским и реке Иртышу кочевьями ближе десяти верст не допускать не под каким видом; ибо они, не довольствуясь выголами кочевья своего в близости границы, делали многие воровства и от неосторожности своей пожигали поставленные не точию партикулярные, но и казенные сена; вкрадывались со своими конскими табунами часто и многочисленно до селений, где по тому же чинили грабительства и обиды потравую у земледельцев хлебов; что они и делали всегда, когда бывает в зимнее время великая погода, так что при перегонах их табунов не видно следов. По разведываниям же, смотря по обстоятельствам, посылались великие команды, иногда и с артиллернею, и выгоняли их в степную сторону с чувствительным иногда их уроном. А сверх того, ежели они на границах российских чинили грабительства, усмиряли их и военною рукою; чего они, страшась, были послушны; и так имели от них спокойствие» [13, с. 45].

В связи с начавшимися волнениями среди местного населения царизм был вынужден пойти на некоторые уступки. Чтобы окончательно

не отпугнуть казахов и не противопоставить их российским крестьянам, селившимся в районе пограничных линий, указом Коллегии иностранных дел от 16 июня 1771 года [13, с. 46] был разрешен пропуск казахов со скотом на другую сторону Иртыша с условием, чтобы они кочевали в отдалении от русских селений и больших дорог. Из указа читаем: «Киргизцам из-за реки Иртыша с конскими табунами на российскую сторону переходить позволить; с тем, чтобы располагать их в местах, которые бы были не в близости от здешних неукрепленных жилищ и дорог, коими чаще возятся казенные вещи, а паче в отдалении от колывано-воскресенских заводов, дабы киргизцы о тех местоположениях ни малейшего сведения иметь не могли, которых время от времени как с своими конскими табунами, так и равно и кочевьями, на самую границу перепускать, а в жилую сторону не далее 25-верстного расстояния, к коим в смотрении сего порядка и определяются смотрители с воинской стороны из казаков. Но которые, по множеству табунов удерживать оных, чтобы не проходили далее, никакого способа не находят. При перепусках же по крепостям и форпостам, в коликом числе людей и лошадей, и чтобы оные будучи в российской стороне, никаких шалостей не делали, берутся к пограничным делам подписки и в залог постоянства аманаты» [13, с. 46].

По указу от 27 декабря 1782 года «О разрешении перегонять скот на правый берег Урала» [42, с. 186] также был разрешен переход казахов на внутреннюю сторону, но только после получения разрешения от пограничных властей. А указ от 15 июля 1788 года «О переселении киргиз-кайсаков из дальних степей во внутренность России» [243] подтвердил данное положение. В 1798 г. вышел царский указ «О даче убежища переходящих из Средней киргиз-кайсацкой орды и вступающим в Российское подданство султанам и старшинам с их кибитками», согласно которому разрешалось казахам Среднего жуза переходить на правый берег Иртыша для кочевания: «Снисходя на прошение Средней киргиз-кайсацкой орды владения Аблай хана Айходжи Мулла Кочина и всемилостивейшем позволении ему перейти по сю сторону реки Иртыша и кочевать между крепостями Семипалатною и Омскою, я позволяю» [244]. Тем не менее, и позже царское правительство продолжало контролировать и регулировать вопросы перехода казахов за определенные границы. В именном указе 1798 года, данном барону О. Игельстрому, записано: «Повторяя вам повеление от 3 ноября об отводе степей для кочевания Меньшой киргиз-кайсацкой орды, по опробованному представлению вашему, предписываю иметь смотрение, дабы оный народ не переходил определенные границы. Пребываю вам благосклонный Павел» [80, с. 11].

Обострение земельного вопроса, рост недовольства, которое выливалось в национально-освободительное движение, разорение и массовые откочевки казахов, – все это способствовало тому, что царские власти были вынуждены реагировать на все эти процессы и принимать соответствующие меры и в начале XIX века. Процесс перехода казахов на внутреннюю сторону стал труднорегулируемым и во многом стал носить стихийный и массовый характер. В результате чего российские власти вынуждены были узаконить переход казахов на внутреннюю сторону, и указом 1801 года «О дозволении киргизскому народу кочевать между Уралом и Волгой» [245] было образовано Букеевское ханство. В документе об этом сказано: «Позволяю ему и народу киргизскому кочевать навсегда между Уралом и Волгою и заводить, где удобнее сыщется в лесных местах селения на зимнее прибежище, и определено к нему ста человек казаков Астраханского казачьего полка» [245]. Создание Букеевского ханства отвечало интересам царского самодержавия: необходимо было успокоить казахский народ от назревающего недовольства и волнения, также надо было придать стихийному переселению казахов планомерный и регулируемый характер, использовать новое ханство в своих корыстных интересах в качестве буфера. Положение от 19 мая 1806 года закрепило право владения землей в Букеевском ханстве: «Рассмотрев представления сии и доклад, от министра внутренних дел на основании оных нам поднесенный и в подлиннике при сем прилагаемый, соответственно сведениям, генерал-майором Завалишиным о землях сих, населении их и расположении кочевых мест доставленным, и соображениям от астраханского гражданского губернатора истребованным, утвердив составленное на основании оных положение об отводе кочевых земель, препровождаем при сем в Правительствующий сенат для приведения всех статей в нем содержащихся в надлежащее исполнение» [246].

Однако наделение казахов земельными участками в данном регионе осуществлялось неравномерно, большие земельные массивы переходили в руки крупных казахских скотовладельцев. Если наделы простых кочевников были небольшими, то родственникам хана, султанам, биям и т.д. принадлежали огромные земельные пространства. «Так, личное владение самого хана Джангира составляло около 400 тыс. десятин земли. Хан закрепил за своим братом Мендыгереем Букейхановым 400 тыс. десятин пахотных угодий, бия Балки Кудайбергенова снабдил грамотой на владение урочищами площадью 300 тыс. десятин. Во владении 25-30 таких семей находилось 85% всей площади ханства» [94, с. 134]. Таким образом, мы видим, что аграрная политика царизма учитывала интересы крупной казахской знати.

Хотя в законодательных документах до середины XIX века открыто нигде не указывалось, что присоединенные казахские земли являются собственностью России, тем не менее, в них достаточно четко прослеживается эта мысль. И она нашла практическое осуществление: царское правительство открыто и беззастенчиво распоряжалось этими землями, осуществляя захваты, насилие и грабеж. Так, например, в грамоте 1802 г., выданной Чапчар-султану Султанмаметьеву, говорится: «Жалуем вам сию нашу грамоту с тем, что по силе оной, продолжая пребывание ваше на отведенных вам и подвластному вам народу землях, будете управлять им с кротостью и правосудием каждого довольствоваться по духовным законам вашим и обыкновениям, что, исполняя, можете всегда впредь ожидать от верховной нашей власти и покровительства такого же благоденствия и защиты» [247]. Или в именном указе «Об отводе пастбищ бухарским киргизам в удобных местах по берегу реки Урал», данном оренбургскому генерал-губернатору Бахметьеву, читаем: «Повелеваю по главному вашему в том крае начальству, доставляя возможные бухарскому купечеству удобства, те пастбища отводить им по прежнему в удобных местах по берегу реки Урала и стараться не стеснять» [248].

Законодательные документы царизма прямо указывали, где какому народу селиться и какие занимать территории: «Определив, таким образом, пространство и пределы земель, кои калмыкам отвести будет можно, вы обратите внимание ваше к пресечению претензий между ими и киргизцами существующих на земли, между Волгой и Уралом лежащие. Если кочевание калмыков приносит тому краю ощутимые выгоды; то не менее полезна, быть может, и оседлость киргиз-кайсаков по сию сторону Урала. Но как народы сии с одной стороны издавна друг другу неприязненны: а с другой киргизцы, доколе пребывание их в том краю не будет постоянное основано, и привычки их к хищению мало по малу не изгладятся, могут беспокоить прилежащие им селения, если не действием, то страхом грабежа: по сему и должно кочевье их так расположить, чтобы принося всю ожидаемую от них пользу, не могли они как кочевьям калмыцким, так и селениям российским быть опасными соседями. По двум сим отношениям самым удобнейшим представляется отвести им земли между Уралом и Ахтубою. Быв, с одной стороны, содержимы в почтении и скромности смежностью уральцев, а с другой, не имея близ себя никаких селений, они найдут себя почти в невозможности быть беспокойными» [249].

Идея свободного владения землями казахов открыто звучит в именном указе «Об отводе земель для кочевий киргиз-кайсакам»,

данном сибирскому генерал-губернатору в 1821 г. В документе записано: «Признавая предложения ваши соответствующими пользам того края и утверждая оныя во всей их силе, повелеваю: 1) при отводе земель, не касаться округа земель, состоящих в ведомстве Кольвано-Воскресенских заводов; 2) Земли, к отводу назначаемые, предварительно измерить, начиная от линии, с одной стороны до казенных селений, а с другой до черты заводской округи, приступив к сему не отлагательно как в Тобольской, так и в Томской губерниях; 3) Земли отводить в расстоянии от казенных селений не ближе 40, а от линии не далее 30 верст; 4) Не включать в отвод земель, находящихся в действительном владении казенных крестьян и казаков, а также принадлежащих в наделение сих последних 6-десятинную пропорцией; 5) Охранить соляные озера и безопасность дорог, ведущих как к сим озерам, так и к линии от заводских селений; 6) До окончательного отвода земель, вновь киргизцев внутрь линии на кочевье не пускать, и разрешить сей пропуск со взысканием положенной пошлины тогда, как после отвода откроется количество земель для кочевья способных; 7) Правила сии принять и в отношении прочих азиатских народов, там иногда кочующих» [250].

Устав «О сибирских киргизах» в корне изменил жизнь казахского народа, положив начало политическому и территориальному переустройству края. Однако в уставе 1822 г. не указывается на то, что казахские земли являются собственностью Российского государства. Земельные вопросы рассмотрены в 4 главе, отделение 3 «Внутреннее хозяйство», всего их решению посвящены ст. 167-187 [41, с. 101-102]. В документе не идет речь о частной или государственной собственности на землю, в нем только указано, что земельные участки «выделялись», «отводились». В начале документа определено, что каждый округ имеет надлежащим образом разграниченные свои земли. Из данных земель большие участки выделялись местному начальству, в частности, старшим султанам от 5 до 7 кв. верст, для киргизских заседателей по 2 кв. версты, а для российских заседателей по 1 кв. версте на каждого. Казаки, пребывающие в округах, наделялись 15 десятиною пропорцией. Переводчики и толмачи имели равные с ними права на отвод земли. Кроме того, ст. 173 устава указывала, что: «Окружные приказы должны были заботиться, как об охранении сих земель, так и о том, дабы не были оныя оставляемы без возделывания» [41, с. 101]. Земли, которые не были никому отведены, считались свободными: «Вообще кочевье на не отведенных никому землях для киргизов, состоящих в одном округе, почитать свободными» [41, с. 102]. Много внимания в документе уделяется вопросам развития хлебопашества и земледелия, особенно

среди казахов. «Каждому киргизу, который пожелает производить хлебопашество или иметь другие на месте хозяйственные заведения, отводить для сего по 15 десятин на душу» [41, с. 101]. Причем местное управление должно было оказывать всякое содействие казахам в этом деле. «Киргиз, который первый в округе разведет значительное хлебопашество, пчеловодство и прочее, равно и все те, которые окажут в сих делах отличные успехи получают право на особенную награду, о назначении которой представлять на высочайшее усмотрение» [41, с. 102]. Или читаем далее: «Областное начальство заботится, дабы требования на земледельческие инструменты могли быть удобно удовлетворены покупкою и меною на линии или в самой степи. Они должны употребить все старание, чтобы султаны, старшины и прочие киргизы убеждены были в пользе таковых заведений, доставлять им по тому все способы и помогать нужными советами» [41, с. 102]. Если на отведенных землях хлебопашество не развивалось, то данные земли через 5 лет должны были быть переданы другому владельцу. Спорные вопросы решались путем жребия в присутствии биев. Казахам, перешедшим к оседлому образу жизни, предоставлялись всевозможные льготы: освобождение на 5 лет от уплаты налогов, от рекрутской повинности. Таким образом, видно, что сибирская администрация всячески поддерживала развитие земледелия среди казахов и оказывала этому содействие. «Губернаторство Западной Сибири исходило из того, что с переходом части кочевников к некоторой оседлости будет легче управлять народом, в степи установится спокойствие, тем самым будут подготовлены условия для дальнейшего продвижения в глубь страны с выходом к ее юго-восточным и южным рубежам [45, с. 254]. В целом, устав 1822 г. стал правовой основой для дальнейшей политической и хозяйственной эксплуатации края.

Одним из способов привлечения казахской знати на сторону царской администрации было то, что султанам и биям разрешалось владеть пастбищами на правах частной собственности, разрешалось переходить и пастись свой скот в запрещенных местах. За ними закреплялось наследственное право на земли и имущество, охранявшееся властями. «Оренбургская пограничная администрация, непосредственно осуществляя политику царизма в Казахстане, занимала двойственную позицию. С одной стороны, она всецело стояла на стороне хозяйственных интересов жителей военных казачьих поселков... С другой стороны, для проведения колонизации ей были нужны услуги влиятельной части казахской знати. Только совместные усилия царских властей и казахских старшин могли на деле обеспечить претворение в жизнь политики царизма. В силу этих причин пограничные власти

вынуждены были порою удовлетворять просьбы казахской знати о пропуске их в районы двуречья» [94, с. 236]. Например, по уставу 1822 г. простым казахским шаруа полагался земельный надел размером до 15 десятин, султанам же отводился участок земли в три раза больше – 45 десятин, старшинам – 30 десятин. Султаны, находившие при исполнении служебных обязанностей, получали надел размером 5-7 кв. верст, избиравшиеся на должность старшего окружного султана трижды получали звание полковника русской армии, наследственное дворянство и их участок передавался в полную частную собственность. Казахские заседатели в окружном приказе получали право на получение земли в размере до 2 кв. верст [41, с. 101-102].

Открытие внешних округов на территории Казахстана еще сильнее обострило земельный вопрос, так как совместить их строительство с традиционными маршрутами кочевий казахов было невозможно, строительство округов привело опять к необоснованному захвату новых участков земли. Рост народного возмущения, связанный с отнятием новых территорий, необоснованными налогами и поборами, вылился в национально-освободительное движение под руководством К. Касымова и затянул процесс создания округов на длительное время. Таким образом, земельные захваты, основание приказов, постройка новых линий военных укреплений затронули жизненные интересы казахских масс, которые не могли добровольно расстаться со своими кочевьями и лишиться былой независимости. Для казахов земельный вопрос был решающим вопросом, ибо без хороших земель, богатых пастбищами и водоемами, нельзя вести животноводческое хозяйство.

Вопрос о переходе кочевников к оседлости периодически поднимался в официальных кругах в зависимости от той исторической обстановки, которая возникала в обществе. «Переход кочевников к оседлости всегда происходил под воздействием как внутренних (рост народонаселения, отсутствие свободных пастбищ), так и внешних причин (переселение оседлых народов)» [48, с. 307]. Вся законодательная и исполнительная инициатива была сосредоточена в руках местных властей. Поэтому и подходы к решению проблемы наметились в отдельных регионах Казахстана разные. Различия в управлении местным населением и решении земельного вопроса отчетливо проявились в административной и законодательной практике. Если в Сибирском ведомстве была создана специальная система льгот с целью постепенного перевода казахов в оседлое состояние, приобщение их к хлебопашеству, сенокосению и т.д., то оренбургские власти, напротив, запрещали казахам заниматься земледелием, полагая, что это нанесет серьезный

урон экспорту российского хлеба в степь и ослабит зависимость казахов от России. В первой половине XIX века проводилась запретительная политика в отношении распространения хлебопашества среди казахов Оренбургской губернии. Однако генерал-губернатор Катенин отказался от линии своих предшественников. Он не только возбудил ходатайство перед Министерством внутренних дел об изменении прежнего курса, но и снарядил специальные команды в степь для изыскания новых районов, удобных для земледелия. Вследствие чего в 1861 г. было утверждено высочайшее положение Комитета министров «О развитии между оренбургскими киргизами оседлости и земледелия». В нем отмечалось: «Предоставить вашему высокопревосходительству право, в случае поступления просьб, разрешать киргизам Оренбургской области заводиться прочной оседлостью и хлебопашеством в тех местностях, где признаете это возможным; причем внушать киргизам, что земли отводятся им только в пользование, а не в собственность; 2) о всяком подобном разрешении доводить подробно до сведения министерства внутренних дел и по возможности в непродолжительном времени, составив, по указаниям опыта, правила, на коих можно позволять киргизам заводиться оседлостью» [251].

В положении «Об отдельном управлении сибирскими киргизами» 1838 г. вопросы, касающиеся земельного урегулирования, вообще не рассматривались. В положении «Об управлении оренбургскими киргизами» от 14 июня 1844 г. также нет ни одного слова о регулировании земельных отношений на территории Казахстана, развитии земледелия и оседлости среди казахов данного региона. Эти вопросы не выгодно было рассматривать и решать царским властям, потому что на деле осуществлялся необоснованный захват казахских земель. Зато в этом документе впервые ставится вопрос о том, что «земли, занимаемые оренбургскими казахами, составляющие в виде особой области часть Всероссийской империи, состоят в ведении Министерства иностранных дел» [41, с. 217]. Таким образом, все, что касалось земель Оренбургского ведомства, стало подотчетно Министерству иностранных дел, под непосредственным контролем императора. «Проекты и всякие предположения относительно оренбургских киргизов, на коих они кочуют, оренбургский военный губернатор вносит в Министерство иностранных дел, которое докладывает об оных его императорскому величеству» [41, с. 219].

Следовательно, до середины XIX века не было законодательного документа, который бы полностью регулировал земельные отношения на территории Казахстана. Этот вопрос был отдан на откуп местным начальникам, которые на правах законной власти во вверенной им

территории считали казахские земли собственностью государства и распоряжались ею на свое усмотрение. Эту мысль подтверждает и академик С. Зиманов. Он пишет: «Не сразу были выработаны правительством основные направления политики в земельном вопросе в Казахстане. Решение его в начале было почти всецело предоставлено на усмотрение местных пограничных властей. Неудивительно, что вплоть до середины XIX века в различных частях степи проводилась различная, порою противоречивая политика в отношении земли» [45, с. 248].

В положении «Об управлении Семипалатинской области» 1854 г. (ст. 94-105) также звучит мысль о том, что все передвижения кочевников должны находиться под постоянным контролем официальных властей. В документе записано: «Переход киргизов на кочевья и на земли крестьянских селений строжайше воспрещается. Переход из внутреннего округа во внешний не на временное, но на всегдашнее кочевье с причислением к какой-либо волости и по согласии оной, дозволяется с разрешения начальства. Киргизам внешних округов воспрещается переходить на постоянное кочевье во внутрь линии и на земли внутреннего окружного приказа». Любые передвижения кочевников разрешались только после уплаты ремонтной пошрины и покупки узаконенных билетов. В связи с этим далее в ст. 102 записано: «Во все время пребывания вне округа киргизы внутреннего приказа состоят в зависимости местного начальства, и за всякое своевольство, грабеж, барымту, самоуправство и кражи разного рода подвергаются наказанию по законам, с лишением права к переходу на будущее время» [162, л. 518-519].

В результате окончательного присоединения всего Казахстана перед русским правительством встал непосредственно вопрос о собственности на завоеванные земли, необходима была законодательная база для полной и открытой эксплуатации этой территории. Поэтому в положении 1868 г. вопросы пользования и владения землей определены уже четко. Из 268 статей вопросам земельных отношений посвящено 33 статьи в 4 главе «О пользовании и владении» [41, с. 337-339]. В ст. 210 записано: «Земли, занимаемые киргизскими кочевьями, признаются государственными и предоставляются в общественное пользование киргизов», а в ст. 238 читаем: «В Киргизской степи леса составляют государственную собственность». Только те лица признаются собственниками земли, у которых есть на это узаконенные акты. Кроме того, данные акты подлежали проверке на законность главным начальником края. Это говорит о том, что царское правительство пыталось обосновать законность его прав на казахские земли, считая,

что у казахов не было частной собственности на землю ввиду отсутствия соответствующих документов. Земли казахов были поделены на зимние и летние пастбища. Зимние пастбища распределялись особыми съездами с разрешения губернатора, а летние кочевки «предоставлялись в общественное пользование волости целого уезда и самое пользование ими определяется народными обычаями» [41, с. 337]. Также поощрялось занятие земледелием: «По взаимному соглашению обществ, в местах, удобных как на зимовках, так и на летовках, отводятся особые участки для желающих заниматься хлебопашеством и сенокосением. Распределение участков между хлебопашцами представляется добровольному соглашению их между собой по обычаям» [41, с. 337].

Законодательное подтверждение и поощрение получило в этом документе переселение русских крестьян. В ст. 220 записано: «Киргизы как в составе общества, так и отдельные лица, имеют право уступать свои участки или часть оных в пользование русских по добровольному соглашению, которое должно быть засвидетельствовано в уездном управлении». В дальнейшем эта статья послужила поводом для дальнейшей экспроприации казахских земель якобы на добровольных началах. Для переселенцев в этом законе предусмотрены были льготы: «Всякий поселенец при уездном управлении получает безвозмездно место для постройки... Поселенцы получают бесплатно лес для построек... Каждый поселяющийся имеет право заниматься не только торговлею, ремеслами и промышленностью, но и земледелием, с отводом ему для сего участка из принадлежащих поселению земель. Поселенцам из русских предоставляются льготы, присвоенные лицам, причисленным к городам Сибирской степи» [41, с. 338]. Как писал депутат I Государственной думы Т.И. Седельников, сам выходец из уральских казаков: «Как бы там ни было, не может подлежать сомнению, что правительство сначала de facto, а потом и de jure являлось полным хозяином киргизских земель, представленных пожизненному пользованию кочевников по обычаю. А потому и спорить против этого теперь и поздно, и бесполезно» [165, с. 32].

Положение 1886 г. подтвердило аналогичное поземельное устройство в Туркестанском крае. Третий раздел «Поземельное устройство» данного документа, состоящий из трех глав: 1 гл. «Поземельное устройство оседлого населения», 2 гл. «Поземельное устройство кочевого населения» и 3 гл. «Поземельное устройство нижних чинов Туркестанского военного округа», всего 30 статей (ст. 255-284), посвящен земельным отношениям в крае. «За оседлым сельским населением утверждаются земли, состоящие в постоянном, потомственном его

владении, пользовании и распоряжении, на установленных местным обычаем основаниях, с соблюдением ниже следующих правил. Воды в главных арыках, ручьях, реках, озерах предоставляются населению в пользование, по обычаю. Дикорастущие леса на землях, находящихся во владении туземного населения, а также свободные земли, признаются государственной собственностью... Государственные земли, занимаемые кочевьями, предоставляются в бессрочное пользование кочевников, на основании обычаев и правил настоящего положения» [41, с. 372-373]. Таким образом, данный документ еще раз подтвердил факт того, что казахская земля находилась в собственности Российского государства.

Если два вышеуказанных законодательных акта рассматривали земельное устройство в отдельных районах Казахстана, то Степное положение 1891 года свело все к одному знаменателю, оно подвело общую черту под законодательство о землепользовании на всей территории Казахстана. В принципе, этот документ повторял и закреплял все положения о земле, изложенные ранее. Третий раздел этого документа так и называется «Поземельное устройство», состоящий из 17 статей, определил основы земельного устройства на территории Казахстана. Все земли признавались окончательно собственностью Российского государства: «Земли, занимаемые кочевьями и все принадлежности сих земель, а в том числе и леса (Законы гражданские ст. 387), признаются государственной собственностью. Земли, занимаемые кочевьями, оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников, на основании обычаев и правил сего положения» [41, с. 395]. В примечании к ст. 120 было сказано, что «земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства государственных имуществ». Этим примечанием сказано, что землей может распоряжаться только русское правительство и в нем заключается вся суть дальнейшей земельной колонизации.

Согласно царскому указу от 26 марта 1893 года, государственной собственностью России стали и воды Каспийского моря [120, с. 126]. Однако, как пишет Т.И. Седельников: «Многие будут удивлены, что все землеотводное дело, вся колонизация степи не имеет в своей основе никакого другого настоящего, формального закона, кроме ст. 120 Степного положения, которое, как мы могли убедиться, требует совершенно противоположной постановки дела, а именно, межевание и поземельное устройство степи до колонизации, но никак не после нее. Еще более странно то, что во всем сборнике нет ни одного узаконения, которое было бы посвящено принципиальному разъяснению вопроса о том, на каких основаниях должны определяться и идти в изыскание киргизские излишние земли...» [165, с. 62]. По этому документу

кочевникам и различным обществам разрешалось сдавать в наем русским на добровольных началах земли, также выделять земли «добровольно» для хлебопашества и сенокосения, для разработки горных и других промыслов. Таким образом, была подготовлена юридическая основа для дальнейшего изъятия казахских земель. Об этом открыто писала Киргизская степная газета: «Известно, что на основании 119 и 120 статей Степного положения земли, занимаемые кочевьями, признаются государственной собственностью и оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников, на основании обычаев. Таким образом, если бы для целей правительства понадобился какой-либо участок земли в степных областях, то он во всякую минуту может быть изъят из пользования киргизов, без всякого вознаграждения из казны» [252]. В другой газетной статье «О наследственном землепользовании у киргизов» автор Артеменко показывает суть русского законодательства относительно земельного вопроса в Казахстане, основанного на Степном положении 1891 г. Он пишет: «Основной принцип русского законодательства о киргизском землепользовании сводится к тому, что все пространство земель, занятых кочевьями, всегда должно составлять государственную собственность, представленную временно в пользование киргизских обществ, а не отдельных кочевников. В видах же поощрения оседлого образа жизни киргизов и занятия их земледельческой культурой закон не возбраняет обществам разделять свою землю между отдельными членами, причем тем из них, которые серьезно занимаются земледелием, огородничеством или садоводством, предоставлено право передавать обрабатываемые участки по наследству. Равным образом не запрещается передавать по наследству и участки, на которых возведены постройки, указывающие на склонность владельца к переходу к оседлой жизни. Однако во избежание изворотливости и обхода требований закона недобросовестными киргизами поставлено условие, что право на наследственное пользование землею предоставляется владельцам лишь до тех пор, пока отведенные им участки обрабатываются или заняты жилыми действующими хозяйственными постройками. В противном случае, такие переходят в распоряжение обществ и могут быть отданы другим лицам» [253]. По этому поводу А. Букейханов писал: «Считая землю своей собственностью, приобретенной кровью отцов, киргизы при вступлении в русское подданство не подумали, что государство позволит себе посягнуть на частную собственность; между тем, русское правительство создало законы, по которым без всякой мотивировки, просто по праву сильного, все киргизские степи признаются государственной собственностью, последствием чего

создалось переселенческое движение в киргизские степи, и самые лучшие участки земли перешли к переселенцам, а худшие – остались за киргизами...» [168, с. 76].

Степное положение в корне изменило ситуацию на территории Казахстана, которое юридически закрепило изменения политического, социально-экономического и правового положения казахского общества. В связи с этим П. Румянцев писал: «Датой введения «Степного положения» мы заканчиваем изложение истории киргизского народа, ибо далее уже нет истории киргизского народа, а есть история жизни сельских обывателей инородцев Степных, Сибирских и Среднеазиатских областей» [254].

Несотъемлемой частью аграрной политики царизма был переселенческий вопрос. Если в XVIII веке это была в основном казачья колонизация, то в XIX веке на первый план выдвигается крестьянская. Вначале эти переселения носили стихийный характер. До середины XIX века не было принято специальных законодательных документов, которые регулировали бы этот процесс. Несмотря на то, что казачье переселение не было столь огромным по масштабам, как крестьянское, тем не менее, на создание казачьих станиц, укреплений было отдано большое количество казахских земель. С. Асфендиаров по этому поводу приводит следующие цифры: «Площадь изъятых под военную колонизацию земель равнялась 11.610.484 дес., число станиц и поселков трех войск таково: Сибирского – 208, Уральского – 166 и Семиреченского – 30, всего – 404» [37, с. 183].

Со второй половины XIX века переселенческий вопрос стал в центре внимания политики царского правительства. Отмена крепостного права в 1861 г. не разрешила аграрного вопроса в центре России. С принятием Степного положения теперь на вполне «законных основаниях» началось массовое изъятие излишков казахских земель и переселение на эту территорию крестьян из русских центральных губерний. Переселенческая политика царизма еще сильнее обострила земельный вопрос, борьбу за землю, показала несостоятельность и неспособность властей решить эту проблему.

В 1868 году по инициативе военного губернатора Семиреченской области генерала Г.А. Колпаковского были разработаны временные правила «О крестьянских переселениях в Семиречье», которые разрешали русским крестьянам переселение на окраины. По данному документу переселенцам представлялся ряд льгот: наделение землей в размере 30 дес. на душу мужского населения, освобождение от уплаты различных видов налогов и повинностей сроком до 15 лет, выдача ссуд. Новый закон относительно переселенцев был принят в 1885 г., который

несколько урезал привилегии переселенцев: земельный надел выделялся в размере уже 10 дес., от уплаты налогов они освобождались только на три года. В 1886 г. были определены льготы для переселенцев в Сырдарьинскую область. 13 июля 1889 г. вышел царский закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке причисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» [255]. Согласно данному документу, переселение разрешалось с предварительного распоряжения министров внутренних дел и государственных имуществ, также определены были конкретные районы переселения: Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области. Размеры земельных наделов теперь определялись местными властями.

В лице русских переселенцев правительство пыталось создать социальную опору на окраинах страны, отвлечь русских крестьян от революционного движения. По этому поводу генерал-губернатор Кауфман, являющийся прямым проводником колонизаторской политики в Казахстане, писал: «Устраиваемые в крае русские поселения тогда лишь могут получить настоящее значение и силу... когда они разовьются и будут иметь непосредственную связь между собой, будут расположены по линии удобных сообщений. На этом основании было принято необходимым расположить вновь устраиваемые русские селения в области (Семиреченской) таким образом, чтобы в соединении с казачьими поселениями и городами они могли составить непрерывную, по возможности, сеть оседлых населений» [94, с. 252].

В связи с важностью переселенческого процесса царское правительство постоянно контролировало этот процесс, о чем свидетельствуют следующие подготовительные к выпуску законов материалы, сохранившиеся в ЦГА РК: «Об организации исследования Степных областей» [256], «Об изъятии земельных излишков от киргиз Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областей» [257], «Об определении нормы киргизского землепользования в Тургайской области» [258], «Об образовании переселенческих участков в Степных областях» [259] и т.д. Эти факты подтверждают и законодательные документы: «Об увеличении русского населения в Семиреченском и Зайлиском крае» (1857 г.); «О выселении в Киргизскую степь самовольных переселенцев» (1858 г.); «О правилах касательно переселения в Киргизскую степь крестьян за неплатеж податных недоимок» (1859 г.); «О распространении на крестьян, переселившихся по собственному желанию... тех льгот и пособий от правительства, коими пользуются крестьяне-переселенцы» (1863 г.); «Об учреждении при генерал-губернаторстве Туркестанского края временной должности чиновника особых поручений по

ирригационной части» (1892 г.); «О некоторых изменениях в действующем узаконении, касающихся добровольного переселения» (1896 г.); «Об образовании переселенческих и запасных участков в Степном крае» (1897 г.); «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую» (1903 г.); «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан» (1904 г.); «О продлении действия личного состава и окладов содержания чинов временных партий и отряда для заготовления переселенческих участков в Степных областях, Сибири и Туркестанском крае» (1914 г.) [76] и др.

Даже некоторые царские чиновники были вынуждены обратить внимание на огромные масштабы переселения, на те негативные стороны колонизации казахов в земельном вопросе, которые она влекла за собой. Так, например, в своем отчете степной генерал-губернатор писал: «Упадок кочевого скотоводческого хозяйства не только вредно отзовется на экономическом положении киргиз, но и неблагоприятно отразится на государственных интересах вообще. С разорением и устранением киргиз, если бы это случилось, государство лишится: 1) окладных доходов с киргизского населения, поступающих ныне без недоимок за год вперед, 2) всех продуктов от животноводства, доставляемых степью в виде живого скота, кож, мяса, сала, шерсти и проч. на десятки миллионов ежегодно, 3) содействия со стороны киргиз в разработке минеральных естественных богатств степей, а стало быть, и всего того, что приносит горная промышленность, которая без участия киргиз, как самых дешевых работников, почти немыслима. Я уже не говорю о невозможности без участия киргизского населения каких бы то ни было передвижений по степи для надобностей административных, научных, промышленных и т.д. Взамен всего этого что же получит государство, жертвуя киргизами в интересах земледельческой культуры... Самая возможность процветания и развития земледелия ввиду неблагоприятных климатических условий степных областей и постоянной опасности неурожаев со стороны не переводящихся никогда вредных насекомых (в особенности кобылок) является вопросом крайне спорным. Все это приводит меня к этому убеждению, что колонизация степных областей в той форме, в какой она ныне проявляется, т.е. при содействии со стороны правительства, но без предварительного поземельного устройства киргиз, по меньшей мере, есть дело рискованное» [60, с. 138]. Или депсинский уездный начальник в секретном рапорте военному губернатору Семиреченской области доносил: «Как и в прошлом отчетном году доказываю, что

положительно необходимо наконец приступить к правильному устройству киргиз в оседлое и кочевое положение, иначе всякое доверие к правительственному голосу будет утрачено надолго, если не безвозвратно. Частичные колебания киргиз при переходе в оседлость не должны служить доводом к отказу устроить остальных, так как переменить образ жизни, созданный веками, не так-то легко» [60, с. 247].

В связи со строительством Транссибирской железной дороги поток переселенцев в Казахстан еще больше увеличился. «Перед межевыми партиями Тобольской, Томской губерний и Акмолинской области стояла задача: в течение ближайших 3-4 лет в 200-верстной полосе вдоль линии Транссибирской железной дороги сделать отвод до 11 млн. дес. земли» [260, с. 256]. Эти факты подтверждают указы: «Об отчуждении земли для сооружения ширококолейной ж/д линии от станции «Коканд» Среднеазиатской ж/д до города Наманган, Ферганской области»; «Об отчуждении земли для сооружения железнодорожной линии от ст. Семипалатинск до ст. Орск». «О преобразовании учреждений по межевой части в Степном генерал-губернаторстве» [76]. Согласно царскому указу от 13 июня 1893 г. «Об образовании переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги» [261], были созданы специальные временные комиссии, которые решали все вопросы, связанные с переселением.

В 1895 году царское правительство послало в казахскую степь экспедицию, названную по фамилии ее руководителя «экспедиция Щербины». Обследованию подверглись девять уездов северного и северо-восточного Казахстана. Эта экспедиция произвела перепись казахского населения, скота и пастбищ, разработала нормы землепользования. На основе собранных экспедицией материалов половина всей земли в этих уездах у казахов была изъята. «Поскольку переселенческая политика была возведена в ранг официальной государственной доктрины, то землеустроительные работы проводились без учета интересов местного населения. Это, в свою очередь, приводило к постоянным столкновениям между казахами и русскими, чему неоднократно находим подтверждение в исследованиях того времени» [262, с. 34].

Масштабы переселения приобрели огромные размеры, земли изымались с невероятной скоростью, без всякого учета местных особенностей и интересов казахского населения. «Царизм отбирал земли у казахов по праву завоевателя, считая эти земли за «государственные», отданные лишь во временное пользование казахов. Наряду с организованной передачей казахских земель переселенцам, царизм санкционировал самовольные захваты. И в земельной политике внутри казахского общества, и в переселенческой политике царское

самодержавие придерживалось одного принципа кулачного права, права захвата, права военно-феодалной эксплуатации» [37, с. 191]. После неурожая 1891-1892 годов огромная масса крестьян из центральных районов России двинулась на Восток в поисках свободных земель. Ограбление казахов осуществлялось за счет создания так называемого Переселенческого фонда. В 1904-05 гг. территория Казахстана была разделена на четыре переселенческих района: Тургайско-Уральский, Акмолинский, Семипалатинский, Сырдарьинский. На переселенческие управления, которые были созданы в каждом районе, возлагались обязанности по выявлению новых излишков земель. В инструкциях, выданных этим управлениям, одобренных Кабинетом министров, сообщалось: «Предназначенные для хозяйственных потребностей или для проживания постройки киргиз не служат препятствием для изъятия». Таким образом, переселенческие управления имели право изымать земли у казахского народа по своему усмотрению и выселять его в пустынные районы.

Особенно большой размах переселенческая политика приобрела в период столыпинской реакции. Выступая на заседании II Думы в мае 1907 г., делегат от Казахстана Б. Каратаев подчеркнул губительное влияние переселенческой политики для казахского общества: «В нашем государстве обострившийся аграрный вопрос хотят решить переселением крестьян на территорию степных областей, именно на территорию Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей... В результате этого ограбления создается реальная угроза гибели киргизов» [263, с. 153]. В ходе всех этих проводимых царским правительством мероприятий казахский народ потерял огромное количество своей земли. Если с 1893 по 1905 год у казахского населения было изъято 4 млн. дес. земли, то с 1906 по 1912 год – 17 млн. десятин, а всего к 1917 году было изъято 45 млн. десятин земли. В конце XIX – начале XX века в Казахстан было переселено более 1,5 млн. человек [260, с. 405].

Таким образом, несмотря на секретность проблемы, земельный вопрос нашел отражение в опубликованных законодательных актах царского самодержавия. Впервые вопрос о казахской земле, как государственной собственности России, был поднят в документе 1844 года, рассматривался и введен в оборот законодательными актами 1868, 1886 г.г., а окончательно закреплен положением 1891 года. Тем не менее, однозначно можно сказать, что решение земельного вопроса осуществлялось в интересах официальной, колониальной политики царизма. Неотъемлемой частью земельного вопроса была переселенческая политика царизма, под которую также была подведена правовая база. В

результате ее на вполне законных основаниях проводилась невиданная экспроприация казахских земель. Анализируя царское законодательство по аграрному вопросу, можно отметить, что хотя этот вопрос и был одним из важнейших в общем стратегическом курсе царизма в отношении Казахстана, но в опубликованных законодательных документах он не нашел должного отражения. Многие законодательные акты, касающиеся решения земельного вопроса, были секретными, и поэтому они не обнародовались и не публиковались. Такое положение дел не было случайным, царизму выгодно было замалчивать эти вопросы, не решать их, а просто продолжать «тихую» экспроприацию земель под строительство крепостей, округов, промышленных предприятий, под разработки новых месторождений и просто ради выгоды крупных помещиков и землевладельцев. В целом аграрная политика царского самодержавия осуществлялась последовательно и направлена была на утверждение юридических прав Российского государства на казахские земли.

Глава 6.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСАМ ОБРАЗОВАНИЯ И РЕЛИГИИ В КАЗАХСТАНЕ

Наиболее опасной и тщательно продуманной была политика царского самодержавия в сфере духовной жизни казахского народа, направленная на уничтожение его национального самосознания, культуры. По этому поводу Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев сказал: «Трудно преуменьшить сложность и драматичность противоречивого процесса развития казахской духовности в период российской колонизации» [261, с. 286].

Для завоевателей любых рангов главная задача – сломить национальный дух, вытравить все национальное из сознания народа, сделать его послушным манкуртом в своих интересах. Царское правительство, отлично понимая эти обстоятельства, с первых дней присоединения Казахстана к России пыталось медленно, но верно оказывать свое влияние и давление на духовную жизнь казахского общества через образование, вероисповедание, распространение русской культуры и т.д. Исследователь З.Т. Садвокасова по этому вопросу пишет: «Духовная экспансия царской России в Казахстане шла по двум магистральным, взаимосвязанным направлениям: русификации местного населения путем введения и широкого распространения русского языка, главным образом, в образовательной сфере; насильственной христианизации, заключавшейся в постоянном притеснении ислама, что создавало простор для проповеди православия. Эти шаги царской администрации вызывали недовольство со стороны казахов, всячески сопротивлявшихся усилению русского влияния» [51, с. 9].

Основное усилие царизм в сфере образования направлял на распространение русского языка, уничтожение мусульманских школ, преследование и вытеснение ислама, распространение взамен его христианства на территории Казахстана. Об этом открыто пишет в своей работе «Россия и Восток» М. Венюков: «По отношению к нравственности, законодательству и религии, это есть новый шаг к расширению области христианства, к замене его началами мусульманского изуверства и, следовательно, к освобождению человеческой личности от поглощения ее узкими требованиями ислама. Для науки и людского образования русское движение не только открыло новый, не исследованный край, но и положило прочное начало к развитию общечеловеческих знаний в среде населения его, дотоле совершенно невежественного...» [60, с. 35]. Постепенно такая политика должна была привести к полному уничтожению всего национального и

самобытного казахского народа, и, в конечном итоге, к духовному порабощению. В своем секретном письме военным губернаторам туркестанский генерал-губернатор пишет: «Не упускать из виду необходимость быть всегда на почве закона по отношению ко всем обывателям, без различия национальностей. быть всегда особо твердым в сношениях с туземцами, помня, что всегда и во всем русское имя и русские интересы должны главенствовать. В области у нас на первом плане должны быть казаки, и с ними крестьяне и мещане, а на 2-м плане - туземцы, ибо хотя все равны, как члены одной великой семьи, но и в семье есть братья старшие и младшие... Мы живем не в Азии, где русский элемент еще слаб и лишь начинает водворяться, а в русской области, где временно еще доживают старые азиатские обычаи и нравы, судьба коих может быть только одна: или слиться с общеимперской гражданственностью, или исчезнуть. Туземцы нас должны интересовать только как материал, из коего в близком будущем должны выработаться обычные русские крестьяне, хотя и мусульманского вероисповедания. Поэтому их и надо ввести в духе строжайшего уважения ко всему русскому. Те из них, кто вздумает этому не подчиниться, испытают, несомненно, печальную судьбу, они или останутся безземельными нищими и перемрут, или Россия с ними расстанется» [60, с. 200].

Под данную официальную политику была подведена и вся законодательная база царского правительства. Все законы, принимаемые в отношении образования в казахском крае, вопросов религии, быта, традиций, обычаев, языка, элементарных человеческих прав и т.д., были подчинены одной главной цели – полному подчинению казахского народа великорусской культуре и уничтожению его национального самосознания и независимости. В небольшой цитате известный казахский ученый М. Тынышпаев раскрыл суть духовной колонизации царизма, направленной на уничтожение традиционной, самобытной культуры казахов. Он писал: «Отсутствие положительных, вполне определенных и отвечающих современным условиям жизни, начал порождает со стороны властей многочисленные циркуляры, распоряжения, предписания и т.д., несовместимые с принципом веротерпимости, и каждый чиновник считает своим долгом вмешиваться в наши религиозные дела – закрытие мечетей и молитвенных домов, кошению и надругательство над кораном и нашей религией, запрещение преподавания нашего вероучения в заведениях, где обучаются наши дети, усиленная помощь администрации миссионерам для проведения среди нас христианства и заключение в тюрьмы, и другие наказания, достигающие требующих справедливых и законных обоснований

подобных поступков – вот некоторые красноречивые примеры беззакония и произвола, царящие в наших степях» [264, с. 15].

Как всегда, царское правительство действовало очень осторожно, маскируя свои истинные цели под благие намерения. В начальный период присоединения Россия использовала метод «кнута и пряника», разделяя казахское общество изнутри, используя мусульманское духовенство в своих корыстных целях. Поэтому некоторое время царское правительство даже поддерживало ислам и мусульманское духовенство, пытаясь через него оказывать влияние на простых казахов. В 1785 г. был издан указ о веротерпимости. Первым законодательным актом, регламентировавшим «духовные дела» мусульман на территории империи, был указ Екатерины II от 22 сентября 1788 г. «Об учреждении органа управления делами мусульман Оренбургского магометанского закона духовного собрания», в ведение которого были отнесены и казахи [51, с. 147]. Этим указом было образовано Оренбургское магометанское духовное собрание, которое должно было курировать все вопросы, связанные с мусульманством. Указ выражал официальное признание ислама как дозволяемой, но строго контролируемой религии. Он положил начало структуризации и бюрократизации мусульманского духовенства. Это была попытка сформировать в стране официальное мусульманское духовенство по образцу православной церкви, с четкой иерархией. Оренбургское духовное собрание задумывалось как орган, главной функцией которого было проведение проправительственной линии среди мусульман, продвижение российской государственности в Среднюю Азию и Казахстан. В июле 1810 г. по предложению М. Сперанского было учреждено Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, впоследствии департамент духовных дел иностранных исповеданий.

Официальная политика царского правительства сводилась к тому, что, с одной стороны, выражалось терпимое отношение к сторонникам ислама, а, с другой, все было подчинено одному официальному органу и находилось под строгим контролем царских властей. Для этого были заведены метрические книги среди мусульман, чтобы иметь полное представление об их количестве, передвижении и т.д. Как записано в документе: «Имамы пишут метрические книги на татарском языке, если не знают русского. Имамы или другие духовные приходские начальники ведут книги по данным формам и по окончании каждого года, не позже февраля месяца следующего года, оставляя при мечетях один экземпляр из сих книг, препровождают другой ближайшему земскому или уездному суду, для отсылки их через губернское начальство к высшему духовному начальству, т.е. в

Оренбургское духовное магометанское собрание или таврическому муфтию» [265, л. 613].

Таким образом, все вопросы, касающиеся мусульманства, всегда находились под постоянным наблюдением и контролем царских властей. Об этом свидетельствуют следующие законодательные акты: «О переведении и новокрещенных мурз. и тагар в другие селения для разлучения их от последователей магометанского закона» (1770 г.); «О дозволении подданным магометанского закона избирать самим у себя ахунов» (1783 г.); «О произвождении жалования, состоящим на Сибирской линии переводчику, толмачам и муллам» (1784 г.); «О разделении степи на три части, о построении городов и мечетей» (1786 г.); «О доставлении киргиз-кайсакам в случающихся между ними распрях и жалобах скорого и справедливого удовлетворения, и о снабжении их потребным числом мулл» (1787 г.); «О том, чтобы магометан подвергать за преступления телесному наказанию» (1822 г.); «О порядке избрания мулл и других духовных чинов к магометанским приходам» (1837 г.); «Степень власти Оренбургского магометанского духовного собрания в определении взысканий с мулл» (1849 г.); «О порядке отправления магометанских имамов для предварительного испытания в знании религиозных обязанностей» (1857 г.) [76] и т.д.

Посредством своих законов империя насаждала на казахских землях чуждую идеологию, культуру, язык, через законы утверждалось превосходство русской нации. Об этой цели царского самодержавия неоднократно подчеркивалось и писалось в периодической печати, на страницах научных трудов, посвященных изучению казахского края. В частности, в «Вестнике Европы» за 1875 г. было напечатано: «Вместе с завоеванием вносим мы сюда наши гражданские законы, а это уже шаг к христианству. Запрещая и карая воровство, убийство и лжесвидетельство, самоуправство, месть и прочее – законы наши карают то, что запрещено христианством. Искореняя рабство, мы приготавливаем нашему закону и нашей религии незыблемый памятник» [49, с. 5]. Эту же мысль подтверждает Ф. Лобысевич: «Я могу повторить, что эта степь, при правильной эксплуатации ее, есть богатейший источник доходов для государства, и что для этого необходимо два условия: совершенное обеспечение благосостояния киргизского народа и обрусение его» [9, с. 37].

Проводя политику веротерпимости, царское правительство не отказывалось от своей главной цели – обращение в православие нерусского населения с последующей его русификацией и ассимиляцией. В уставе 1822 г. в ст. 243-244 записано: «Поелику вера киргиз-кайсаков по сие время в сущности более языческая, нежели магометанская, то

представляется надежда к обращению многих из них в христианство. Областное начальство может испросить особенную в степь миссию с тем, чтобы действовала она одними увещеваниями и убеждениями без малейшего принуждения. Ежели в каком-нибудь округе обращено было в христиане до 100 человек, то областное начальство обязано испросить пособия к постройке им церкви и постановлению местного священника» [41, с. 105]. Приведем еще несколько фактов в пользу этого утверждения: при заключении браков с христианами мусульмане обязаны были оставить свою веру, мусульманам, принявшим христианство, предоставлялись всевозможные льготы, в частности, освобождение от уплаты налогов, рекрутской повинности или смягчение наказания за совершение тяжких уголовных преступлений. В 1836 г. был принят указ «О выдаче денежного награждения кантонистам магометанских или языческих исповеданий, принявшим христианскую веру», согласно которому, из сумм государственного казначейства таким лицам повелевалось выдавать по 25 рублей ассигнациями [266, л. 6]. Принятие православного христианства всячески поддерживалось и поощрялось царским правительством. Так, например, в именном указе от 10 июня 1763 г. «Об отправлении присылаемых в Москву из Оренбурга и Сибири крещенных азиатцев на поселение в дворцовые волости, и о не отдаче их в услужение за деньги партикулярным людям» говорилось о том, что принявшие христианство азиаты, присланные в Москву, будут находиться на государственном обеспечении, что они имеют право сами выбирать себе местожителство и занятие. «Объявля притом, что они там обучаемы, и пищею, и платьем снабдены, и по их склонности на поселении или в других должностях свободно жить будут; и кто куда пожелает, оных от той канцелярии на поселение туда и отправлять: а пока они навыкнут русских обрядов и языка, до того времени содержать их на казенном коште, и приводить в обычай, чтобы могли против прочих обзаводиться, равным же образом и впредь с таковыми присылаемыми в Москву из Оренбурга и из Сибири крещеными азиатцами поступать, а партикулярным людям в услужение за деньги более их не отдавать, и издерживаемые на них, на провоз и пропитание до Москвы казенные деньги, числить казенным расходом без возврата; по привозе же таковых впредь в Москву, того же дня их в дворцовой канцелярии на содержание и пропитание казенное принимать без промедления, дабы оные в пропитании и одежде ни малейшей нужды претерпевать не могли» [267].

Политика приобщения мусульман к христианству была свойственна царскому правительству на протяжении всего колониального периода. Из переписки переселенческого управления: «Святейший синод признал

желательным, чтобы при землеустроительных работах на местах поселения киргиз, киргизы-магометане и киргизы-православные были поселяемы вместе с русскими крестьянами, с тем, чтобы при поселении их с русскими, число киргиз-магометан не превосходило бы половины православного населения данной местности, дабы православные люди, при решении всех вопросов, касающихся их хозяйственных нужд, могли иметь преимущество перед инородцами. Указанными мероприятиями, по мнению Святейшего синода, киргизское население Степных областей и Туркестанского края может быть подвинуто к восприятию православно-христианского вероучения» [60, с. 210].

По мере завоевания и укрепления своих позиций на территории Казахстана тактика царизма меняется в отношении мусульманства и ислама. С середины XIX века был взят курс на полное уничтожение и замену ислама христианством. В этом плане большую помощь царскому правительству оказывала русская православная церковь, так как их цели тесно переплетались в завоеванном крае. «Не пренебрегая различными приемами, церковные священнослужители превращались в служителей колониального аппарата, тем самым переплетались сакральные функции русской православной церкви с мирскими. Цель русской православной церкви в Казахстане состояла в том, чтобы воспитывать и прививать казахскому народу верноподданнические чувства к «престолу и отечеству». Поэтому ее деятельность получала всяческую поддержку правительства» [51, с. 89].

Права мусульман ущемлялись постоянно, им не разрешалось селиться большими поселениями, строить мечети. В 1860 г. выходит именной указ «О не дозволении магометанам селиться массами между старою и новою Оренбургскими линиями», который открыто на это указывает [268]. Для строительства мечетей необходимо было выполнить массу всевозможных требований и условий, которые выдвигали местные власти. За нарушение этих положений виновного ждало тяжелое наказание. Например, по ст. 1073 уложения о наказаниях, помимо денежного взыскания, налагалось по приговору суда на виновных в построении мечети «без надлежащего на то разрешения, местному главному начальству предоставлено закрывать такие мечети по его усмотрению». Однако, несмотря на то, что по положениям 1868 г. и 1891 г. запрещалось строить более одной мечети в волости, их количество постоянно увеличивалось.

Кроме того, российские власти стремились противостоять политическому влиянию среднеазиатских ханств на казахское общество. Эта пропаганда сопровождалась разжиганием антирусских настроений казахской знати, попытками активизировать ее сопротивление

российской экспансии. Активизацию исламской пропаганды со стороны мусульманских центров Средней Азии отмечал в свое время Ч. Валиханов: «Вся степь наводнена полуграмотными муллами из татар и фанатическими выходцами из Средней Азии, выдающими себя за святых. С некоторого времени стали появляться в пограничных округах дервишствующие курды, ногайцы и турки... Пропаганда эта во многом уже успела. В Баян-Аульском и отчасти в Каркаралинском округах киргизы предавались ханжеству с ревностью, свойственной только новообращенным, там живет под покровительством местных туземных властей много ишанов, ходжей из Бухары и Коканда...» [116, с. 100].

До середины XIX века была характерна политика контроля ислама в казахских степях, которая осуществлялась через российские государственные институты и местное духовенство. Политика правительства в отношении ислама в этот период отличалась двойственностью: в законодательстве присутствовали как указы толерантного содержания, так и те, которые прямо или косвенно ущемляли права мусульман. С одной стороны, огромное унитарное государство рассматривалось как русское, и отсюда вытекало стремление к унификации и достижению религиозной, этнической, культурной однородности империи. С другой стороны, это стремление ограничивалось боязнью оттолкнуть от себя открытыми гонениями мусульманское население империи, которое становилось все более значительным в связи с присоединением новых южных территорий.

В связи с завершением присоединения Казахстана к России политика царизма в отношении мусульман становится более жесткой и однозначной. Эту мысль высказал оренбургский генерал-губернатор Н. Крыжановский. В своем рапорте он предлагал в связи с присоединением более мусульманизированных областей установить самый жесткий контроль над мусульманским духовенством, подрывать доверие к нему среди населения, чтобы не допустить насаждения им «фанатизма» и недоверия к русским властям.

В 1868 г. было введено в действие временное положение, глава VI которого посвящена вопросам «управления духовными делами киргизов», состоящая из 11 параграфов 251-261 [41, с. 339-340]. Согласно документу, население Стенных областей было изъято из ведения Оренбургского магометанского духовного собрания, из чего следует, что данный орган рассматривался уже не как средство управления, а как опасное орудие сплочения мусульман и их определенного обособления. Высшее управление духовными делами принадлежало областной администрации, а через нее министру внутренних дел; местное управление

духовными делами предоставлялось муллам. Муллы избирались «по общественным приговорам», причем только «из киргизов, русских подданных» и подлежали утверждению областной администрации. Количество духовных лиц ограничивалось: положение разрешало иметь одного муллу на волость, муллам запрещалась всякая отлучка с места жительства без специального разрешения уездного начальства. Кочевое и оседлое население имело право возводить культовые сооружения, но на это надо было получать разрешение генерал-губернатора. Содержаться мечети должны были на общественные средства, при них муллам, с разрешением уездного начальства, предоставлялось право вести преподавание. Глава VII данного положения «О школах в степи», состоящая из 7 параграфов, определяла устройство школ в Киргизской степи. При каждом уездном управлении планировалось иметь общую школу, на устройство которой и содержание выделялась определенная сумма. Весь учебный процесс находился под постоянным присмотром официальных властей. Программа школ непосредственно утверждалась генерал-губернатором по соглашению с министром народного просвещения, а «наблюдение за преподаванием как в школах, так и у частных лиц вверяется уездному и областному начальствам, а высший надзор подлежит на общем основании Министерству народного просвещения» [41, с. 340].

Реформы середины XIX века открыли широкие возможности для духовной экспансии казахского народа, главная цель которой заключалась в том, чтобы привить основы российской жизни и верноподданнические чувства в среде покоренных народов. По этому поводу был принят ряд специальных законов: «О приглашении священников в округи Киргизской степи»; «О назначении церковного причта в селение Кокчетав и в Окружные приказы: Баян-Аульский, Каркаралинский и Аягузский в степи сибирских киргизов»; «Об утверждении церковных причтов для Туркестанского военного округа»; «Об увеличении оклада содержания псаломщика в некоторых селениях Сыр-Дарьинской области» [76] и другие. В целях ассимиляции и обрусения края наряду с административным переустройством казахских территорий была развернута широкая миссионерско-колонизаторская работа. В одном из докладов губернатора эта мысль звучит открыто: «Необходимо принять все меры к тому, чтобы развить здесь в самых широких размерах православное миссионерство, постройку храмов и церковных школ в наиболее населенных местах, а главное – приложить заботы к скорейшему открытию в г. Омске, в принципе, уже разрешенной, православной духовной семинарии для подготовки из среды местного населения священников, достойных занять то

ответственное положение, которое налагает на наше духовенство вся обстановка переселенческой жизни» [60, с. 198].

Царское правительство поощряло продажу казахских детей в рабство. Сам факт по себе является вопиющим, и он раскрывает истинную сущность политики самодержавия, проводимой в отношении казахского народа. Узаконено это положение было в 1757 г. царским указом. Практика продажи детей нашла свое дальнейшее подтверждение в указах 1808 г. «О распространении правил о водворении киргиз и о покупке российскими подданными киргизских детей по всей Сибирской линии», 1819 г. «О вымениваемых у киргизов, калмыков и других азиатцев» и 1825 г. «О времени служения киргиз-кайсаков, калмыков и других азиатцев, приобретенных меною до 1808 года и после оною, и о восприещении на будущее время приобретать людей сего рода меною и куплею» [76].

Кроме всего прочего, официальная политика царизма преследовала цель приобщить казахских детей к русскому языку, культуре, вере. В высочайше утвержденном мнении Государственного совета «О способах к презрению детей, привозимых киргизами на Оренбургскую и Сибирскую линии и оставляемых на меновых дворах», прямо написано: «Принятых, таким образом, детей передавать в ведение местного гражданского или пограничного начальства для раздачи на воспитание..., с тем, чтобы воспитанники сии немедленно по принятии приводимы были в христианскую веру» [269]. Ущемлялись самые элементарные человеческие права мусульман. Царское правительство контролировало даже вопросы брака мусульман. В январе 1827 года было утверждено мнение Государственного совета «О дозволении азиатам, приезжающим в Россию и женившимся на российских подданных, возвращаться в свое отечество, оставляя, однако же, в России тех жен и детей, от них прижитых» [270], в котором было сказано, что «азиаты, вступающие на вышеизъясненном основании в супружество, объявляя предварительно, включали в условие перед браком у них бывающие, и то, что, когда мужья заграничные магометане, уезжая в свои земли, не возвратятся к своему семейству через два года, в таком случае брак уничтожается». Мусульманам запрещалось забирать своих детей и жен с собой на родину: «Азиатцам (исключая бухарцев), по торговле из разных стран в Россию приезжающим и на дочерях российских подданных женившимся, не воспрещать возвращаться в свое отечество, согласно их желанию; но жен и прижитых от них в России детей их с ними не отпускать, оставляя оных в России, и записывать детей мужского пола при ревизии в род жизни, какой они сами изберут» [270]. Эти факты говорят сами за себя, т.е. попирались самые элементарные права

иноверцев, царское законодательство регламентировало все стороны жизни, вмешиваясь даже в личную жизнь.

Однако основное внимание царское правительство обращало на школьное образование, потому что именно через него, оказывая непосредственное влияние на умы и сердца подрастающего поколения, можно было достичь успеха в русификации и духовном порабощении коренного населения. В ответном письме О. Игельстрому Екатерина II об этом прямо указывала: «Как предписано уже от нас устроить при мечетях школы, то и принять меры к скорейшему введению тамо учения по нормальным правилам, заимствуя оные из устава народным училищам в Российской империи, нами опробованного, и снесая о том с комиссиею о народных училищах» [41, с. 73].

В законодательном документе «Об учреждении школ в области Зауральских киргизов» от 9 февраля 1860 г. четко сказано: «Образование, даваемое в магометанских училищах, вращается на изучении тонкостей магометанского закона; а чем более знакомится магометанин с духом своей религии, тем сильнее развивается в нем невежественный фанатизм, презирающий и ненавидящий все не мусульманское, препятствующий всякому гражданскому успеху и опасный в странах, находящихся под христианским управлением» [271]. Специально для надзора за учебным процессом, подбором кадров, воспитанием учащихся и их политической благонадежностью в школах были введены должности инспектора народных училищ, почетных смотрителей при пансионах для киргизских детей, надзирателей интернатов.

Не считаясь с мнением местного населения, царские власти, стремились распространить русский язык и культуру путем открытия русских школ в регионе. Против воли народа, несмотря на его сопротивление, колониальные власти создавали двухклассные волостные и одноклассные аульные школы. «Сначала в этих учебных заведениях насаждался чужой язык, который впоследствии возвышался в ранг незаменимого наречия, затем преподавались дисциплины, не связанные с жизнью и культурой казахов учащихся, а позднее вообще игнорировалось все нерусское, как отсталое. И отсюда должно было выйти новое поколение, оторванное от своих корней и признающее все, что связано с «родной» российской культурой» [51, с. 56].

Политика русификации и забвения национального языка, культуры, вероисповедания постоянно подкреплялась официальными законодательными документам. Правилами «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. предусматривалось обязательное открытие классов русского языка при мусульманских учебных заведениях [51, с. 58]. Согласно данному законоположению,

вся система обучения в национальных школах и на национальных окраинах делилась на три категории: 1) для весьма мало обрусевших; 2) для живущих в местностях, где много русских; 3) для достаточно обрусевших. При этом для первой категории предписывалось устраивать школы, где обучение должно было осуществляться на родном языке по учебникам, написанным русскими буквами. Для второй категории должны были создаваться русские школы, в них предусматривалось обучение и русских и инородческих детей совместно, родной язык должны были применять только при устных объяснениях. Для третьей категории создавались русские школы, обучение в которых велось только на русском языке. В результате осуществления этого закона в Казахстане в различных областях стали создаваться школы разного типа. Закон требовал, чтобы инспекторы народных училищ «во-первых, располагали местные магометанские общества к учреждению на собственные средства классов русского языка при мектебах и медресе. Во-вторых, не позволяли открытие новых мектебов и медресе иначе, как с обязательством иметь при них учителя русского языка за счет магометанских обществ. В-третьих, следили за духом преподавания в мектебах и медресе, имели надзор за учебными книгами, употребляемыми в них, не допуская заграничных изданий» [266, л. 6]. В 1874 г. был создан Петербургский цензурный комитет, в котором работали востоковеды. Он контролировал все, что печатали российские мусульмане. Главной целью введения должности инспектора народных училищ и открытия новых школ было поставить под непосредственный контроль царских чиновников все образование в казахской степи. Высочайше утвержденным 28 октября 1871 г. мнением Государственного совета в Казанском учебном округе была учреждена особая должность инспектора татарских и киргизских школ [272], которая потом была оставлена и для Оренбургского учебного округа при отделении его же в 1875 г. от Казани. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета «О передаче в ведение Министерства народного просвещения башкирских, киргизских и татарских школ разных наименований» от 20 ноября 1874 г. все инородческие школы Казанского учебного округа, в том числе и киргизские, были переданы в ведение Министерства народного просвещения [273]. В 1879 г. по особому ходатайству оренбургского окружного начальника и царских указов «Об учреждении особой должности инспектора народных училищ для Семиреченской области», «О назначении инспектора народных училищ в Тургайскую область» были учреждены должности инспекторов народных училищ в данных областях, а в 1885 г. по указу «Об учреждении в

Акмолинской и Семипалатинской областях должности инспекторов народных училищ» - в Акмолинской и Семипалатинской областях [76]. В 1882 г. соответственно указу «О почетных смотрителях при пансионах для киргизских и русских детей в областях Акмолинской и Семипалатинской» учреждается должность смотрителей в данных областях [274]. В 1880 г. открыта в Оренбургском округе особая киргизская учительская школа [275].

Постепенно, по мере завоевания и укрепления своих позиций на территории Казахстана тактика царизма меняется в отношении мусульманства и ислама. С середины XIX века был взят курс на полное уничтожение и замену ислама христианством. В Степном крае по положению 25 марта 1891 года высшее управление духовными делами принадлежало областной администрации, а местное – муллам, избранным (у казахов) не приходскими обществами, а волостными съездами владельцев кибиток и утвержденными губернаторами. Деятельность духовных лиц регламентирована лишь в самых общих чертах: в положении этому вопросу было посвящено всего 4 статьи (ст. 97-100). Степное положение ограничивало число официальных духовных лиц и разрешало избрание мулл только из «кочевой» среды и только по одному на волость. «Возведение мечетей разрешается в областях Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской степным генерал-губернатором. А в областях Уральской и Тургайской – министром внутренних дел. Мечети и школы содержатся на счет общества, но последним воспрещается принуждать к участию в сборах на этот предмет лиц, не изъявивших на то согласия. Вакуфы не допускаются» [41, с. 394].

Муллы по Степному положению являлись только верослужителями, их род деятельности не был наследственным. Поскольку власти стояли на позициях невмешательства во внутренние дела мусульманской общины, обязанности и преимущества служителей мусульманского культа не были определены. Кроме того, муллы были отстранены от рассмотрения брачных и семейных дел, которые решались на основании адата. Закон предусматривал существование официальных духовных лиц, но их число было ограничено, и они официально к духовному сословию не причислялись. Юридически они по-прежнему оставались в том сословии, к которому причислялись до избрания на должность, тогда как духовенство Оренбургского, Таврического и Закавказского округов признавалось как сословие. Статус муллы не освобождал его от обязанности платить подати и повинности, они их должны были платить наравне с остальными казахами.

Царское правительство принимало различные меры для того, чтобы сократить количество казахских школ и медресе и не открывать новые. Местным колониальным органам были направлены инструкции и правила по поводу строгого контроля над мусульманскими школами. Одно из ограничительных требований этих правил гласило: «Все лица, желающие заниматься обучением детей в мектебах и медресе области, должны иметь для сего разрешение от учебного начальства, в форме установленного для сего свидетельства». За свидетельство взималась пошлина в размере 50 коп. Уклонившиеся от получения свидетельства на право обучения и произвольно отдавшие своих детей в мектебы и медресе штрафовались в первый раз на 10, во второй на 30 руб., а в третий раз подвергались аресту сроком от 5 до 15 суток с последующим запрещением обучать своих детей в мусульманских школах [94, с. 525].

Политика царизма была направлена на то, что для местного населения достаточно иметь лишь начальное образование, которое ограничивалось бы элементарными знаниями грамматики и арифметики. Поэтому в средних учебных заведениях обучалось ограниченное количество казахских детей. «Доступ казахских детей в средние учебные заведения старательно блокировался колониальными властями. Боязнь появления национальной интеллигенции, рост национального самосознания и подъем национально-освободительного движения казахского народа против колониального режима толкало царское правительство к тому, чтобы оградить казахское население от средних общеобразовательных учебных заведений» [94, с. 525]. Отсутствие национальных средних учебных заведений на территории Казахстана вынуждало казахов отдавать своих детей в русские средние учебные заведения. Так, в 1786 г. в Омске открылась Азиатская школа, а в 1789 г. – правительственная школа при меновом дворе г. Оренбурга. Эти учебные заведения обучали детей, в том числе и казахских, профессиям переводчика, писаря. Военных специалистов и административных чиновников готовили Неплюевский кадетский корпус и Омский кадетский корпус. Такими действиями царские власти готовили новых работников колониального аппарата из среды местного населения: «Молодые киргизы, вышедшие из русских заведений, совершенно отличаются образом мыслей и направлением от товарищей своего детства, обучающихся у мулл, свидетельствуется воспитанниками Оренбургского Неплюевского корпуса и школы для киргизских детей при пограничной комиссии» [276]. Школа при Оренбургской пограничной комиссии для киргизских детей была открыта в 1844 г. В законодательном документе об открытии данной школы определена и главная ее цель: «Главная цель

учреждения школы, кроме распространения между киргизами знания русского языка и некоторой грамотности. состоит в приготовлении способных людей к занятию по пограничному управлению мест письмоводителей при султанах-правителях и дистаночных начальниках в орде, а также к исправлению и других должностей, в которые исключительно назначаются киргизы... Воспитанники принимаются в школу исключительно из одних киргизов и преимущественно из таких, коих родители оказывали услуги правительству или же известны по своей особенной оному преданности» [276]. Идея привлечения грамотных казахов к распространению русской культуры была очень популярной среди царских чиновников. Так, в секретном донесении Семиреченского областного правления записано: «Было бы крайне желательным возможно широкое привлечение киргизов в русские учебные заведения и предоставления им возможности получать образование в таковых, как наилучший способ приобщения их к русской культуре и распространения ее в среде киргизского населения» [60, с. 236].

Царское правительство пыталось полностью контролировать школьное образование в Казахстане, потому оно само выступило инициатором открытия местных школ. В области Зауральских киргизов было открыто четыре школы для киргизов по следующей причине: «Чтобы противодействовать вредному влиянию на киргизов, еще вовсе не зараженных магометанским фанатизмом, образования, получаемого детьми их в магометанских училищах и у магометанских мулл, распространяя в то же время русское влияние в степи, по мнению генерал-адъютанта Катенина, необходимо завести в ней школы от нашего правительства, из которых молодые киргизы выносили бы знание своей и русской грамоты, без примеси вредных нравственных начал» [277]. В 1861 г. соответственно царскому указу «Об учреждении школы для киргизских мальчиков в г. Троицке» была открыта школа для киргизских мальчиков в Троицке. В этой школе предлагалась следующая программа: «В школе обучать только русскому и татарскому чтению и письму, прибавив к этому изучение магометанского закона, первых четырех правил арифметики и грамматических форм русского языка сравнительно с киргизским; тем же воспитанникам школы, которые, отличаясь особенными способностями, пожелали бы получить дальнейшее образование, дозволить переходить в школу при областном правлении в Оренбурге» [278]. А в 1880 г. соответственно утвержденному мнению Государственного совета «О киргизской учительской школе» в Троицке была открыта киргизская учительская школа, где «все предметы преподаются в школе на русском языке, за исключением магометанского вероучения» [279].

Большое внимание царские чиновники обращали на подбор учительских кадров, которые также должны были быть проводниками русификаторской политики на местах. Директор Верненского училища по этому поводу пишет в своем рапорте: «Чтобы дело русского туземного образования в области поставить на должную высоту, нужно подготовить достаточный контингент учителей, вполне правоспособных преподавать в русско-туземных училищах и быть проводниками русского государственного начала среди туземного населения» [60, с. 239].

Таким образом, мы видим, что царское правительство использовало все возможные методы и средства для распространения и упрочения русского языка, культуры, образа жизни среди казахского населения. Плоды этой политики не были скороспелыми, но они до сих пор дают о себе знать. Даже сегодня в начале XXI века в Казахстане мы говорим о необходимости возрождения и сохранения национального языка, обычаев, традиций, истории.

В плане распространения христианства большую помощь царскому правительству оказывала русская православная церковь, так как их цели тесно переплетались в завоеванном крае. Из доклада степного генерал-губернатора за 1909 г. читаем: «Местная администрация, озабоченная размещением переселенцев на удобных для их существования местах и прилагающая все меры к материальной их обеспеченности, в целях создания на окраинах из русского переселенца надежную опору государству, не может выполнять этой важной задачи, если будут забыты духовно-религиозные и национальные стороны русского переселенца. Громадные затраты, делаемые правительством на колонизацию края, не достигнут своей цели, если одновременно с заботами правительства об упорядочении и утверждении русского элемента, не пойдет на встречу этому стремлению православное духовенство» [60, с. 197]. Доминирующее положение христианства было подтверждено в уложении о наказаниях. В нем указывалось, что православная церковь является «первенствующей и господствующей в империи». Право на миссионерскую деятельность признавалось только за русской православной церковью, и любое «покушение» на первенство и миссионерство приводило в действие карательный механизм государственной машины.

На рубеже веков наступает кризис сложившейся системы управления духовными делами «иностранных» конфессий, религиозной политики самодержавия. Кризис нашел свое выражение в участившихся фактах волнений и беспорядков на религиозной почве, росте национально-освободительных движений на окраинах империи, в том числе и под религиозными лозунгами. Это заставило правительственные круги

искать выход в коренной реформе политики в сфере государственно-религиозных отношений. По этому поводу М. Тынышпаев писал: «Указом 12 декабря 1904 года, рескриптом министра внутренних дел от 19 февраля и указом 17 апреля обещаны полная свобода обратного перехода в религию предков, возвращение высланных в Сибирь за религиозные дела, открытие закрытых мечетей и медресе и т.д. Но мулл не возвращают из ссылки, мечети и медресе остаются закрытыми, духовные книги – конфискованными, и как бы для того, чтобы показать, что (пропущено) совершенно игнорируют всякие указы и рескрипты их царя, как раз в это время захватывают насильно киргизских детей и объявляют их православными» [264, с. 26]. Указы 1904-1905 годов о веротерпимости должны были положить начало пересмотру всего комплекса законодательных актов, касавшихся устройства духовного быта мусульманских подданных. Однако, как показал ход истории, право на свободу вероисповедания не было осуществлено, поскольку требовало пересмотра всей политики правительства в отношении покоренных народов. А подавление революции и вовсе свело на нет все эти законодательные предложения. В своей дальнейшей конфессиональной политике власти предпочитали опираться на консервативные элементы, опасаясь проникновения в среду духовенства либеральных идей. Заметные опасения вызывала активность сторонников джадизма, которые выступали за реформацию ислама и, в частности, мусульманского образования.

Политика русификации и забвения национального языка, культуры, вероисповедания постоянно подкреплялась различными законодательными материалами. В начале XX века наметилась широкая программа по русификации национальных окраин империи. Этому способствовали законы: «О некоторых изменениях в устройстве начального образования в Туркестанском крае», «О начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России», «Правила о начальных училищах для инородцев», «О начальных училищах для инородцев» [51, с. 57]. В предисловии к правилам 1906 г. было записано: «Начальные училища для инородцев имеют целью – распространить между ними знание русского языка и сблизить их с русским народом, на почве любви к общему Отечеству» [51, с. 57].

Таким образом, политика царского правительства в отношении мусульманства не была однозначной, она менялась в соответствии со сложившимися объективными обстоятельствами. На основе законодательных материалов четко прослеживается развитие следующей тенденции: от признания и поддержки мусульманства в начальный период присоединения до его преследования и полнейшего искоренения

в конце XIX - начале XX веков. Отдельные попытки ввести свободу веротерпимости в годы революционного подъема 1905 года не увенчались успехом. В целом политика самодержавия была направлена на уничтожение исламской веры и постепенное распространение христианства среди всех подданных России. Просвещение проникало в Казахстан под большим контролем правительства и, в первую очередь, преследовало цели подготовки людей для административного аппарата и для просветительской деятельности в духе русификаторской политики. Законодательные материалы подтверждают, что царское правительство делало все, чтобы растворить казахское общество в общеимперской массе, лишить его национального самосознания, а затем и национальной независимости. Законы Российской империи принимались в угоду и для поощрения духовной колонизаторской политики в отношении казахского народа. Руководствуясь законодательной базой, царские чиновники, издавая всевозможные распоряжения и дополнения, чинили на местах произвол, беспредел, самосуд, отрицая элементарные человеческие права казахов. Колонизация царизма в области духовной сферы еще тяжелее отразилась на жизни казахского общества. Так, она затрагивала самые основы ее существования; она ломала традиционный, веками устоявшийся уклад жизни. Ее последствия не ликвидированы в Казахстане до сих пор. Здесь хотелось бы вспомнить слова М. Тынышпаева, который открыто выступил против колониальной политики царизма еще в начале XX века: «Закрывание мечетей, медресе и молитвенных домов, запечатывание и конфискование духовных книг, раздача евангелия на киргизском языке и угроза высылки в Сибирь для не желавших принимать его, приказы о введении (...) киргизские духовные училища обязательного обучения русской грамоты, преподаваемой учителями-миссионерами, проект о способе приведения киргизов к присяге целованием дула ружья и острия меча, заключение киргизских детей в миссионерские стены и объявление их православными, истязание киргизки стягиванием головы ее веревкой за то, что она отказывалась от принятия православия, запрещение подавать прошение и заявление на киргизском языке и введение переписки в волостных канцеляриях на русском языке, и целый ряд других грубых издевательств и насилий над личностью и совестью людей, – все это, господа, совершилось в XIX и в начале XX столетий, и это совершается и по сей день в далекой окраине, забытой людьми и богом. Как называется все это, как не крестовыми походами невежественного теократического и бюрократического правительства великой державы России против инородцев и иноверцев?!» [264, с. 23].

Заключение

Законодательные материалы важны для изучения истории казахского народа, так как они помогают проследить и понять суть официальной политики русского правительства, проводимой на территории Казахстана. Читая, сопоставляя, оценивая законы, из них можно извлечь массу полезной, объективной и даже скрытой информации.

Законы и внутривластная деятельность общества неразрывно связаны между собой и потому имеют огромное значение для воссоздания объективной истории. Тем не менее, изучение законодательных документов не находится еще на должном уровне. В отношении к законодательным материалам нередко используется потребительский характер, в исследованиях нет их анализа и вытекающей из него источниковедческой критики. До сих пор является странным, что законодательные акты России не изучались в полном объеме, не систематизировались. Исследователи применяли в своих работах только отдельные цитаты или выборочные законодательные материалы, не рассматривая их в комплексе. Хотя вопрос о необходимости изучения законодательных документов их публикации неоднократно поднимался в научной среде.

Законодательные акты помогают извлечь наиболее полную информацию о местных органах власти, их взаимосвязи с центральными учреждениями, дают характеристику административной, судебной, налоговой системы и других вопросов. Законодательные материалы дают возможность проследить политику царизма в аграрном вопросе, как постепенно происходил правовой захват казахских земель, раскрывают основы духовного порабощения казахского народа. Материалы законодательства позволяют проследить политику царского правительства в развитии, помогают понять ее истинные планы и задачи. Изучение и анализ законодательных материалов показывают, какими средствами, как и для чего осуществлялась колонизация края, раскрывают истинные масштабы закабаления казахского народа. Для объективного изучения истории Казахстана законодательные материалы имеют неоспоримое значение, без их системного и комплексного изучения и анализа нельзя раскрыть и показать суть официальной, колонизаторской политики, проводимой царским самодержавием. Нет ни одного более или менее значимого вопроса истории Казахстана данного периода, который бы не нашел отражение в законодательных источниках. Следовательно, законодательные акты Российской империи XVIII - начала XX века являются ценнейшими источниками по изучению социально-экономической, общественно-политической истории Казахстана. В

совокупности с другими источниками они дают возможность исследовать и понять комплекс проблем и вопросов, касающихся истории нашего государства в прошлом. По этому поводу Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев сказал: «Оценка нашей национальной истории, конечно, для удобства исследователей и методологических соображений будет базироваться на прежней схеме, но понимание единства всего периода колонизации, при всех различиях механизмов и исторических обстоятельств, должно многое прояснить в судьбах казахской этничности. Ведь ближайшие «исторические следы памяти» особенно значимы и непосредственно накладываются на поведение, оценки, смысловые картины мира, в том числе казахского миропонимания» [263, с. 16].

Список литературы

1. Назарбаев Н. А. Хранить память, крепить согласие. – Алматы: Қазак баспасөзі, 1998. – 16 с.
2. Абдилдабекова А.М. Россия и Казахстан (XVIII – начало XX века): вопросы историографии: учебное пособие. – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – 124 с.
3. Пособия и правила изучения российских законов или материалы к энциклопедической методологии и истории литературы российского права. – СПб: Типография второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1833. – 189 с.
4. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. – СПб: Типография второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1845. – 170 с.
5. Майков П.М. О своде законов Российской империи. – СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1906. – 276 с.
6. Рождественский Н. Руководство к Российским законам. – СПб, 1851. – 686 с.
7. Виновер М.М. К вопросу об источниках X тома Свода законов (записка Сперанского). – СПб: Типография Правительствующего сената, 1897. – 18 с.
8. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
9. Лобысевич Ф.И. Киргизская степь Оренбургского ведомства. – М.: Типография И.Н. Кушнерев и К., 1891. – 41 с.
10. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для географии и статистики России. Собрано офицерами генерального штаба. – СПб, 1865. – 560 с.
11. Красовский М. Область Сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. – В 3 частях. – СПб: Печатано в типографии, 1868. – Ч.3 – 427 с.
12. Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской государственности. – СПб: Типография В. Безобразова, 1871. – 358 с.
13. Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. – Алматы: Гылым, 1998. – 280 с.
14. Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права: Московское государство – Российская империя. – СПб: Типография Я.И. Либермана, 1890. – 342 с.
15. Загоскин Н.П. Наука истории русского права. Ее вспомогательные знания, источники и литература. – Казань: Типография Ильяшенко, 1899. – 530 с.

16. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – СПб-Киев: Изд. книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1909. – 699 с.
17. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. – СПб, 1879 – 128 с.
18. Коркунов Н.М. Указ и закон. – СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1894. – 408 с.
19. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. – М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. – 217 с.
20. Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. - Оренбург: Типография П.Н.Журинова, 1898. – 532 с.
21. Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. – Оренбург: Типо-литография П.Н. Журинова, 1898. – 214 с.
22. Крафт И.И. Положение «Об управлении степных областей». – Оренбург: Типо-литография П.Н. Журинова, 1898. – 175 с.
23. Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. – Казань, 1900. – 991 с.
24. Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти томах. – М.: Юридическая литература, 1988. – Т. 6. – 431 с.
25. Материалы по истории СССР. Документы по истории XIX века. – М.: АН СССР. – Т. 5. – 875 с.
26. Памятники русского права. Законодательные акты Петра I (первая четверть XVIII века). - М.: Юридическая литература, 1961. – 667 с.
27. Исаев И.А. История государства и права России. Полный курс лекций. М.: Юрист, 1996. – 448с.
28. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века). – М.: Мысль, 1981. – 252 с.
29. Миронова И.А. Законодательные памятники пореформенного периода (1861-1900): учебное пособие. – М.: Московский государственный историко-архивный институт, 1960. – 30 с.
30. Дамешек Л.М. Кодификация обычного права народов Сибири как источник по истории внутренней политики самодержавия в XIX в. // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. – Иркутск: Иркутский университет, 1983. – 127 с.
31. Антонова С.И. Материалы законодательства периода капитализма как исторический источник: учебно-методическое пособие. – М.: МГУ, 1976. – 49 с.
32. Кочаков Б.М. Русский законодательный документ XIX-начала XX в., с. 319-371 // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. статей. – М.-Л.: АН СССР, 1937. – С. 319-371.
33. Кочаков Б.М. Законодательные материалы как исторический источник // Архивное дело. – 1940. – Вып. 3 (55). – С. 17-31.

34. Казахстан на страницах «Туркестанского сборника». – Алматы: ЦНБ, 2002. – 555 с.
35. Семиреченские областные ведомости. – 1894. – №4. – 22 января.
36. Оренбургские губернские ведомости. – 1874. – №14. – 6 апреля.
37. Асфендияров С.Д., Кунте П.И. Прошлое Казахстана в источниках. – Алматы: Казахстан, 1997. – 383 с.
38. Материалы по истории КССР (1785-1828). – М.-Л.: АН СССР, 1940. – Т.4. – 543 с.
39. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сб. документов и материалов. – Алма-Ата: Наука, 1961. – 740 с.
40. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. Сб. документов и материалов. – Алма-Ата: Наука, 1964. – 573 с.
41. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времен присоединения Казахстана к России до ВОСР). – Алма-Ата: АН КазССР, 1960. – Т. 1. – 441 с.
42. Вяткин М.П. Батыр Срым. М.-Л.: АН СССР, 1947. – 389 с.
43. Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40 г. XIX века. – Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. – 398 с.
44. Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII - начале XX вв. м Алма-Ата: Наука, 1981. – 247 с.
45. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII - первой половины XIX в. – Алма-Ата: АН КазССР, 1960. – 296 с.
46. Сапаргалиев Г.С. Карательная политика царизма в Казахстане (1905-1917 г.) – Алма-Ата: Наука. 1966. – 375 с.
47. Культегеев Т.М. Уголовное обычное право (с момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти). – Алма-Ата: АН КазССР, 1955. – 302 с.
48. Тольбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII - XIX веках. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. – 448 с.
49. Царская колонизация в Казахстане. По материалам русской периодической печати XIX века // Сост. Ф.М. Оразаев. – Алматы: Рауан, 1995. – 368 с.
50. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. – Астана: Елорда, 1998. – 137 с.
51. Садвокасова З.Т. Духовная экспансия в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX - начала XX века). – Алматы: Қазақ университеті, 2005. – 345 с.
52. Нурбаев К.Ж. Колонизация Северо-Центрального Казахстана (XVIII - первая пол. XIX в.): автореф. д-ра ист. наук. – Алматы, 2007. – 40 с.

53. Борсукбаева А.М. Колонизаторская политика царизма в казахских землях в XIX - начале XX в.: автореф. канд. ист. наук. – Алматы, 2005. – 30 с.
54. Кенжебеков К.К. Военно-наступательные аспекты присоединения Казахстана к России: автореф. канд. ист. наук. – Алматы, 2000. – 30 с.
55. Ерменбаева Г.К. Социально-исторические преобразования органов местной власти (на примере казахов Оренбургского ведомства в 20-60 гг. XIX в.): автореф. канд. ист. наук. – Алматы, 2006. – 30 с.
56. Касымбаев А.Ж. Административно-политические и законодательные нововведения России в Младшем жузе 20-40 гг. XIX века и их колониальная сущность: автореф. канд. ист. наук. – Алматы, 2003. – 28 с.
57. Абдрахманов Б.Н. Казахстан в материалах Полного собрания законов Российской империи: дисс. канд. ист. наук. – Усть-Каменогорск, 2002. – 124 с.
58. История Казахстана в русских источниках XVI - XX в. Сост. И.В. Ерофеева. – Алматы: Дайн-Пресс. – В 10 т. – 2005.
59. История Казахстана в западных источниках XII - XX в. – Алматы: Санат. – В 10 т. – 2005.
60. Жакыпбек С.К. и др. История Казахстана (XVIII - начала XX в.). Сб. документов и материалов – Алматы: Қазақ университеті, 2001. – 314 с.
61. Машимбаев С. Патшалық Ресейдің Қазақстандағы мемлекеттік басқару мекемесінің тарихы. - Алматы: Санат, 2000. – 135 б.
62. Абдиров М.Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (из истории военно-казачьей колонизации края в конце XVI - начале XX века). – Астана: Елорда, 2000. – 304 с.
63. Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX - начале XX в. – Алматы: Жеті Жарғы. 1996. – 352 с.
64. Кусайынулы К. Читая документы о казахско-русских отношениях в XVII - XIX вв. – Алматы: Данекер, 2001. – 140 с.
65. Ешмухамбетов С., Жакеев С. Из истории казахов. – Алматы: ТОО «Жалын», 1999. – 528 с.
66. Данилов В.П., Якубовская С.И. Источниковедение и изучение истории советского общества // Вопросы истории. – 1961. – №5. – С. 3-24.
67. Пронштейн А.П., Данилевский И.Н. Вопросы теории и методики исторических исследований. – М.: Высшая школа, 1986. – 208 с.
68. Стрельский В.И. Источниковедение истории СССР периода империализма конец XIX в. – 1917 г. – М.: Социально-экономическая литература, 1962. – 603 с.
69. Источниковедение истории СССР // Под ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Высшая школа, 1973. – 559 с.

70. Источниковедение // Под ред. И.Н. Данилевского, В.В. Кабанова, О.М. Медушевской, М.Ф. Румянцевой. – М.: РГГУ, 2004. – 701 с.
71. Атабаев Қ. Қазақстан тарихының деректанулық негіздері. – Алматы: Қазақ университеті, 2002. – 302 б. Атабаев Қ. Қазақ баспасөзі Қазақстан тарихының дерек көзі (1870-1918). – Алматы: Қазақ университеті, 2000. – 358 б.
72. ПСЗ РИ-1. – В 45 томах. – СПб: Типография второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830.
73. ПСЗ РИ-2. – В 55 томах. – СПб: Типография второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830-1881.
74. ПСЗ РИ-3. – В 34 томах. – СПб: Типография второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1885-1917.
75. ПСЗ РИ-3. – СПб, 1885. – Т. 5. – №3050. – С. 305-306.
76. Отепова Г.Е. Хронологический указатель законодательных актов Российской империи по истории Казахстана XVIII-начала XX в. Учебно-справочное пособие. – Павлодар: ПГПИ. 2012. – 161 с.
77. Морозов В.И. Роль М. Сперанского в развитии Российского государства: дисс. д-ра ист. наук. – СПб, 2000. – 492 с.
78. Свод законов Российской империи // Под ред. А. Добровольского. – СПб: Изд-во книжного магазина И.И. Зубкова, 1913. В 16-ти томах.
79. Крафт И.И. Из Киргизской старины. – Оренбург: Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. – 157 с.
80. Указы Оренбургским военным губернаторам императрицы Екатерины II и Павла I. Оренбург: Издание Оренбургской ученой архивной комиссии, 1889. – 94 с.
81. Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание. – Томск: Томский университет, 1973. – 224 с.
82. Юридический словарь. – Ростов-на-Дону: Феликс, 2002. – 380 с.
83. Тесля А.А. Источники (формальные) гражданского права Российской империи в XIX – начале XX века. 2003 г. – Электронное издание. Интернет: civil-law@narod.ru.
84. Малышев К. Курс общего гражданского права России. – СПб, 1878. – Т. 1 – 355 с.
85. Указы Правительствующего сената // ЦГА РК. – Ф. 64. – Оп. 1 – Д. 1105.
86. Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906-1917 гг.: историко-правовой очерк. – М.: Наука, 1998. – С. 39-49.
87. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1853. – Т. 27. – №26178. – С. 280.
88. Областное правление сибирскими киргизами // ЦГА РК. – Ф. 345. – Оп. 1. – Кн. 1. – Д. 891.

89. История государственного управления в России // Под ред. Марковой А.П. – М.: ЮНИТИ, 1997. – 279 с.
90. Сизиков М.И. История государства и права России конца XVII до начала XIX века. – М.: ИНФРЛ, 1998. – 320 с.
91. Копия приказа по Степному генерал-губернаторству об учреждении комиссии для пересмотра проектов положения об управлении в Степных областях // ЦГА РК. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 112.
92. Проекты об устройстве управления Семиреченской области в составе Степного генерал-губернаторства // ЦГА РК. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 115.
93. Протоколы заседаний комиссии по составлению объединенного проекта положения об управлении в областях Степного генерал-губернаторства // ЦГА РК. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 119.
94. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 5-ти томах. – Алматы: Атамұра, 2000. – Т. 3. – 766 с.
95. Проекты положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской // ЦГА РК. – Ф. 64. – Оп.1. – Д. 647.
96. Ибрагимов Р.М. Проект положения «Об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» середины 1890-х годов как источник по истории административной политики самодержавия в степном крае // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народа. Сборник материалов. – Омск: ОмГУ, 2001. – С. 67-69.
97. Ланглюа Ш.В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. – М.: ГПИБР, 2004. – 275 с.
98. Ирмуханов Б.Б. История Казахстана: опыт теоретико-методологического исследования. – Алматы: Наш мир, 2004. – 448 с.
99. Стрельский В.И. Источниковедение истории СССР периода империализма конец XIX в. – 1917 г. – М.: Социально-экономическая литература, 1962. – 603 с.
100. Источниковедение истории СССР XIX - начала XX века // Под ред. И.А. Федосова. – М.: МГУ, 1970. – 467 с.
101. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX-начала XX в.). – Иркутск: Иркутский университет, 1986. – 168 с.
102. Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. – СПб: Императорская академия наук, 1910. – 398 с.
103. История продолжается. Изучение XVIII века на пороге XXI века. Сост. С.Я. Карп. – М., СПб: Универсальная книга, 2001. – 468 с.
104. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 23. – №16952. – С. 219.
105. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 11. – №8475. – С. 540.

106. Литвак Б.Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII - XIX веках // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных дисциплин. – Ленинград: Просвещение, 1984. – 256 с.
107. Памяти буквы Ъ // Городская неделя. – 2008. – 20 февраля.
108. Указы Сената за 1854 г. // ЦГА РК. – Ф. 345. – Оп.2. – Д. 18.
109. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1978. – 384 с.
110. Ленин В.И. Случайные заметки. – Полное собрание сочинений. – В 55 т. – М.: Политическая литература, 1979. – Т.4. – 565 с.
111. Маркова Л.А. Наука, история и историография XIX-XX веков. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
112. Свод законов Российской империи. – М., 2006. – СД-РОМ, НТЦ «Синсма».
113. Указы Правительствующего сената // ЦГА РК. – Ф. 64. – Оп. 1 – Д. 1105.
114. Григорьева Ю.Г. Источниковедческие проблемы изучения материалов по истории создания I Государственной думы: дисс. канд. ист. наук. – М., 1995. – 176 с.
115. Баймурзин А. Из истории захвата царизмом Большой и Средней орды // Известия КФ АН СССР. Серия историческая, 1940. – Вып. 1 – С. 95-100.
116. Валиханов Ч. Аблай. – Собрание сочинений. – В 5-томах – Алма-Ата: Советская энциклопедия, 1985. – Т.4. – 461 с.
117. Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в ней русских. – СПб., 1890. – 375 с.
118. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 9. – №6571. – С. 309-317.
119. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 9. – №6576. – С. 323-330.
120. Кан Г. История Казахстана: учебное пособие. – Алматы: Аркаим, 2002. – 222 с.
121. Сибирский вестник. Издано Г. Спасским. – СПб: Морская типография, 1820. – 204 с.
122. Абиля Е.А. История государства и права Республики Казахстан (с древнейших времен до 1992 г.): учебное пособие. – Астана: Фолиант, 2001. – 188 с.
123. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 9. – №6889. – С. 740-741.
124. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 16. – №12191. – С. 815.
125. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 20. – №14489. – С. 402-403.
126. История Казахстана. Очерк. – Алма-Аты: Дауир, 1993. – 416 с.
127. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 22. – №16592. – С. 950-951.

128. Переписка с учреждениями военного ведомства о возведении на полуострове Раим укрепления и заселении его русскими жителями // РГВИА. – Ф. 1441. – Оп. 1. – Д. 14.
129. Переписка с учреждениями военного ведомства о возведении на реке Сыр-Дарья форта Казалы // РГВИА. – Ф. 1441. – Оп. 1. – Д. 47.
130. Переписка с военным министром о перенесении Сибирского укрепления для соединения с Оренбургской линией // РГВИА. – Ф. 1441. – Оп. 1. – Д. 48.
131. Переписка с учреждениями военного ведомства о постройке крепости Ак-Мечеть // РГВИА. – Ф. 1441. – Оп. 1. – Д. 60.
132. О принятии в русское подданство султанов Средней орды // РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 77.
133. Проект положения о военном устройстве Киргизской степи и Сыр-Дарьинской линии // РГВИА. – Ф. 1441. – Оп. 1. – Д. 140.
134. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1852. – Т. 26. – №24898. – С. 108.
135. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1854. – Т. 28. – №27536. – С. 424.
136. Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (проблема седентаризации в первой половине XVIII века – начале XX века). – Барнаул: Азбука, 2003. – 267 с.
137. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 12. – №8901. – С. 51.
138. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 21. – №15307. – С. 365-366.
139. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 26. – №19325. – С. 65-66.
140. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 26. – №19773. – С. 571-572.
141. Сенатские указы за 1822-1839 гг. // ГАОО. Ф. 3. – Оп. 1, – д. 1.
142. Проект устава о сибирских киргизах // РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 322.
143. Безвиконная Е.В. Кокчетавский внешний окружной приказ в 20-30 годы XIX века // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народа (XVIII - XX вв.). Сборник материалов. – Омск: ОмГУ, 2001. – С. 46-48.
144. Журналы Сибирского комитета «О предложениях к открытию новых округов в степи Сибирских киргизов» // РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 13.
145. О предварительных мерах к открытию внешних округов в Омской области // РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 326.
146. О новом устройстве Киргиз-Кайсацкой степи, собранные Куракиным и Безбородным при ревизии // РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 341.
147. Об открытии в Киргизской степи Аягузского, Акмолинского, Баян-Аульского, Уч-Булакского и Аман-Карагайского внешних округов // РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 348.

148. Указы Правительствующего сената 1824 г. // ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 319.
149. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1832. – Т. 6. – №4870. – С. 138.
150. Касымбаев Ж.К., Агубаев Н. История Акмолы. – Алматы: Жеті жарғы, 1998. – 176 с.
151. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1834. – Т. 8. – №6034. – С. 135-136.
152. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1835. – Т. 9. – №7140. – С. 417.
153. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1838. – Т. 12. – №10142. – С. 239-240.
154. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1845. – Т. 19. – №17807. – С. 248.
155. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1860. – Т. 34. – №34363. – С. 348-352.
156. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1861. – Т. 35. – №35404. – С. 107-108.
157. О награждении султанов Кокчетавского внешнего округа за заслуги перед русским правительством // РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 81. – Д. 153.
158. О награждении некоторых султанов и биев Средней Киргизской орды за преданность правительству // РГИА. – Ф. 1265. – Оп. 4. – Д. 855.
159. Дело об упразднении Омской области // РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 81. – Д. 167.
160. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1845. – Т. 19. – №17998. – С. 374-401.
161. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1855. – Т. 29. – №28255. – С. 492-506.
162. Указы Сената // ЦГА РК. – Ф. 345. – Оп. 1. – Д. 182.
163. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1861. – Т. 34. – №34270. – С. 218-219.
164. Указы Правительствующего Сената 1868 г. // ЦГА РК. – Ф. 345. – Оп. 1. – Д. 224.
165. Седельников Т.И. Борьба за землю в киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства) – СПб.: Электротпечатное товарищество «Дело», 1907. – 124 с.
166. ПСЗРИ-3. – СПб, 1887. – Т. 6. – №3575. – С. 115-116.
167. Зайончаковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-80 гг. – М.: МГУ, 1964 – 511 с.
168. Букейханов А. Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи. Избранное. Собрание сочинений. – Алматы: Өлке баспасы, 2002. – Кн. 1. – С. 40-91.
169. Проекты положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской // ЦГА РК. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 647.
170. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 22. – №16482. – С. 768.
171. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 25. – №18700. – С. 409.
172. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 22. – №16403. – С. 611-612.
173. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 22. – №16400. – С. 604-606.
174. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 22. – №16534. – С. 839.
175. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 23. – №16749. – С. 13-14.

176. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 23. – №16982. – С. 247.
177. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 23. – №17270. – С. 591.
178. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 25. – №19082. – С. 759.
179. Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан. – Алматы: Данскер, 1999. – 295 с.
180. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1829. – Т. 3. – №1681.
181. О наказаниях, предусмотренных для киргиз-кайсаков в случае совершения ими тяжких преступлений // РГИА. – Ф. 1374. – Оп. 2. – Д. 1753.
182. О порядке рассмотрения гражданских и уголовных дел сибирских киргизов // РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 81. – Д. 11.
183. Об осуждении военным судом киргиз Оренбургского ведомства за убийство и захват русских // РГИА, м Ф. 1341. – Оп. 37. – Д. 2225.
184. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1837. – Т. 11. – №8783. – С. 62.
185. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1837. – Т. 11. – №9391. – С. 801.
186. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1838. – Т. 12. – №10796. – С. 1009-1010.
187. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1839. – Т. 13. – №11268. – С. 720.
188. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1849. – Т. 23. – №22317. – С. 377-378.
189. ПСЗ РИ-3. – СПб, 1892. – Т. 11. – №7574. – С. 133-147.
190. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1845. – Т. 19. – №18509. – С. 825-826.
191. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1867. – Т. 39. – №41541. – С. 458-459.
192. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1846. – Т. 20. – №19283. – С. 772-773.
193. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1853. – Т. 27. – №26831. – С. 747.
194. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1855. – Т. 29. – №28054. – С. 278.
195. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1855. – Т. 29. – №28264. – С. 512-513.
196. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1855. – Т. 29. – №28712. – С. 7.
197. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1856. – Т. 30. – №29069. – С. 177.
198. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1862. – Т. 36. – №36816. – С. 557-558.
199. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1866. – Т. 40. – №42372. – С. 876-881.
200. Артыкбаев Ж.О. История Казахстана: учебник-хрестоматия. – Астана: Фолиант, 1999. – 284 с.
201. Бекмаханов Е. Присоединение Казахстана к России. – М: АН СССР, 1957. – 342 с.
202. О порядке рассмотрения дел в отношении киргизов, нарушивших законы империи // РГИА. – Ф. 948. – Оп. 1. – Д. 962.
203. О предании киргиз-кайсаков русскому суду по общим уголовным законам империи против существующего строя // РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 82. – Д. 16.
204. О делах подсудных народному киргизскому суду // РГИА. – Ф. 1341. – Оп. 156. – Д. 1618.

205. Проекты положения об устройстве управления и судебной части во Внутренней киргизской орде // РГИА. – Ф. 573. – Оп. 3. – Д. 4979.
206. О реформе киргизского суда в Уральской области. О коренной реформе народного суда в Туркестанском крае // РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 531. – Д. 229.
207. Инструкция, данная Александром II Н.Г. Казнакову // РГИА. – Ф. 948. – Оп. 1. – Д. 962.
208. Кул-Мухамед М. Колониальный режим в Казахстане (1868-1917). – Алматы: Атамұра, 2000. – 48 с.
209. Киргизская газета. – 1899. – 9 мая. // Микрофильм.
210. Семиреченские областные ведомости. – 1894. – №4. – 22 января.
211. ПСЗ РИ-3. – СПб, 1899. – Т. 18. – №15493. – С. 389.
212. Кожамметов Г.З. Государственная дума и народы Степного края в 1905-1917 гг. – Караганда: Болашак баспа, 1999. – 130 с.
213. Валиханов Ч. Записка о судебной реформе. Избранные произведения. – М.: Наука. 1987. – 413 с.
214. Дело о порядке решения брачных и семейных дел киргиз // ЦГА РК. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 1923.
215. О введении суда присяжных заседателей // РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 2. – Д. 1053.
216. Войцеховский Е.И. Устав о Сибирских киргизах 1822 г. – Алматы: ВШП Адлет, 2004. – 93 с.
217. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Восточная литература. В 2 томах. – 1999. – Т.1 – 447 с.
218. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 8. – №5703. – С. 383-386.
219. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 25. – №19142. – С. 806.
220. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 35. – №23935. – С. 1231.
221. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 30. – №23040. – С. 277-278.
222. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 36. – №27782. – С. 155-157.
223. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 40. – №30528. – С. 521-525.
224. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 30. – №23039. – С. 277.
225. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 32. – №25494. – С. 695-697.
226. Указы Правительствующего сената 1827 г. // ГАОО. – Ф. 9. – Оп. 2. – Д. 2.
227. Кусайынулы К. История Туркестанского края в эпоху царизма. – Алматы: Казак университеті, 2005. – 162 с.
228. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1832. – Т. 6. – №4584. – С. 390-392.
229. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1838. – Т. 12. – №10797. – С. 1011.
230. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1833. – Т. 7. – №5847. – С. 918.
231. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1855. – Т. 29. – №28054. – С. 278-280.
232. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1840. – Т. 16. – №15169. – С. 145-148.

233. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1849. – Т. 23. – №22699. – С. 11-12.
234. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1859. – Т. 35. – №36007. – С. 897.
235. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1858. – Т. 32. – №31754. – С. 324-327.
236. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 16. – №11679. – С. 76-77.
237. Дело о предоставлении киргиз-кайсакам Меньшой орды пастбищ между Самарой и Уральском // РГИА. – Ф. 1374. – Оп. 2. – Д. 1405.
238. Дело о наделении кочующих киргиз землей // РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 1. – Д. 233.
239. Дело о переселении киргиз-кайсаков Средней орды в пределы России на вечное кочевание // РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 31. – Д. 19.
240. Журналы Комитета министров «О поселении киргиз в Оренбургской губернии // РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 20.
241. Дело о разграничении земель 1865 г. и об учреждении особой комиссии для разбора поземельных споров // РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 29.
242. Дело о разрешении некоторых кочующих племен киргизов перейти на восточный берег Урала // РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 2. – Д. 48.
243. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 22. – №16686. – С. 1086-1087.
244. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 25. – №18596. – С. 310-311.
245. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 26. – №19773. – С. 571-572.
246. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 29. – №22135. – С. 283-309.
247. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 27. – №20171. – С. 67-68.
248. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 27. – №20623. – С. 465.
249. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 27. – №20793. – С. 653-655.
250. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 37. – №28645. – С. 731-732.
251. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1862. – Т. 36. – №37286. – С. 194-195.
252. Киргизская степная газета. – 1895. – 8 октября // Микрофильм.
253. Киргизская газета. – 1895. – 22 октября. // Микрофильм.
254. Румянцев П.П. Социальное строение казахского народа в прошлом и настоящем // Вопросы колонизации. – 1909 – №5. – С. 79-137.
255. ПСЗ РИ-3. – СПб, 1891. – Т. 9. – №6198. – С. 535-538.
256. Об организации исследования Степных областей // РГИА. – Ф. 391. – О. 1. – Д. 371.
257. Об изъятии земельных излишков от киргиз Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областей // РГИА. – Ф. 391. – Оп. 2. – Д. 600.
258. Об определении нормы киргизского землепользования в Тургайской области // РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 84. – Д. 48.
259. Об образовании переселенческих участков в Степных областях // РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 84. – Д. 117.
260. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. – Алма-Ата: Наука, 1979. – Т. 3. – 543 с.

261. ПСЗ РИ-3. – СПб, 1905. – Т. 23. Доп. к т. 13. – №9803а.
262. Ешмуратов А.К. Историография: проблемы земельной собственности в казахском обществе второй половины XIX - начала XX века: учебное пособие. – Павлодар: ПГУ, 2003. – 104 с.
263. Назарбаев Н.А. В потоке истории. – Алматы: Атамұра, 1999. – 296 с.
264. Тынышпаев М. История казахского народа. – Алматы: Санат, 1998. – 224 с.
265. Указы Правительствующего сената 1828 г. // ГАОО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 29.
266. Указы Правительствующего сената // ЦГА РК. – Ф. 338. – Оп. 1. – Д. 7.
267. ПСЗ РИ-1. – СПб, 1830. – Т. 16. – №11854. – С. 289.
268. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1859. – Т. 35. – №35370. – С. 67.
269. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1834. – Т. 10. – №8628. – С. 1140-1141.
270. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1830. – Т. 2. – №828. – С. 37-38.
271. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1859. – Т. 34. – №35428. – С. 124-128.
272. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1874. – Т. 46. – №50078. – С. 419.
273. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1876. – Т. 49. – №54061. – С. 382-383.
274. ПСЗ РИ-3. – СПб, 1886. – Т. 2. – №1138. – С. 425-426.
275. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1881. – Т. 55. – №61521. – С. 675-676.
276. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1845. – Т. 19. – №17999. – С. 401.
277. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1859. – Т. 34. – №35428. – С. 124-128.
278. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1863. – Т. 36. – №37089. – С. 820-822.
279. ПСЗ РИ-2. – СПб, 1881. – Т. 55. – №61521. – С. 675-676.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ:

- ПСЗ РИ** – Полное собрание законов Российской империи
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан, г. Алматы
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва
- РГИА** – Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург
- ГАОО** – Государственный архив Омской области, г. Омск
- ВУМГС** – Высочайше утвержденное мнение Государственного совета
- ВУПГС** – Высочайше утвержденное положение Государственного совета
- ВУПКМ** – Высочайше утвержденное положение Комитета министров
- ВУПСК** – Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета
- ВУПСМ** – Высочайше утвержденное положение Совета министров
- ВУПВС** – Высочайше утвержденное положение Военного совета
- ВУОГС и ГД закон** – Высочайше утвержденный и одобренный Государственным советом и Государственной думой закон

ИРЧЭ (ИИ) Академия наук Республики Казахстан
Научно-издательский центр «Панорама» ГП

000001517761

Г.Е. Отелова

**История Казахстана
в законодательных источниках
Российской империи**

Монография

Подписано в печать 10.09.2015 г.

Гарнитура Times New Roman. Формат 84×100 1/32.

Офсетная печать. Бумага офсетная.

Усл. печ. листов 15,5. Тираж 500 экз.

Заказ №0922

Научно-издательский центр
Павлодарского государственного педагогического института
140002, г. Павлодар, ул. Мира, 60

Оттепова Гульфира Елубаевна
– доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана и зарубежных стран Павлодарского государственного педагогического института. Закончила исторический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова. В системе высшего образования работает с 1985 года. В 2009 года успешно защитила докторскую диссертацию по специальности

07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования. Более 10 лет занимается сбором, систематизацией, анализом законодательных актов Российской империи по истории Казахстана XVIII – начала XX в. Ею опубликовано более 100 научных работ и докладов, из них более 60 по теме научного исследования, опубликовано 2 монографии, 9 учебных пособий. В 2010 г. стала обладателем международной стипендии Президента РК «Болашак». В 2012 году Оттепова Г.Е. была избрана академиком Академии общественных наук и истории Республики Казахстан. Награждена благодарственной грамотой МОН РК.